

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1, 2024

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 76204 от 02 августа 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д. Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К. П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П. П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А. И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т. В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М. А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А. Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В. В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсеян Ж. И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М. А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р. О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А. И.** (юридический факультет Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С. И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С. И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л. В.** (проф. ДГТУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А. И.** (проф. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л. И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г. С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М. А.** (руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); доктор юридических наук, проф. **Исмаилов Х. Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю. А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю. Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И. А.** (судья Верховного Суда РФ, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2024, № 1

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС. 2024

“To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 1, 2024

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019 issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D. Y.** (Director of Legal Research Center of SRIM RANEPА, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPА, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P. P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A. I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T. V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M. A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University), professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A. D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh. I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M. A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R. O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, Professor **Aliev A. I.** (Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S. I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (professor of Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A. I.** ((professor of SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G. S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Head of the Research Laboratory "Customary Law" of the Faculty of Law of Dagestan State University, Makhachkala, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y. N.** (associate professor, SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	9
<i>А. М. Цалиев</i> Об истоках государственности Северной Осетии (к 100-летию государственности РСО-Алания).....	9
<i>И. Д. Хабаев</i> Реформирование властных структур в имамате Шейха Мансура.....	18
<i>Л. Г. Зимовец, А. В. Куликовский</i> Доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и его соотношение со смежными понятиями и категориями.....	25
<i>Н. Н. Апостолова</i> Справедливость как основа возрождения России.....	31
<i>А. Н. Маремкулов</i> К вопросу применения термина «стабилизационная оговорка»: ретроспективный анализ	38
<i>А. Р. Гетажеева</i> Проблема происхождения права в концепции общей теории права Г. Ф. Шершеневича.....	44
<i>Е. Г. Медведева</i> Сравнительный анализ социальной политики СССР и Германии в хрущевский период (1953–1964 гг.).....	52
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ...	61
<i>П. П. Баранов</i> Основные проблемы конституционно-правового механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ и пути их разрешения.....	61
<i>Л. В. Акопов, И. А. Сизько</i> Проблемы формирования состава Конституционного Суда Российской Федерации.....	69
<i>М. В. Богачева</i> Формирование норм административного законодательства, регламентирующего информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.....	74
<i>П. М. Мирошкин</i> Предвыборная агитация в Telegram-каналах: проблемы правового регулирования.....	82
<i>М. Л. Хабачиров</i> Право на дерогацию	92
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	102
<i>Н. А. Сармин, А. С. Дороганова</i> О совершенствовании процедуры государственной регистрации вновь создаваемых некоммерческих организаций	102
<i>Т. Б. Гуляева, К. А. Кочарян, Р. О. Байрамова</i> Проблема возникновения обязательств по договору, заключенному с использованием переписки в социальных сетях.....	109

<i>Д. Г. Замай</i>	
Определение риска как гражданско-правовой категории.....	116
<i>Г. С. Шурляков</i>	
Аксиология гражданско-правовой субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица при его несостоятельности (банкротстве) в парадигме философии права.....	126
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	133
<i>О. Н. Лазаренко, О. Н. Лаврова</i>	
Проблемы института дознания в сокращенной форме: современное состояние и перспективы развития	133
<i>А. В. Шевченко</i>	
Способы приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, как элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ	142
<i>В. В. Носко</i>	
Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия терроризму	150
ЗОЛОТАЯ ПРОПОРЦИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ, ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	158
<i>А. В. Кокин</i>	
Ассимиляционный потенциал природы и территорий: нетривиальные следствия управления устойчивым эколого-экономическим развитием	158
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	169
<i>Н. Ю. Лазарева</i>	
«Искусство науки» в массы, или Новая научная школа профессора А. И. Бойко	169
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ.....	171
ТВОРЦЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	172
<i>Д. Ю. Шансугов</i>	
В. Ф. Коток – выдающийся деятель творческой юриспруденции СССР XX века.....	172
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	174

CONTENTS

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	9
<i>Alexander M. Tsaliev</i> On the origins of North Ossetia's statehood (to the 100th anniversary of the statehood of North Ossetia-Alania)	9
<i>Ibrahim D. Khabaev</i> Reforming the power structures in the imamate of Sheikh Mansour	18
<i>Lyudmila G. Zimovets, Alexander V. Kulikovsky</i> Doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories	25
<i>Natalia N. Apostolova</i> Justice as the basis for the revival of Russia	31
<i>Arsen N. Maremkulov</i> On the application of the term "stabilization clause": a retrospective analysis.....	38
<i>Aminat R. Getazheeva</i> The problem of the origin of law in the concept of the general theory of law by G. F. Shershenevich	44
<i>Elizaveta G. Medvedeva</i> Comparative analysis of the social policy of the USSR and Germany in the Khrushchev period (1953–1964).....	52
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND INTERNATIONAL LAW	61
<i>Pavel P. Baranov</i> The main problems of the constitutional and legal mechanism for the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and ways to resolve them.....	61
<i>Leonid V. Akopov, Igor A. Sizko</i> Problems of formation of the composition of the Constitutional Court of the Russian Federation.....	69
<i>Maria V. Bogacheva</i> Formation of norms of administrative legislation regulating information support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation	74
<i>Pavel M. Miroshkin</i> Election campaigning in Telegram channels: problems of legal regulation.....	82
<i>Muaed L. Khabachirov</i> The right to derogation	92
PROBLEMS OF CIVIL LAW	102
<i>Nikolay A. Sarmin, Anastasia S. Doroganova</i> Features of making changes to the constituent documents of non-profit organizations.....	102
<i>Tatyana B. Gulyaeva, Karina A. Kocharyan, Rena O. Bayramova</i> The problem of arising obligations under an agreement concluded with the use of correspondence on social networks	109

<i>Dmitriy G. Zamay</i>	
Definition of risk as a civil legal category.....	116
<i>Georgy S. Shurlyakov</i>	
Axiology of civil subsidiary liability controlling persons of a debtor – a legal entity in the event of its insolvency (bankruptcy) in the paradigm of legal philosophy.....	127
PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW.....	133
<i>Olga N. Lazarenko, Oksana N. Lavrova</i>	
Problems of the institute of inquiry in abbreviated form: current state and prospects of development.....	133
<i>Andrey V. Shevchenko</i>	
Methods of acquiring or selling property obtained in advance by criminal means, as an element of the criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	142
<i>Valery V. Nosko</i>	
Criminal and criminological support for countering terrorism.....	150
GOLDEN PROPORTION IN JURISPRUDENCE, LEGISLATION AND PRACTICE OF ITS APPLICATION, LEGAL EDUCATION	158
<i>Alexander V. Kokin</i>	
Assimilation potential of nature and territories: non-trivial consequences of managing sustainable environmental and economic development.....	159
SCIENTIFIC LIFE	169
<i>Natalia Yu. Lazareva</i>	
"The Art of Science" to the masses, or The new scientific school of professor A. I. Boyko.....	169
FROM THE EDITORIAL MAIL	171
THE CREATORS OF RUSSIAN JURISPRUDENCE	172
<i>Damir Yu. Shapsugov</i>	
V. F. Kotok is an outstanding figure creative jurisprudence of the USSR of the XX century.....	172
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	174

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 9–17
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(1):9–17

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-9-17>

EDN ONYNME

Об истоках государственности Северной Осетии (к 100-летию государственности РСО-Алания)

Александр Михайлович Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ, Россия, aronaron666@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Аннотация. В статье рассматриваются истоки государственности Северной Осетии, коими стали Терская Советская Республика и Горская АССР, что убедительно обосновывается соответствующим историческим материалом. Утверждается, что Конституция и предусмотренные в ней органы государственной власти – представительные, исполнительные и судебные, а также местные органы власти являются важнейшими элементами государственности, поэтому они стали предметом исследования. Отмечается, что на примере прошлой и современной внешней политики США и западных стран, становится очевидным, что в их крайне отрицательном и корыстном отношении к России ничего не меняется. В завершении статьи делается и другой вывод: указанные республики стали своеобразным «учебно-практическим пособием» для народов Северного Кавказа в их стремлении создать свои национальные формы государственности.

Ключевые слова: Северная Осетия, Терская Советская Республика, Горская Автономная ССР, Северный Кавказ, Конституция Российской Федерации, Конституция Осетии, органы государственной и местной власти, съезды осетинского народа

Для цитирования: Цалиев А. М. Об истоках государственности Северной Осетии (к 100-летию государственности РСО-Алания) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 9–17. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-9-17>. EDN ONYNME

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the origins of North Ossetia's statehood (to the 100th anniversary of the statehood of North Ossetia-Alania)

Alexander M. Tsaliev

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University). Vladikavkaz, Russia, aronaron666@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Abstract. The article examines the origins of the statehood of North Ossetia, which became the Terek Soviet Republic and the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic, which is convincingly substantiated by relevant historical material. It is argued that the Constitution and the bodies of state power provided for in it – representative, executive and judicial, as well as local authorities are the most important elements of statehood, so they became the subject of research. It is noted that based on the example of past and current foreign policy of the United States and Western countries, it becomes obvious that nothing has changed in their extremely negative and selfish attitude towards

Russia. At the end of the article, another conclusion is made: these republics have become a kind of "educational and practical aid" for the peoples of the North Caucasus in their desire to have their own national forms of statehood.

Keywords: North Ossetia, Terek Soviet Republic, Mountain Autonomous SSR, North Caucasus, Constitution of the Russian Federation, Constitution of Ossetia, state and local authorities, Congresses of the Ossetian people

For citation: Tsaliev A. M. On the origins of North Ossetia's statehood (to the 100th anniversary of the statehood of North Ossetia-Alania). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):9–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-9-17>. EDN ONYNME

Северо-Осетинская автономная область, как первая полноценная, устойчивая и жизне-способная государственность имела свои истоки. Они уходят в историю образования и деятельности Терской Советской республики, а затем Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР). Опыт и навыки национально-государственного строительства, приобретенные Северной Осетией как национального округа, в составе указанных государственно-правовых образований народов Северного Кавказа имеют бесценное значение для понимания истории возникновения государственности Республика Северная Осетия-Алания.

Обращая внимание на актуальность исследования истории государственно-правового развития народов Кавказа, известный профессор Д.Ю. Шапсугов еще более 10 лет назад писал, что «Данная проблема выдвигается на первый план, как из-за обширности накопленного историко-правового материала, так и из-за неизученности способов его осмысления» [1, с. 14]. Вполне очевидно, что в той или иной степени это характерно и для аналогичных исследований, проводимых как в других регионах, так и в масштабах Российской Федерации. Но ныне, с учетом, с одной стороны, новых конституционных положений о признании идеологического и политического разнообразия, гарантии свободы научного творчества, мысли и слова, с другой, расширением доступа к архивным материалам и закрытой до сих пор литературы, значительно расширяются возможности поиска исторической истины и ее объективного осмысления для формулирования логически обоснованных выводов соответствующих действительности.

Следует иметь в виду, что каждое явление, событие и процесс объективно имеют свои истоки, причины и условия, порождающие или же способствующие им, поскольку, говоря предельно просто и кратко, «из ничего ничего не возникает». В связи с этим, для более правильного и глубокого понимания того или иного вопроса, любой здравомыслящий человек пытается осознать и оценить его на бытовом уровне не только с точки зрения данности, но и прошлого, т.е. предшествующего настоящему. В науке для всестороннего исследования и понимания объекта изучения используется исторический метод познания, что означает исследование прошлого, основанного на всестороннем анализе источников и построении реконструкции, уже имевших место событий и процессов. Он позволяет нам понять, как и почему произошли определенные события и как они повлияли на развитие общества и государства. Отмечая значение историко-сравнительного метода, известный ученый-историк, исследователь осетинского обычного права, М.М. Ковалевский писал, что он является необходимым приемом в истории изучения права того или иного народа. Благодаря ему исследователь открывает путь к научному объяснению причин возникновения того или другого учреждения в истории изучаемого права [2].

Если становление и развитие обычного права Осетии имеет непрерывную многотысячелетнюю сложную историю, уходящую в глубь веков, ко временам скифо-сарматско-аланского периодов, то формирование ее национальной государственности нельзя назвать полным и последовательным, прямым и всегда удачным, как собственно и у других народов. Находясь в состоянии непрерывной войны, каждый народ, в период своего военного, экономического и политического могущества строил свое государство, добиваясь его величия, а то и терпя унижения, вплоть до потери своей государственности, а иногда и утраты себя как этноса, как это

почти случилось в X-XIII вв. у ближайших предков Осетин-аланов. Последние, как отмечается в фундаментальной работе «Осетины», подготовленной под эгидой Российской академии наук в «X-XIII века аланы создали сильное государство, история которого связана с историей осетинского народа» [3]. К сожалению, после разрушительного монголо-татарского нашествия, аланы потеряли не только свою государственность, но и начали терять себя как народ. Неслучайно в Осетии бытует история о «Задалески Нана» (мать с. Задалеск в РСО-Алании), как о женщине, подобравшей нескольких детей – сирот, оставшихся после указанного нашествия, и таким образом чудом спасшая свой народ от исчезновения с исторической арены.

Прошли столетия, целый исторический период, капиталистический строй в России сменился социалистическим, и только тогда возникла национальная государственность Северной Осетии. Государственность в узком и доступном ее понимании означает государственную организацию, создаваемую людьми для управления делами общества. Будучи первой ступенью государственно-правового развития общества, она становится той организацией, без которой невозможно прогрессивное развитие народа. А это, как показывает история, невозможно без соответствующей организации органов государственной и местной власти, поэтому люди, при всем их критическом отношении ко всему, что связано с государственным началом, вынуждены за счет своих налогов содержать указанные органы, составляющие основу государственности. Именно поэтому ее становление связано с образованием органов государственной и местной власти, определение их функций и полномочий, форм функционирования и взаимоотношения с институтами гражданского общества, политическими партиями, другими элементами всей политической системы.

И наконец, самое главное, определение взаимоотношений личности и государства на разных этапах развития государственности, которое закрепляется и регулируется действующей Конституции РФ, как важнейшим элементом государственности. Так, в ней предусматриваются не только статус человека, его права и обязанности, в том числе, перед государством, но и обязанности последнего перед человеком. Так, согласно ст. 2 Конституции РФ «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Более того, согласно ст. 18 Конституции РФ «Права и свободы человека являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Такие обязанности государства перед человеком впервые предусматриваются на конституционном уровне и юридически грамотные люди в судебном порядке добиваются обеспечения реализации данной правовой нормы и таким образом, как говорят юристы, «оживляют» нормы Конституции, превращая ее из сухого текста закона, в весьма действенный инструмент для решения своих задач и защиты интересов.

Каждый человек должен знать и быть уверенным в том, что указанные конституционные нормы не абстрактные законодательные положения, а имеющие весьма важное и непосредственное практическое значение. Вооружившись ими, вдумчивый читатель поймет значение и социальную ценность государства (государственности) в жизни каждого человека и общества. Данное мое вынужденное, но необходимое отступление от указанной темы статьи, позволяет глубже осознать смысл и значение государственности, а также цель тех мероприятий, которые проводятся в Республике Северная Осетия-Алания по поводу ее юбилея, согласно Указу Президента В.В. Путина от 20 мая 2019 г. «О праздновании 100-летия образования Республики Северная Осетия-Алания» и решениями Главы республики С. И. Меняйло.

Отметим, что становление государственности Северной Осетии происходило в очень сложной социально-политической обстановке в 1917-1920 гг. Тогда шла ожесточенная борьба за установление Советской власти и развязавшаяся в связи с этим гражданская война из-за противостояния двух политических сил – большевиков, борющихся за установление нового социального строя – социалистического, и меньшевиков, отстаивающих старый, капиталистический строй. Последние на Северном Кавказе организовали «Союз объединенных горцев»,

который пользуясь поддержкой империалистических держав, стремившихся к установлению колониального господства на Кавказе, еще 8 ноября (21 декабря) 1917 г. вынес решение об отделении Северного Кавказа от России. С победой Советской власти на Северном Кавказе Горское правительство бежало в Тифлис. 4 мая 1918 г. оно официально объявило о создании «независимого» Северо-Кавказского государства. Горское правительство развернуло лихорадочную дипломатическую деятельность, пытаясь заручиться поддержкой правительств Германии, Англии, Австро-Венгрии, Франции, Болгарии, Турции и других государств. Вскоре (8 мая) был заключен «дружеский договор» с Турцией, по которому «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления стремлений народов Северного Кавказа». Взамен военной помощи, правительство «Союза объединенных горцев Кавказа» отдавало свою «республику», то есть весь Северный Кавказ, под протекторат Турции, чего последняя всегда добивалась.

Советское правительство решительно отклонило заявление правительства Германии, сделанное им в поддержку «правительства» «Союза объединенных горцев». В ноте, врученной германскому послу в Москве Мирбаху народным комиссаром по иностранным делам Г.В. Чичериним, говорилось: «Народный комиссариат считает долгом указать, что народы и племена Черноморского побережья, Кубани, Терека и Дагестана давно уже высказались на своих демократически организованных съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией. Против попытки небольшой кучки попать волю широких слоев своего народа, а также узурпации власти этой кучкой Российская Советская власть будет выступать самым решительным образом».

И действительно, узнав о контрреволюционных действиях Горского правительства, направленных на отторжение Северного Кавказа от Советской России, Терский Народный Совет 24 апреля 1918 г. на экстренном заседании единогласно принял резолюцию, в которой действия Горского правительства были расценены как «самозванство и авантюризм». «Терский Народный Совет выражает свое удивление, – говорилось в резолюции, – политической близорукости и наивности турецкого правительства, которое могли ввести в заблуждение проходимцы. Терский Народный Совет... заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики».

Горская контрреволюция получила решительный отпор со стороны самих трудящихся масс. Открывшийся 22 мая 1918 г. III съезд народов Терской республики принял резолюцию, осуждавшую провокационную политику Горского правительства. «Съезд всенародно заявляет, – говорилось в резолюции, – о своем негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики». Таким образом, на Тереке, впрочем, как и на всем Северном Кавказе, органам возникшей буржуазной национальной государственности успешно противостояли органы советской национальной государственности. Данному историческому сюжету неслучайно уделил внимание. И сегодня авантюристические идеи так называемого «Горского правительства», бежавшего и обосновавшегося в Грузии, и через 100 лет вновь оживают в памяти их идеологических потомков, в лице некоторых современных политических деятелей и псевдополитиков, которые предлагают отделить Северный Кавказ от Российской Федерации. Они подбадриваются, а чаще всего иницируются представителями США и тех же, ранее указанных западных стран. По существу ничего не меняется в их критически-унизительном и потребительском отношении к России, разве что придумываются более изощренные методы и способы удовлетворения своих политических и корыстных интересах. Еще Ф.М. Достоевский, знаток человеческой души, отмечал: «Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала за своих, за европейцев, а всего лишь за дозападных пришельцев».

С учетом сказанного, необходимо знать ту, невероятно сложную внутреннюю и внешнюю международную обстановку, в которой приходилось создавать государственность Северной Осетии. Вполне логично, что наиболее важные ее вопросы решались на съездах осетинского народа и народов Северного Кавказа. Так, в ноябре 1917 г. на IV Съезде осетинского народа был избран Осетинский Национальный (с апреля 1918 г. – народный) Совет, который временно (до созыва Учредительного собрания) наделялся всей полнотой государственной власти.

Из всех съездов осетинского народа, на мой взгляд, наиболее значимым стал V Съезд осетинского народа, состоявшегося 1 (14) февраля 1918 г., в Ардоне. Здесь был принят чрезвычайно важный конституционный документ – Положение (Конституция) «Об Осетинском национальном совете». Хотя сам документ назывался Положением, нет никаких сомнений в том, что речь идет о Конституции, о чем свидетельствует не только его содержание, но и ряд норм, где оно напрямую именуется Конституцией. Отметим, что она была принята почти за полгода до Конституции РСФСР, что, с одной стороны, объясняется большим объемом социально-политических проблем как внутреннего, так и внешнего характера на федеральном уровне, с другой, национальным менталитетом осетинского народа, в соответствии с которым осетин строил свою жизнь, поведение, следуя строго нормам обычного (неписаного) права. Осетинские обычаи, писал известный ученый, исследователь обычного права осетин В. Б. Пфафф, «действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления и ни малейшего исключения» [4, с. 184]. Они имели сакральное значение для осетин, поэтому игнорирование их, а тем более, нарушение, считалось святотатством. Отсюда и постоянное стремление жить и строить свое поведение в системе определенных правовых координат, на основе какого-то нормативного документа, в данном случае – Конституции.

Я уже высказывался по поводу указанной Конституции в печати, поэтому в данной статье хотелось вкратце выделить те ее аспекты, которые связаны с рассматриваемой темой. В первую очередь, отметим то, что сама Конституция является важнейшим элементом государственности, поскольку она определяет ее статус, социальную ценность и роль в управлении делами общества среди всех других элементов политической системы. Ее же элементами являются органы государственной и местной власти, организация и функционирование которых регулируются Конституцией.

На указанном Съезде и в принятой на нем Конституции были сформированы публичные органы власти Осетии. Так, согласно Конституции, высшая власть на территории Осетии принадлежала Осетинскому национальному собранию, то есть Съезду народа, как представительному и законодательному органу власти и Осетинскому национальному совету, – исполнительному и распорядительному органу власти.

В Конституции, в отдельном разделе, регламентировались законодательные права Национального совета: он давал толкование постановлениям Национального собрания; издавал законоположения, не противоречащие существующим постановлениям Национального собрания; пользовался правом обложения населения прогрессивно-подходящим налогом; имел право, в исключительных случаях, издавать постановления по вопросам текущего момента, каковые он обязан был вносить на очередную сессию Национального собрания.

В ст. 6 следующего раздела Конституции предусматривается, что Осетинский Национальный совет организует на территории Осетии управление и национальные воинские силы, контролирует все существующие учреждения, хозяйственные организации, и руководит их деятельностью. В соответствии со ст. 7 Комиссар, начальник народной милиции, заведующие отдельными высшими органами народного управления избираются Национальным собранием.

В других статьях Конституции предусматривались внешние политические функции. Так, Национальный совет имел право избирать представителя осетинского народа в Центральный комитет горцев. Он же имел самостоятельного представителя в Тифлисе, для

защиты национальных интересов. Кроме этого, согласно ст. 12 Конституции Осетинский Национальный совет имел право заключать договоры с соседними народами.

Таким образом, договорная практика между субъектами РФ и федеральным центром, возникшая в постсоветский период, имела региональную правовую основу еще в 1918 г. в Осетии в лице 1-й Конституции. Однако указанный, исторически и социально-политический важный конституционный документ, фактически остался вне общественного внимания и не получил должной оценки в осетинской исторической и юридической науке. Так, в академическом издании «История Северо-Осетинской АССР» (Орджоникидзе, 1966) ни одного слова не сказано об этом важном документе и Осетинском Съезде. То же самое повторилось в фундаментальной работе «История Осетии» XX век». (Владикавказ, 2003). Здесь, в конце работы, перечисляя знаменательные события и даты, авторы данного раздела, не сочли нужным отметить среди них 5-й Съезд осетинского народа и принятую на нем 1-ю Конституцию Осетии [5, с. 616-629].

25 января (7 февраля) 1918 г. в г. Моздоке состоялся первый съезд народов Терека, на котором после рассмотрения вопроса об организации власти был избран высший орган государственной власти – Терский народный Совет. Для управления делами области было организовано 10 коллегий. В ходе работы съезда «Социалистический блок» добился признания необходимости объявления Терской области демократической республикой «рабочих, солдат, крестьян и горцев», оставаясь при этом в составе Российской Федерации. Делегация Осетии выступая на съезде заявили, что он должен стать «Первым и решительным ударом по Гражданской войне» и что осетинский народ полон решительности «Поддерживать совместно со всей демократией гражданский мир и братство народов области». Такие заявления вполне соответствуют менталитету осетинского народа, его национальному самосознанию и взаимоотношениям с другими народами, с которыми как в Осетии, так и за ее пределами традиционно складываются прочные межнациональные, дружеские отношения, что подтверждается многочисленными примерами. Неслучайно, основоположник осетинского литературного языка, известный поэт Коста писал:

***«Весь мир мой храм,
Любовь – моя святыня,
Вселенная – Отечество мое».***

В ходе работы указанного съезда «Социалистический блок» добился признания необходимости объявления Терской области демократической республикой, как формы государственности. На заключительном заседании, съезд принял постановление о создании областного органа народной власти – Терского народного областного фронта. В его лице создавалась новая власть и были сделаны первые шаги по пути объединения народов вокруг нее. Терская область была объявлена неразрывной частью Советской России, тем самым был нанесен первый удар по сепаратистским тенденциям горских и казачьих верхов.

Съездом была принята составленная С. М. Кировым и одобренная социалистическим блоком Декларация, в которой, в частности, заявлялось, что каждому народу должна быть предоставлена действительная возможность устраивать свою жизнь по своему усмотрению. Это было важное политическое заявление, поскольку открывало дорогу самостоятельному государственному строительству каждого народа Северного Кавказа с учетом исторических, национальных, местных и иных особенностей.

После Моздокского съезда, в Северной Осетии, как и в других национально-территориальных образованиях на Северном Кавказе, начали создавать местные органы власти и управления. Кроме того, в постановлении данного съезда также указывалось, что «в пределах своих территорий каждой народности предоставляется право устанавливать свои национальные суды, творящие правосудие по народным обычаям и законам». Так, в Северной Осетии действовали в основном местные народные суды, областной суд, сельские суды, ущельские суды, рассматривающие дела на основе норм обычного права.

16 февраля (1 марта) 1918 г. в Пятигорске открылся II Съезд народов Терека, завершивший свою работу во Владикавказе. На нем – 3 (16) марта 1918 г. была провозглашена Терская Советская Республика как составная часть РСФСР, объединившая народы Терской области. Съезд признал власть Совнаркома РСФСР и избрал высший орган власти – Терский областной народный совет. При нем создавались национальные фракции: кабардинская, балкарская, осетинская, чеченская, ингушская, казачья и иногородних.

Народный совет сформировал исполнительный орган для непосредственного управления республикой – Совнарком (правительство Терской республики). В национальных округах органами власти объявлялись народные советы, которые для исполнения повседневной текущей работы формировали окружные и отдельные народные управы. В сельской местности действовали соответствующие народные советы и организованные при них управы или исполкомы. Таким образом, народные советы разных уровней стали основой государственности Терской республики.

Органы власти всех уровней формировались в результате выборов, которые проводились на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права. Совнарком Терской республики принимал меры к скорейшему разрешению злободневных для Терской области вопросов: земельного, национального, обеспечение безопасности и др. Отметим, что Терская республика просуществовала не более года, но это был период, когда время исчислялось не годами, а событиями исторической важности.

Терская республика была лишь началом развития национальной государственности народов Терека, а также и всего Северного Кавказа и стала 1-й в составе РСФСР автономной республикой. В результате чрезвычайно сложных условиях внешней и внутренней обстановки того периода, национальные начала не получили должного развития, не полностью раскрылись национальные формы государственности. Тем не менее, историческое значение Терской республики состоит в том, что она явилась первой формой коллективной, межнациональной автономии, получившей дальнейшее развитие. Накопленный в ней опыт национально-государственного строительства не пропал бесследно, он оказался полезным для дальнейшего развития и совершенствования форм национальной государственности народов Северного Кавказа.

Важным событием в общественно-политической жизни Северной Осетии явился созыв XI съезда осетинского народа, работа которого проходила со 2 по 9 декабря 1919 г. (первая сессия) и с 11 по 30 января 1920 г. (вторая сессия). В отличие от предыдущих, на этом съезде принимали участие делегации от терских казаков и кумыкского народа. В приветственной речи при открытии съезда руководитель кумыкской делегации Алхазов не без основания говорил о важной роли Осетии в политической жизни Северного Кавказа, подчеркнув, что «другие народы, в частности кумыки, чутко прислушиваются к тому, что делается в Осетии. Как ошибки, так и мудрые решения осетинского съезда соответственным образом отражаются среди соседних народов... Осетия... должна работать и за себя, и за своих соседей» [5, с. 183].

После окончания Гражданской войны, восстановления советской власти на Северном Кавказе, для решения здесь социально-экономических вопросов, обеспечения жизнедеятельности населения региона, со всей своей остротой встали проблемы организации и укрепления органов власти, формирования права и повышения его регулятивной функции, определения форм национальной государственности. В связи с этим 12 ноября 1920 г. на собрании Владикавказской партийной организации с докладом о предстоящем провозглашении автономии народов Терека выступил С. М. Киров, наметивший задачи в области государственного строительства. До провозглашения Горской республики руководство экономической жизнью народов Терской области осуществлял сформированный в августе 1920 г. исполком Терского областного Совета, взявший на себя всю работу по подготовке к съезду народов Терека, открывшийся 17 ноября 1920 г. во Владикавказе. На нем присутствовало 500 делегатов, которые представляли все народности области. С докладом «О советской автономии Терской области»

на съезде выступил И. В. Сталин. Он же по поручению ВЦИК и Совнаркома РСФСР огласил «Декларацию об образовании Горской Автономной Советской Социалистической Республики».

20 января 1921 г. Декретом ВЦИК была образована Горская Автономная Советская Социалистическая Республика. В ее составе Северная Осетия, в статусе национального округа, общалась к опыту государственного строительства, под которым понимается организация и функционирование публичных органов власти (государственных и местных) и распределением между ними полномочий для эффективной реализации их функции с целью прогрессивного развития общества и государства.

14 сентября 1922 г. Президиум Горского Центрального Исполнительного Комитета утвердил Конституцию Автономной Горской Советской Социалистической Республики, согласно которой были образованы высшие органы государственной власти Горской республики: Горский съезд Советов, Горский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров.

Еще до образования Горской АССР, в апреле 1920 г. Терским областным ревкомом вся судебная система в области была ликвидирована, деятельность мировых судей и съездов мировых судей прекращена и все дела переданы восстановленным в своих правах народным судам и Советам народных судей. Продолжили действовать шариатские суды. Руководство всей судебной системой было возложено на отделы юстиции областного и окружных ревкомов. Разъясняя наличие шариатских судов, заведующий областным отделом юстиции К. Н. Дигуров писал окружным ревкомам 21 мая 1920 г., что Советская власть неуклонно проводит в жизнь принципы полного уважения к обычаям и особенностям горских народов и всячески избегает резкой и коренной ломки веками складывающегося уклада жизни тех народов, кои еще не подготовлены к этому ходом исторического развития [6, с. 171].

Такую позицию поддержали и в Центре. Так, И. В. Сталин, хорошо знавший Кавказ, в своем выступлении на Втором съезде народов Терека во Владикавказе 17 ноября 1920 г. с докладом «О советской автономии Терской области» заявил: «Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату».

В зависимости от распространения мусульманской религии в национальных районах исследуемого региона, во-первых, количество шариатских судов было разное, во-вторых, они функционировали с различной степенью интенсивности. Так, в Северной Осетии, поскольку большинство населения исповедует православие, они имели место лишь в некоторых населенных пунктах. Однако, с некоторых мест требовали увеличить их количество. Об этом свидетельствует выступление на II съезде Советов Горской АССР одного из его делегатов Алиларды Заева: «Я делегирован мусульманским населением дигорских аулов – Магометанского и Ново-Уруха на II съезд горских народов со следующим конкретным полномочием – спросить съезд – почему мы – мусульмане Дигории (8 аулов), а равно Осетии (10 аулов) и города Владикавказа – лишены шариатского суда? Чем объяснить такое прямое нарушение постановления Учредительного съезда по шариатскому вопросу?» [7, с. 53–65].

В 1921 г. в Северной Осетии были сформированы советские судебные органы: окружные народные суды, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела по советскому закону, а также курировавший их работу областной совет народных судей. Наряду с народными судами, в Осетии действовали и Революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным правонарушениям и преступлениям против Советской власти. Отметим, что ЦИК Горской республики не раз отказывал осетинским сельским советам в их просьбах открыть на местах «адатные» суды, рассматривающие дела на основе норм обычного осетинского права, мотивируя это решение тем, что «с точки зрения советского законодательства медиаторский суд недопустим». Об этом свидетельствует Постановление ЦИК Горской АССР от 22 июля 1922 г. «Об отмене решения заманкульского сельского совета об открытии в селении медиаторского суда».

В заключение отметим, что многонациональная и многоконфессиональная Терская, а затем Горская республики стала наиболее целесообразной формой государственности народов Северного Кавказа. Они обеспечивали объединения их людских, производственных и природных ресурсов для решения социально-экономических и государственно-правовых вопросов, сыграли огромную роль в интернациональном воспитании и укреплении дружбы народов Северного Кавказа. Нет сомнения в том, что Терская Советская Республика и Горская АССР послужили своеобразным «Учебно-практическим пособием» для малочисленных народов Северного Кавказа в формировании своих будущих национально-государственных образований. Если говорить об осетинском народе, то 1918–1924 гг. в составе сначала Терской, а затем Горской республик стали подготовительным этапом для создания условий перехода к осетинской национальной государственности.

Список источников

1. Шапсугов Д. Ю. Проблемы формирования методологии исследования, адекватной истории государственно-правового развития народов Кавказа / Государство и право народов Кавказа. Нальчик–Ростов-на-Дону, 2013.
2. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения в истории права. М., 1880.
3. Осетины. Отв. ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. М.: Изд-во «Наука», 2015. 605 с.
4. Пфафф В. Б. Народное право осетин. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 1.
5. История Северной Осетии. XXI век. Под ред. А.С. Дзасохова. М.: Изд-во «Наука», 2003.
6. Дигуров К. Национальная политика в области судебного строительства // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 6.
7. Цалиев А. М. Судебная власть в республиках Северного Кавказа (1917-2003 гг.). М., 2003. 268 с.

References

1. Shapsugov D. Yu. Problems of forming a research methodology, an adequate history of the state and legal development of the peoples of the Caucasus. In: *State and law of the peoples of the Caucasus*. Nalchik–Rostov-on-Don; 2013. (In Russ.)
2. Kovalevsky M. M. *Historical-comparative method in jurisprudence and methods of study in the history of law*. Moscow;1880. (In Russ.)
3. *Ossetians*. Lead ed. Z. B. Tsallagova, L. A. Chibirov. Moscow; 2015. (In Russ.)
4. Pfaff V. B. *Ossetian folk law*. Collection of information about the Caucasus. Tiflis; 1872. T. 1. (In Russ.)
5. *History of North Ossetia. XXI Century*. Ed. A. S. Dzasokhova. Moscow; 2003. (In Russ.)
6. Digurov K. National policy in the field of judicial construction. *Weekly of Soviet Justice*. 1926;(6). (In Russ.)
7. Tsaliev A. M. *Judicial power in the republics of the North Caucasus (1917–2003)*. Moscow; 2003. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Цалиев – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой органов власти и публичного права Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТИ).

Information about the author

A. M. Tsaliev – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Authorities and Public Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Реформирование властных структур в имамате Шейха Мансура

Ибрагим Дагаевич Хабаев

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
ibragim_habaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена государственно-правовому строительству в имамате Шейха Мансура. Автор, изучив все доступные научные публикации и материалы о жизни и деятельности «первого имама Кавказа», а также движения, названного его именем, в целом раскрывает основные направления эволюции структур власти созданного им государства. Несмотря на относительную скудость правовых источников, касающихся данной тематики, в работе изложены наиболее существенные аспекты реформ административно-территориального управления, социальной политики, фискальной службы и военного ведомства имамата.

Ключевые слова: Шейх Мансур, имамат, реформы, административно-территориальное деление, социальная политика, законодательство, военное строительство, гвардия, налоги, фискальная служба

Для цитирования: Хабаев И. Д. Реформирование властных структур в имамате Шейха Мансура // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-18-24>. EDN YUKVDU

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Reforming the power structures in the imamate of Sheikh Mansour

Ibrahim D. Khabaev

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, ibragim_habaev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to state-legal construction in the imamate of Sheikh Mansour. Having studied all available scientific publications and materials on the life and work of the «first Imam of the Caucasus», as well as the movement named after him, the author reveals the main directions of the evolution of the power structures of the state created by him. Despite the relative scarcity of legal sources related to this topic, the work outlines the most significant aspects of the reforms of administrative and territorial administration, social policy, fiscal service and the military department of the imamate.

Keywords: Sheikh Mansour, imamate, reforms, administrative and territorial division, social policy, legislation, military construction, guard, taxes, fiscal service

For citation: Khabaev I. D. Reforming the power structures in the imamate of Sheikh Mansour. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):18–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-18-24>. EDN YUKVDU

Начавшееся весной 1785 г. народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа во главе с «алдынским имамом» Шаабазан Ушурмой более известным как Шейх Мансур к исходу третьего этапа своего политического развития завершившегося в конце 1788 г. сформировало основные структуры власти имамата. Однако по мере активизации антифеодальной борьбы горцев за свои социально-политические права, а также в связи с необходимостью одновременного противостояния начавшейся военной агрессии царизма с целью колонизации северокавказского региона Мансур приступил к реформированию государственных структур

имамата. Общественно-политическая ситуация сложившаяся к тому времени на Кавказе и в первую очередь в самой Чечне требовала серьезных перемен и переустройства общественного уклада и жизни горских народов.

Свои преобразования Мансур начал с административно-территориальной реформы, затронувшей все субъекты, вошедшие в его состав. С ее завершением имамат представлял собой единую конфедерацию этнонациональных земель, которые управлялись с помощью выработанных веками местных адатов и традиционных систем управления, характерных для народов их населявших. Легитимность решений выносимых этими органами на местах с провозглашением имамата признавалась только при условии их непротиворечия нормам шариата. Территориально союз горцев состоял из исторически сформировавшихся территорий современной Адыгеи, Балкарии, Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Карачая, Осетии, Черкесии и Чеченской Республики, административные границы которых были очерчены лишь после установления Советской власти.

Официальной административно-территориальной единицей имамата Мансура было провозглашено село из-за того, что «во многих поселениях имелось смешанное население, территориальные границы не были четко очерчены, т.к. народы жили чересполосно, часто происходили миграции населения» [1] и посему создание национальных образований внутри имамата могло бы способствовать пограничным конфликтам и межнациональным распрям. Помимо этих опасений в имамате, где господствующей религией был Ислам, все от имама до рядового гражданина знали, что их религия не поощряет установление границ между мусульманами. Наоборот она требует, чтобы умма Мухаммада (с.а.с.) была едина, о чем говорится в «Сахихах («достоверный», «правильный») – хадис, иснад которого был, с точки зрения мусульманских авторитетов, достоверным» [2, с. 208], что вероятно было на практике воплощено в имамате Шейха Мансура. Профессор Я.З. Ахмадов много лет изучавший историческую географию расселения этнического общества Аьккхи (аккинцы) выяснил, что «масса чеченцев исторически долго жила чересполосно с кумыками во многих селах Северного Дагестана» [3, с. 52], а в наше время вследствие расширения границ и ареала проживания живут совместно. Поэтому к концу XVIII в. на Северном Кавказе по причине отсутствия территориального размежевания по этническому признаку не было создано мононациональных образований, а единственной административной единицей стало село.

Для получения сертификата о присвоении населенному пункту статуса села и его регистрации в государственном реестре имамата по «сацаму» [4, с. 74] – постановлению Высшего Совета, заверенному главой страны, поселенцы прежде должны были отстроить соборную мечеть. В связи с тем, что пятничные коллективные молитвы, требовавшие присутствия на богослужении определенного количества мусульман, совершались в джума-мечетях, их строили лишь в густонаселенных аулах имамата. В мелких аулах до определенного уровня популяции населения надобности в них не было, и их жители ограничивались наличием квартальной мечети. По «луналлу» [4, с. 185] – распоряжению имама любое поселение не имевшее статуса села не имело привилегий и сопряженных с ним государственных преференций из чего следует, что главная цель реформы заключалась в укрупнении населенных пунктов имамата. Строительство мечети была обязанностью «джамаата – территориальная община у народов Кавказа» [5, с. 920] как и прописано в Исламе и поэтому не финансировалось из казны имамата. Интересно, что в России «в период феодализма село было административным и хозяйственным центром феодального владения («Село с деревнями»): в нём находился господский («большой») двор. Наличие при большинстве таких дворов церкви обусловило позднейшее (19 в.) определение села как крупного крестьянского поселения с церковью, хозяйственного и административного центра для близлежащих деревень» [6, с. 205], т.е. в России «наличие церкви главным образом отличало село от деревни»¹ как и государстве Мансура.

¹ Чем отличается село от деревни? [Электронный ресурс]. URL: <https://kipmu.ru/chem-otlichaetsya-selo-ot-derevni/> Дата обращения: 13.09. 2023 г.

С получением сельского статуса дела, по администрированию прежде являвшееся привилегией одного лишь «юрт да», от чеч. «юрт – село, селение, деревня, аул» [7, с. 419] и «да – отец» [8, с. 233] избираемого сходом сельчан перешла к духовнику, которого, как и остальных чиновников среднего звена утверждал сам Мансур. В помощь ему придавался «наиб (арабск. – наместник) – в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока заместитель или помощник какого-либо начальника или духовного лица» [9, с. 57] на котором лежала основная нагрузка по ежедневному управлению селом. Русский историк П.Г. Бутков, находившийся по долгу службы на Северном Кавказе с начала XIX в. писал, что в исследуемую нами пору «первенствующий в селении называется кади, т.е. судья» [3, с. 242] решавший практически все вопросы, возникавшие в повседневной жизни села. В крупных чеченских анклавов и тайповых сообществах духовная власть вручалась «муфтию – знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фатвы), основываясь на принципах шариата и прецедентах» [2, с. 176–177] в компетенции которого находились вопросы судебной практики и правовой защиты граждан. Имамы-хатыбы, кадии, муллы и наибы по иерархии подчинялись ему.

На основании решения Высшего Совета имамата Мансур велел создать при каждой мечети систему управления по исполнению некоторых государственных функций, среди которых регистрация браков, разводы, социальное обеспечение населения, образование и т.д. Иными словами на мечеть официально возложили функцию, которую она выполняла до создания имамата. Так, например, запись актов гражданского состояния села заносили в специальную книгу «дафтар – тетрадь» [10, с. 104], хранящуюся при мечети и представлявшую собой журнал учета, где фиксировалась информация о заключении «махра - имущество, выделяемое мужем жене при заключении равноправного брака (завадж)» [2, с. 164], рождении и смерти граждан. Как известно так называемые бесписьменные народы Северного Кавказа, среди которых значились и чеченцы после окончательного утверждения Ислама в XVI в. освоили арабскую грамоту. Когда алимы Чечни создали чеченский «букварь – абат» [11, с. 55] на основе арабского алфавита документация в мечетях стала вестись на родном языке. Сам Мансур тоже был занесен в подобный дафтар алдынской мечети в 1760 г. Аналогичным образом велись записи и во всех остальных мусульманских регионах Северного Кавказа входивших в состав имамата.

Здесь же в мечети чиновники фискальной службы совместно с администрацией сел принимали «закят – налог в пользу нуждающихся мусульман» [2, с. 74] свозимый жителями, чей денежный доход, а также движимое и недвижимое имущество достигало установленной в исламском праве нормы, при достижении которой каждый мусульманин был обязан его уплачивать. Размеры закята как очистительной меры и одного из пяти столпов Ислама четко оговорены в шариате и взимаются в виде определенного процента от денежных доходов граждан, приплода скота и собранного ими объема зерновых культур.

Согласно 60-го аята 9-й суры Корана «ат-Тавба» – «Покаяние» эти «Пожертвования предназначены для нищих и бедных, для тех, кто занимается их сбором и распределением, и для тех, чьи сердца хотят завоевать, для выкупа рабов, для должников, для расходов на пути Аллаха и для путников. Таково предписание Аллаха. Воистину, Аллах - Знающий, Мудрый» [12, с. 212]. Учет граждан имеющих право на получения закята постоянно обновлялся, и их списки хранились в мечетях, выполнявшей в этом случае функцию органа социального обеспечения населения.

Исследователи отмечают, что в имамате Мансура были созданы все необходимые условия для оказания материально-финансовой помощи бедным слоям населения, а также социально-правовой защиты сирот, полусирот, вдов, должников, погорельцев, инвалидов и прочих категорий незащищенных граждан. Поэтому структура имамата в некоторой степени напоминала собой современную модель социального государства.

Социальная направленность государственной политики имамата подтверждается и в том, что за время его существования в Чечне сократились феодальные держания земель, а кумыкские, аварские и кабардинские князья, ранее приглашенные чеченцами в качестве посредников между ними и российской администрацией, были изгнаны. Княжеские земли, изъятые у них, были распределены в пользу чеченской бедноты ставшей надежной опорой новой власти. Еще одним доказательством того, что политика имамата основывалась на принципах социальной справедливости и равного перераспределения, материальных благ было то, что основная налоговая нагрузка в нем возлагалась на социально-имущий класс, т.е. богатую прослойку общества. Львиная доля закята шла на пополнение казны имамата, так как данный вид налога был основным источником налоговых поступлений в стране.

Кадии сел, имамы мечетей и фискалы после раздачи неимущим положенной доли закята оставшуюся часть передавали в «хазна – казну» [7, с. 334] государства. В условиях войны она шла на укрепление обороноспособности страны, ее границ и ведение войны.

Другой, но низшей по статусу административно-территориальной единицей Чечни, являлся «куп – квартал (жилой район)» [7, с. 159], состоявший из 20 домов. Его главой назначался «туркх – глашатай, крикун» [8, с. 576] следивший за нравственностью граждан, исполнением религиозных традиций и обычаев народа, общественной безопасностью, экологической и моральной чистотой в купе. Организация общественных мероприятий, «белхи – сложный по своей структуре обычай, в центре которого находился совместный бескорыстный, неоплачиваемый труд» [13, с. 87], свадеб, похорон, санитарной очистки села, базарной и сельской площади, каналов, обустройство кладбищ, а также многие другие общественно-полезные работы на вверенной ему территории вменялась ему в обязанность. В случае нарушения закона или превышения им должностных обязанностей туркх нес уголовную ответственность перед шариатским судом, а в случае нарушения обычаев и традиций народа и по местному адату. Нужно отметить, что исполнению своих указов и распоряжений Мансур придавал первостепенное значение и не терпел правового нигилизма, как со стороны чиновников государственного аппарата, так и рядовых граждан и обывателей. Для ужесточения мер, за невыполнение изданных им нормативных актов, «Мансур стал приводить к присяге народ в подвластных ему деревнях и требовать от них неукоснительного его исполнения. Так, например, придя в Андреевскую деревню (с. Эндери, или Андрей-аул), имам Мансур в начале 1786 г. собрал всех жителей, в том числе и аксаевцев, и привел их к присяге, потребовав от них: к российской стороне никого не пропускать для причинения вреда: за причинение вреда российской стороне брать штраф; наказывать за воровство; никаких торговых караванов не грабить»¹.

Перемены в общественно-политической жизни народов Северного Кавказа в связи с агрессией царских войск и постоянное пребывание горцев в состоянии перманентного вооруженного конфликта, обусловили начало военной реформы в имамате. Понимая, что для отпора врагу ему необходима хорошо вооруженная и экипированная армия с жесткой дисциплиной Мансур начал ее комплектацию сразу после первых вооруженных стычек с царскими войсками. Конечно, военные преобразования требовали от народа концентрации колоссальных людских и материальных ресурсов, ведь содержание регулярной армии всегда и во все времена была архисложной задачей.

Изыскание необходимых средств комплектации армейских частей и подразделений вынудила имама пойти на дополнительный налог с населения, поэтому «для содержания постоянного войска местное население было обложено Мансуром специальной податью: от каждой мечети (купа), т.е. с 20 дворов по одной скотине и по сабе (мешку) муки с каждого двора (дома). Для большей организованности, дисциплинированности и оперативности действий руководителем восставших решено было разбить повстанческие отряды на небольшие группы по 10 человек. Во главе каждой из таких групп должен был стоять тамада (начальник), и каждая

¹ ЦГА Республики Дагестан. Ф. Кизлярский комендант, д. 2635, ч. 2, л. 73.

такая группа располагала своим кошем»¹. Благодаря этим мерам Мансур смог собрать постоянное войско из 500 горцев, которые впоследствии стали основным ядром его будущей армии.

Новые налоги ложились тяжелым бременем на плечи измученного войной народа, но вскоре Мансору пришлось идти на более радикальные меры, с чем были согласны не все горцы. Так весной 1786 г. он распорядился о выделении каждой мечетью Чечни по три человека для пополнения его армии. Об этом в своем рапорте на имя генерал-губернатора Кавказского наместничества П.С. Потемкина подробно пишет генерал Н. С. Шемякин. В его донесении говорится, что Шейх Мансур во главе отряда из 80-ти всадников прибыл к правому притоку Сулака р. Койсу и «требует от чеченцев с мечети по три человека и на содержание их по двадцати копеек со двора»², что было неукоснительно исполнено.

Когда к середине 1786 г. военные действия на Кавказе активизировались, Мансур приступил к формированию повстанческих отрядов, но уже не только в самой Чечне, но и на сопредельных с ней землях. Советниками Мансура в вопросах реорганизации войска стали «Али султан Чепалов-Муртазали, князь из деревни Эндери (Андреевской) кумык, а также Малой Кабарды князь Дол» [14, с. 24]. С их помощью Мансур подготовил законодательную базу по реформированию горской армии и ввел новые мобилизационные правила. На их основании он «стал требовать со всех горских деревень, с каждой мечети по два человека, а также десятую часть хлеба для прокормления находящихся при нем людей (из донесения бригадира Вешнякова от 9 апреля 1786 г.)» [14, с. 24]. Однако для некоторых регионов Кавказа он выдвинул более жесткие условия призыва новобранцев. К примеру «Жители Андреевской и Аксаевской деревень должны были выставить по 10 человек с мечети и по 60 коп. с каждого двора. То же самое Ушурма потребовал и с Костековской деревни» [14, с. 46], в которых преобладало также чеченское население. С чем было связано отступление имама от введенных им же правил, а также ультимативное требование об увеличении числа призывников и объемов подъемной выплаты доподлинно нам неизвестно, хотя можно предположить, что причиной тому была их многолюдность и зажиточность.

Все свое «войско – бѳуо» [8, с. 168] Мансур разделил на подразделения по 10 и 50 «воинов – бѳаьхуо» [8, с. 166] во главе с «тхѳамда – предводитель» [8, с. 580], и сотни под командованием «баьчча – вождь, предводитель» [8, с. 125]. В своем обращении к войску, численность которых по некоторым оценкам колебалась в пределах 20-25 тысяч «всадников – дуошлуой» [8, с. 279] и «пехотинцев – гѳашсалти» [15, с. 449], Ушурм-шейх категорически «запретил каким бы то ни было отрядам идти к российской стороне без его ведома и приказал наказывать за воровство и грабеж, даже если эти деяния совершались на российской стороне» [16, с. 24].

Поначалу в целях обеспечения личной безопасности имама односельчане Мансура «составили вокруг него особую стражу, простиравшуюся до пятидесяти человек. Из этого числа двадцать человек занимали караул у ворот, пятнадцать человек находились постоянно на дворе дома и пятнадцать в сенях» [17, с. 92] охраняя имама. Впоследствии они составили основу мансуровской гвардии созданной по аналогу с «гѳера – дружина» [8, с. 211] – известной в прошлом специальной службы занимавшейся охраной депутатов «Мехкан Кхеташо – Совет Страны» [4, с. 62], членов «Мехка Кхиэл – Суд Страны» [4, с. 62] и «Мехка Урхалла – Правительство» [4, с. 62] Чечни. Во главе их стоял «буьѳранча – командующий» [15, с. 245] отвечавший за жизнь высших руководителей страны. Помимо этого дружина несла караульную службу, охрану резиденции имама, обеспечивала его личную безопасность в пути следования, на съездах, собраниях, сходах и митингах, а также охрану его семьи и близких родственников.

Таковы основные черты и особенности социальной, налоговой, административно-территориальной и военной реформ осуществленных Шейхом Мансуром для укрепления государственных структур власти в имамате, ее обороноспособности и социальной базы.

---

¹ ЦАГ Даг. АССР. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2635, ч. 2, л. 106.

² ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 159 об.

За относительно короткий период времени ему удалось провести реорганизацию общественно-политического устройства не только Чечни, но и других регионов Северного Кавказа. Благодаря своим неординарным качествам лидера и ораторскому искусству убеждения в купе с высоким знанием основ исламской религии, обычаев и традиций горских народов Мансур снискал себе имя, навечно вошедшее в историю национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа против колонизаторской политики царского самодержавия.

Список источников

1. Черноус В. В. Кавказская горная цивилизация как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html>. Дата обращения: 13.09.2023 г.
2. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
3. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы. 2009. 423 с.
4. Абдурашидов Э. Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». 2010. 224 с.
5. Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия. 1999. 928 с.
6. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Т. 23. Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: «Советская Энциклопедия», 1976. 640 с.
7. Исмаилов А. Т. «Слово». Размышления о родном языке / Автор и издатель А. Исмаилов. 2-е изд., доп. и переработ. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 800 с.
8. Вагапов А. Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Изд-во «Меридиани», 2011. 733 с.
9. БСЭ. Т. 29. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1954. 632 с.
10. Колонтаров Я. Новый таджикско-русский словарь. Душанбе. 2008. 320 с.
11. Чеченско-русский словарь / Хамидова З.Х., доктор филол. наук, профессор. М., 2014. 1104 с.
12. Коран. Перевод смыслов: Э. Р. Кулиев. М.: Издательский дом «Умма», 2007. 688 с.
13. Хасбулатова З. И. «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX–XX вв // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С.87–89.
14. Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950.
15. Мусаев Х.Х. Русско-чеченский словарь. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. 800 с.
16. Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный: Изд-во «Седа», 1998. 250 с.
17. Дубровин И. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1886. 318 с.

References

1. Chernous V. V. *Caucasian mountain civilization as a subject of civilizational and cultural interaction*. [electronic resource]. Available from: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html>. [Accessed 13 September 2023]. (In Russ.)
2. *Islam: Encyclopedic dictionary*. Moscow: Nauka. The main editorial office of the Oriental literature; 1991. 315 p.
3. Akhmadov Ya. Z. *An essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the XVI–XVIII centuries*. Moscow: Charitable Foundation for the Support of Chechen Literature; 2009. 423 p. (In Russ.)
4. Abdurashidov E. D. *Chechen-Russian, Russian-Chechen dictionary of legal terms*. Grozny: FSUE Publishing and Printing Complex Grozny Worker; 2010. 224 p. (In Russ.)
5. *Peoples and religions of the world: Encyclopedia*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; 1999. 928 p. (In Russ.)

6. *The Great Soviet Encyclopedia. (In 30 volumes). Vol. 23. A. M. Prokhorov (ed.). Ed. 3. Moscow: "Soviet Encyclopedia"; 1976. 640 p. (In Russ.)*
7. Ismailov A. T. *"The Word". Reflections on the native language / Author and publisher A. Ismailov. 2nd ed., additional and reworked. Elista; 2009. 800 p. (In Russ.)*
8. Vagapov A. D. *Etymological dictionary of the Chechen language. Tbilisi: Publishing house "Meridiani"; 2011. 733 p. (In Russ.)*
9. *The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 29. Moscow: State Scientific Publishing house "Great Soviet Encyclopedia"; 1954. 632 p. (In Russ.)*
10. Kolontarov Ya. *A new Tajik-Russian dictionary. Dushanbe; 2008. 320 p. (In Russ.)*
11. *Chechen-Russian dictionary. Khamidova Z.H., Doctor of Philology, professor. Moscow; 2014. 1104 p. (In Russ.)*
12. *The Quran. Translation of meanings: E. R. Kuliyeu. Moscow: Umma Publishing House; 2007. 688 p. (In Russ.)*
13. Khasbulatova Z. I. "Belkhi" as a traditional form of mutual assistance associated with the economic and family life of Chechens in the XIX-XX centuries. *Society: philosophy, history, culture. 2017;(8):87–89. (In Russ.)*
14. Smirnov N. A. The uprising of Sheikh Mansur in the North Caucasus. *Questions of the history of religion and atheism. Collection of articles. Vol. 1. Moscow; 1950. (In Russ.)*
15. Musaev H. H. *Russian-Chechen dictionary. Grozny: JSC "Publishing and printing complex "Grozny worker"; 2015. 800 p. (In Russ.)*
16. Khozhaev D. *Chechens in the Russian-Caucasian war. Grozny: Publishing house "Seda"; 1998. 250 p. (In Russ.)*
17. Dubrovin I. F. *The history of the war and Russian rule in the Caucasus. Vol. 2. St. Petersburg; 1886. 318 p. (In Russ.)*

Информация об авторе

И. Д. Хабаев – старший преподаватель кафедры права Чеченского государственного педагогического университета.

Information about the author

I. D. Khabaev – Senior Lecturer of the Department of Law of the Chechen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 06.03.2024; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 06.03.2024; accepted for publication 07.03.2024.

Доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и его соотношение со смежными понятиями и категориями

Людмила Григорьевна Зимовец¹, Александр Владимирович Куликовский²

^{1,2}Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

¹nauka-rgsu-s@mail.ru

²kav110890@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению доктринальных подходов к понятию «национальная безопасность» и его соотношению со смежными понятиями и категориями. Автор отмечает, что попытка выработать понятие «национальная безопасность» через суммирование отдельных элементов данного явления контрпродуктивна. Анализируя различные подходы на данную проблему, автор приходит к выводу, что простой «суммарный подход», свойственный современной науке, должен быть вытеснен подходом системным.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, государственность, военная безопасность, экономическая безопасность, инновационная безопасность, демографическая безопасность, безопасность границ, технологическая безопасность

Для цитирования: Зимовец Л. Г., Куликовский А. В. Доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и его соотношение со смежными понятиями и категориями // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 25–30. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-25-30>. EDN YHLFCV

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories

Lyudmila G. Zimovets¹, Alexander V. Kulikovskiy²

^{1,2}Sochi State University, Sochi, Russia

¹nauka-rgsu-s@mail.ru

²kav110890@mail.ru

Abstract. The article discusses doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories. The author notes that an attempt to develop the concept of national security by summing up individual elements of this phenomenon is counterproductive. Analyzing various approaches to this problem, the author concludes that the simple “summary approach”, peculiar to modern science, should be replaced by a systematic approach.

Keywords: national security, state security, statehood, military security, economic security, innovative security, demographic security, border security, technological security

For citation: Zimovets L. G., Kulikovskiy A. V. Doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):25–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-25-30>. EDN YHLFCV

Актуальность нашего исследования продиктована тем, что к настоящему времени российская наука ещё не смогла создать целостную внутренне непротиворечивую теорию национальной безопасности. И самый существенный изъян связан с отсутствием системного подхода, с преобладанием анализа фрагментарных проявлений. Национальная безопасность рассматривается как сумма отдельных видов безопасности, а поскольку их число неуклонно возрастает, научное осмысление идёт по пути рефлексирования на отдельные проявления рассматриваемого феномена, что не позволяет создать общетеоретическую модель.

Научное исследование узкоспециальных проблем национальной безопасности основывается на не критическом восприятии понятийно- категориального аппарата, содержащегося в нормативных правовых актах. В результате возникает ситуация «замкнутого круга». Вместо поиска научной истины, что, собственно говоря, и должно являться целью научной деятельности, происходит «подгонка» теории под несовершенную нормативную модель.

Приступая к исследованию национальной безопасности как сложного социального феномена, следует, прежде всего, отметить тот существенный изъян, который обнаруживается и на уровне доктринальных разработок, и в нормативных документах. Он связан с попыткой выработки понятия «национальная безопасность» через суммирование отдельных элементов данного явления. Совершенно ясно, что этот путь контрпродуктивен, поскольку практически невозможно представить закрытый перечень всего многообразия проявлений, сопрягающихся с анализируемой сферой.

По-видимому, следует согласиться с Э. А. Поздняковым, который полагает, что простой «суммарный» подход, свойственный начальному этапу развития общественных наук, должен быть вытеснен подходом системным. В основе последнего лежит «не рассмотрение отдельных сторон явления, а раскрытие его сущности, его необходимой формы и внутренней логики в единстве всех его сторон и на этой основе – определение интегрального его качества» [1, с. 269].

В научно-исследовательской литературе справедливо указывалось на неправомерность применения понятия «безопасность» через «состояние» и выделять лишь отдельные секторы (частные безопасности).

С точки зрения Ф. В. Фененко, безопасность есть понятие с нулевым объёмом. Исследователь совершенно резонно отмечает, что, живущие биологические системы подвержены постоянному воздействию разнообразных опасностей, тогда как состояние безопасности для них равносильно смерти. Так, с точки зрения конкретной жертвы (отдельного человека), её безопасность – понятие единичное, которое следует определять как способность (свойство) временно находиться в состоянии внешнего гомеостаза (динамического, структурного, а не термодинамического равновесия с окружающей средой) [2, с. 85].

Следует отметить, что раскрытие понятия безопасности как отсутствия опасности довольно широко представлено в юридической литературе. Однако подобная постановка вопроса вызывает обоснованную критику специалистов. В частности, указывается на обыденное понимание опасности и его «негативизм». С другой стороны, справедливо отмечается, что ситуации отсутствия опасностей не бывает. Критикуется и наиболее распространённое определение безопасности как защищённости интересов.

По мнению А. А. Гриценко, учёные, занимающиеся узкоспециализированными разработками проблем обеспечения безопасности, зачастую некритически ссылаются на правовые документы. В то время как очевидно, что безопасность не может быть сведена лишь к состоянию защищённости. В новых условиях она должна отождествляться с предотвращением, управлением и развитием [3, с.87].

Тем не менее, в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации содержится следующая дефиниция безопасности. Она определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации¹.

Разумеется, центральным вопросом нашего исследования является понятие «национальная безопасность». В общественных науках и, прежде всего в юриспруденции, основной теоретико-методологической проблемой данной категории выступает её корреляция

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016№ 1 (часть II), ст. 212.

с другим центральным понятием – «государственная безопасность». Анализ доктринальных воззрений российских правоведов позволяет выделить три возможных варианта соотношения этих понятий.

Сторонники первого подхода исходят из признания синонимичности национальной безопасности и государственной безопасности. Согласно данному подходу, произошло заимствование зарубежного понятия «национальная безопасность», хотя вкладываемый в него смысл может в полной мере быть выражен через понятие «государственная безопасность». В литературе также обращалось внимание на проблемы перевода понятия *national security*. В частности, слово *national* означает не национальность, а именно нацию, государство. Следовательно, речь должна идти о безопасности государства-нации и, следовательно, эквивалентным переводом английского понятия следует признавать понятие «государственная безопасность».

Приверженцы второго подхода склонны были раскрывать понятие национальной безопасности через этничность. И, таким образом, национальная безопасность представляла более узким понятием по отношению к государственной безопасности, в которую она и включалась.

Наконец, третий подход, получивший закрепление в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и разделяемый подавляющим большинством учёных, рассматривает национальную безопасность как максимально широкую комплексную категорию, ключевым элементом которой является государственная безопасность.

Несомненно, употребление понятия «национальная безопасность» в отечественных политико-правовых актах и юридической доктрине является результатом рецепции зарубежной юридической терминологии. Прежде всего, США, где термин «национальная безопасность» (*national security*) в 1904 г. был использован президентом США Т. Рузвельтом в его послании Конгрессу, а в 1947 г. получил и законодательное закрепление («*National Security Act of 1947*»). Важно обратить внимание на эволюцию данной категории. До 1947 г. в американской доктрине этот термин употреблялся исключительно в контексте обороны страны, однако в дальнейшем он был интерпретирован через интеграцию в рамках данной категории внутренней, внешней и оборонной политики, как способность сохранения территориальной целостности, поддержания экономических отношений с другими государствами и защиты границ от внешнего воздействия [4, с. 127].

Российские противники заимствования термина «национальная безопасность» апеллировали к Конституции РФ, в которой данное понятие отсутствует. В частности, С. А. Фомин указывал, что «исторически, да и на современном этапе её развития этот термин не очень подходит, более правильно заменить его на “государственная безопасность” или “безопасность России”» [5, с. 10].

Российская доктрина выделяет множество видов безопасности, как правило, исследователи указывают, что предложенный ими перечень не является исчерпывающим. Так, например, Л. К. Никитина и О. М. Хохлова к видам национальной безопасности относят: 1) военную; 2) космическую; 3) безопасность операций во всемирной сети; 4) безопасность научно-технического прогресса; 5) инновационную; 6) интеллектуальную; 7) биологическую; 8) психологическую; 9) моральную; 10) демографическую; 11) безопасность вероисповеданий; 12) безопасность объектов национальной экономики; 13) безопасность малых народностей; 14) безопасность стратегических природных ресурсов; 15) безопасность развития науки и образования; 16) безопасность развития муниципальных округов и населённых пунктов; 17) безопасность границ; 18) безопасность от террористических организаций; 19) технологическую; 20) безопасность межгосударственных экономических формаций и др. [6, с. 58].

В числе отдельных видов безопасности, включённых в понятие «национальная безопасность», современная российская юридическая доктрина и законодательство выделяют ряд элементов, требующих особого рассмотрения.

Особого внимания заслуживает крайне сложное и противоречивое понятие «государственная безопасность». Теоретические проблемы государственной безопасности требуют акцентирования внимания на самом феномене государства и государственности.

В литературе понятие государственной безопасности раскрывается как состояние защищённости государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета от внутренних и внешних угроз.

Анализ специальной литературы красноречиво свидетельствует, что до принятия Стратегии национальной безопасности России в юридической доктрине в понятие «безопасность государства» вкладывался такой смысл, который теперь официально связан с понятием национальной безопасности. Ранее исследователями обосновывался следующий иерархический ряд: безопасность государства (основа) – государственная безопасность (родовой признак) – иные виды безопасности (видовые элементы). Теперь же возник следующий понятийный ряд: национальная безопасность – государственная безопасность – иные виды безопасности. Следовательно, не целесообразно использовать понятие «безопасность государства», поскольку оно вряд ли будет способствовать упорядочиванию понятийного аппарата вопросов национальной безопасности.

Поскольку именно государству принадлежит ведущая роль в обеспечении национальной безопасности, серьёзной проблемой является угроза подмены государственного интереса корпоративным интересом правящей бюрократии. Признавая и поддерживая запрос на «сильное государство», который присутствует в российском обществе и научном правовом дискурсе, мы склонны интерпретировать понятие «сильное» как «эффективное».

В вопросе о соотношении безопасности личности, общества и государства мы солидаризируемся с теми учёными-правоведами, которые указывают на бесперспективность противопоставления личности и государства, поскольку, именно последнее, выступая «коллективным гражданином» (в качестве государственно-организованного народа), способно обеспечить надёжную защиту интересам личности. В этой связи представляется и оправданным, и необходимым выделение особого понятия – «государственность», в котором происходит преломление интересов каждой личности в ёмкое понятие общественного интереса, сопрягаемого с категорией «общего блага».

Как представляется, в вопросах обеспечения интересов личности, общества и государства необходимо, делать акцент не на отношениях субординации (неизбежность её очевидна, независимо от характера существующего политического режима), но на кооперации усилий каждого активного гражданина, институтов гражданского общества и государства.

Нуждается в дальнейшей теоретической разработке такая фундаментальная политико-правовая категория, как «конституционная безопасность», поскольку именно Конституция РФ, являясь ядром всей государственно-правовой системы, выступает нормативной правовой основой не только государства, но и гражданского общества. Как нам представляется, легальное определение понятия национальная безопасность должно включать в себя и такой объект безопасности, как конституционный строй, поскольку именно он является стержнем функционирования государства, основой для осуществления публичной властью своих полномочий, а также максимально полным выражение взаимосвязи народа и государства.

Основными объектами национальной безопасности, как показывает анализ нормативной правовой базы и доктринальных источников, являются личность, общество и государство. В частности, речь идёт о конституционных правах и свободах граждан, достойном уровне и качестве жизни, суверенитете, независимости, территориальной и государственной целостности, устойчивом социально-экономическом развитии Российской Федерации.

Важно отметить, что объекты национальной безопасности могут быть соотнесены с формой государства. Например, в период монархической государственности безопасность страны (государства) отождествлялась с безопасностью монарха (правящей династии).

В рамках республиканской государственности, когда замещение legislatures осуществляется посредством выборов, сам институт выборов (равно как и референдума) должен рассматриваться в качестве объекта национальной безопасности. Неслучайно, в новейшем политическом лексиконе утверждается такое понятие как «электоральный суверенитет».

Некоторые исследователи теоретически обосновывают такую политико-правовую категорию как «государственность». В частности, по мнению В. А. Затонского, это явление «охватывает собой всю совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных и взаимозависимых, социально многообразных государственно-политических, правовых (юридических), административных, общественно-политических, социально-экономических, нравственно-этических и иных средств (явлений), с помощью которых государственная власть оказывает влияние на общественные отношения, а граждане, через структуры гражданского общества, оказывают влияние на государство и государственную власть» [7, с. 16]. По-видимому, следует согласиться с правоведами в том, что представление о государстве как о «машине насилия» должно уйти в прошлое. Более зрелое общество ждёт от государства выполнения важнейших общественных функций. Именно государство как политическая форма системной организации общества обеспечивает его целостность и консолидацию.

Развитие российской юридической доктрины в новейший период, применительно к категории национальной безопасности, идёт по пути обоснования необходимости выделения всё новых её видов.

Под угрозой национальной безопасности в Стратегии понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

В целом следует признать, в отечественной юридической доктрине сформировалось определённое видение построения понятийного аппарата в сфере национальной безопасности, тем не менее, нет оснований для вывода о существовании единой интерпретации базовых элементов понятийного ряда. Причём, это касается, прежде всего, такой категории как «безопасность». Причина данного положения вещей кроется в существовании множественных методологических подходов: правового, политического, структурно-функционального и других.

Анализ отдельных видов безопасности позволяет констатировать наличие определённого плюрализма к выработке понятийно-категориального аппарата. Требуется уточнение соотношения таких понятий как: правовая и юридическая безопасность; военная и оборонная безопасность и др. Открытым остаётся вопрос о целесообразности выделения в качестве самостоятельного вида криминологической безопасности, поскольку она является неотъемлемой составляющей иных видов безопасности.

Серьёзной проблемой понятийно-категориального аппарата является интерпретация транспортной безопасности исключительно с позиций антитеррористического законодательства. При такой постановке вопроса упускается из поля зрения множество иных проблем, связанных с её обеспечением.

В целом, анализ теоретико-методологическим вопросов национальной безопасности позволяет сделать вывод о существовании множества методологических подходов к данной сфере. Основная сложность исследования рассматриваемой сферы общественных отношений заключается в том, что многие вопросы выходят за границы гуманитарных наук, требуя от исследователя обращения к области как естественнонаучного, так и технического знания.

Таким образом, стратегический системный подход к национальной безопасности проявляется в выделении категории национальных интересов, под которыми понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства, необходимые для его устойчивого развития. Национальные интересы диктуют поиск национальных приоритетов, понимаемых в качестве важнейших направлений обеспечения национальной безопасности. В свете анализа документов стратегического планирования можно говорить о системном подходе. В частности, совершенствование военной компоненты следует соотносить с развитием научно-технологического потенциала, повышением уровня жизни населения.

Национальными интересами Российской Федерации на долгосрочную перспективу являются: во-первых, укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности; во-вторых, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов и совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; в-третьих, повышение качества жизни населения, достижение устойчивого демографического роста; в-четвёртых, сохранение и развитие культуры, традиционных российских ценностей; в-пятых, повышение конкурентоспособности российской экономики; наконец, в шестых, закрепление за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав. В числе национальных приоритетов первенствуют: оборона страны, государственная и общественная безопасность.

Список источников

1. Поздняков Э. А. *Философия политики*. М.: Весь Мир, 2014. 544 с.
2. Фененко Ю. В. *Евразийское пространство: управленческо-правовое обеспечение социальной безопасности: монография*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2005. 577с.
3. Гриценко А. А. Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Том 6. Выпуск 3. С. 86–91.
4. Анохин Ю. В., Гадельшин Р. И. *Национальная безопасность: теоретические и терминологические аспекты* // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 126–129.
5. Фомин С. А. *Обеспечение национальной безопасности: курс лекций*. М.:ФЛИНТА, 2014. 224 с.
6. Никитина Л. К., Хохлова О. М. Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4(87). С. 56–64.
7. Затонский В. А. *Эффективная государственность: монография* / Под ред. А. В. Малько. М.: Юристъ, 2006. 286 с.

References

1. Pozdnyakov E. A. *Philosophy of politics*. Moscow: The Whole World; 2014. 544 p. (In Russ.)
2. Fenenko Yu. V. *Eurasian space: managerial and legal provision of social security: monograph*. Moscow; 2005. 577 p. (In Russ.)
3. Gritsenko A. A. Theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of safety-news. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2008;6(3):86–91. (In Russ.)
4. Anokhin Yu. V., Gadelshin R. I. National security: theoretical and terminological aspects. *Theory and practice of social development*. 2017;(12):126–129. (In Russ.)
5. Fomin S. A. *Ensuring national security: a course of lectures*. Moscow: FLINT; 2014. 224 p. (In Russ.)
6. Nikitina L. K., Khokhlova, O. M. Legislative support of national security in modern Russia. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;4(87):56–64. (In Russ.)
7. Zatonsky V. A. *Effective statehood: monograph*. A.V. Malko (ed.). Moscow: Jurist; 2006. 286 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. Г. Зимовец – доктор философских наук, профессор кафедры теории права и государства, Сочинский государственный университет.

А. В. Куликовский – аспирант, Сочинский государственный университет.

Information about the authors

L. G. Zimovets – Dr. Sci. (Philos.), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Sochi State University.

A. V. Kulikovskiy – Postgraduate Student, Sochi State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 06.03.2024.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 06.03.2024.

Справедливость как основа возрождения России

Наталья Николаевна Апостолова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, napostolova@yandex.ru

Аннотация. Чем выше уровень развития правовой культуры общества, тем сильнее проявляется потребность граждан в правовом регулировании, обеспечивающем более справедливое распределение материальных, социальных, культурных и иных благ. Для этого необходимо, чтобы наиболее жизненно важные для большинства российских граждан вопросы решались путем проведения референдумов в соответствии с частью 3 статьи 3 Конституции РФ. Справедливость в России является объединяющим большинство россиян началом и должна стать главным назначением не только правосудия, но и деятельности законодательной и исполнительной власти. Все усилия должны быть направлены на построение основанного на наших исконных ценностях справедливо организованного правового высокотехнологического государства и общества духовно, интеллектуально и физически развитых людей.

Ключевые слова: право, справедливость, Конституция РФ, общенародное голосование, справедливо организованное правовое государство и общество

Для цитирования: Апостолова Н. Н. Справедливость как основа возрождения России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-31-37>. EDN YGIWGH

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Justice as the basis for the revival of Russia

Natalia N. Apostolova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, napostolova@yandex.ru

Abstract. The higher the level of development of the legal culture of a society, the stronger the need of citizens for legal regulation that ensures a more equitable distribution of material, social, cultural and other benefits. To do this, it is necessary that the most vital issues for the majority of Russian citizens be resolved by holding referendums in accordance with part 3 of Article 3 of the Constitution of the Russian Federation. Justice in Russia is the beginning that unites the majority of Russians and should become the main purpose not only of justice, but also of the activities of the legislative and executive authorities. All efforts should be directed at building a fairly organized, legal, high-tech state based on our ancestral values and a society of spiritually, intellectually and physically developed people.

Keywords: law, justice, the Constitution of the Russian Federation, popular vote, a fairly organized rule of law state and society

For citation: Apostolova N. N. Justice as the basis for the revival of Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):31–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-31-37>. EDN YGIWGH

Со времен древнеримского права известно изречение Цельса: «Jus est ars boni et aequi», обычно переводимое как: “Право есть искусство добра и справедливости”. Однако есть мнение, что “Древнем Риме слово «ars» обозначало как «науку», так и «искусство»” и поскольку в наше время искусство и наука – разные понятия, то право надлежит понимать именно как науку “о том, как воздавать каждому по его поступкам, оцениваемым с точки зрения единых законодательно установленных критериев”¹.

Смысл и значение данного изречения является предметом исследования многих зарубежных и отечественных юристов еще с древности и до наших дней, и практически всеми отмечается, что если право несправедливо, то оно и не может считаться правом вообще.

В российской науке исследованию права как искусства добра и справедливости уделено внимание в работах Алексева С. С., Марченко М. Н., Нерсисянца В. С., Радько Т. Н., Соловьева В. С., Шапсугова Д. Ю. и многих других теоретиков права. Общий знаменатель их суждений заключается в том, что в исконно российском понимании право есть воплощение правды и справедливости [1–6], рассматриваемое сквозь призму меры “свободы, справедливости, равенства и ответственности” [7, с. 100–101]. Из чего следует, что справедливость – неотъемлемый элемент права независимо от эпохи, уровня правовой культуры и других особенностей.

Будучи нравственно-правовой категорией [8, с. 26], “справедливость выступала и выступает для права идеалом и предназначением” [9, с. 26]. Без справедливости право перестает быть эффективным регулятором жизни людей, обеспечивающим благополучное и поступательное развитие общества и государства, и соответственно утрачивает свою сущность и назначение.

При всем различии суждений и подходов следует признать, что справедливость является главной неотъемлемой и универсальной характеристикой права, внутренним свойством и качеством права [2, с. 31] и, в то же время, неизменно желательным результатом его применения.

В современной российской юриспруденции справедливость трактуется достаточно многогранно. В качестве исходного положения практически все отталкиваются от аристотелевской трактовки, уравнивающей (формальное равенство, пропорциональность) и распределяющей (воздаяние за деяние, добром за добро, злом за зло) справедливости [10].

“Равенство в должном” в его христианском понимании, как самоограничение своих притязаний в пользу чужих прав – считал справедливостью В. С. Соловьев [4, с. 10]. В современной российской доктрине права юридическая справедливость понимается как право, не допускающее произвола, злоупотреблений, получения незаслуженного, определяющее ответственность в соответствии с содеянным [8, с. 264–265].

Большое значение категория справедливости играет и в судебной практике, особенно в решениях Конституционного Суда России и Верховного Суда РФ. Практически в каждом постановлении высших судебных инстанций толкование норм права дается с точки зрения соответствия или несоответствия справедливости, находящей свое воплощение в обеспечении равенства, правовой определенности, соразмерности, разумности, добросовестности, сбалансированности интересов, прав и обязанностей.

Как известно, справедливость изначально категория нравственная, как и весь нравственный закон выступает в качестве фундаментальной основы человеческой жизни. Собственно, право и необходимо людям в качестве основного и главного инструмента установления и поддержания справедливого правопорядка в обществе.

Представления людей о должном, о справедливом зависят от уклада и условий их жизни на определенном этапе исторического развития. И чем выше уровень развития правовой

---

¹ Комиссаров Г. О смысле известного изречения: “право – это искусство добра и справедливости”. [Электронный ресурс] / https://zakon.ru/blog/2020/03/26/o_smysle_izvestnogo_izrecheniya_pravo_eto_iskusstvo_dobra_i_spravedlivosti (дата обращения 15.10.23 г.)

культуры общества, тем сильнее проявляется потребность в правовом регулировании, обеспечивающем более справедливое распределение материальных, социальных, культурных и иных благ, созданных трудом и усилиями всего народа.

По данным Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН с 1995 г. по 2023 г. рейтинг понятий, которые могли бы быть положены в основу возрождения России, неизменно возглавляет именно справедливость. Чем и объясняется тот факт, что за изменение политической системы нашего общества в 2023 г. высказалось 66 % россиян, еще 14 % – затруднились ответить и только 20 % российских граждан полностью все устраивает [11, с. 12, 47].

Справедливость в России должна стать главным назначением не только российского правосудия, но и деятельности законодательной и исполнительной власти нашего государства. Для подавляющего большинства россиян социальная справедливость является объединяющим их стремления началом независимо от каких бы то ни было особенностей, дающая возможность сплотиться, преодолеть все трудности и возродиться России в виде по-настоящему правового социального государства.

Установление социальной справедливости должно начинаться с законодательной (законотворческой) деятельности, поскольку изначально заложенную в нормах права несправедливость на уровне правоприменения исправить бывает весьма сложно. Необходимо отказаться от принятия норм и законов, защищающих интересы очень небольших групп нашего общества в ущерб интересам подавляющего большинства народа России.

На вопрос «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» – только 38 % россиян считает, что наше государство защищает интересы всех граждан России, а 59 % опрошенных ответили, что оно защищает интересы богатых и государственной бюрократии (данные 2023 г.) [11, с. 16]. А ведь в правовом социальном государстве все должно быть ровно наоборот.

Талантом, способностями и личным вкладом каждого в развитие и в повышение благосостояния страны и народа должно определяться должностное, материальное, социальное положение российских граждан, а не иными соображениями. Не столько важен размер материального состояния, сколько то, каким путем (праведным или нет) человек его получил, и как он им распоряжается – по правде и по справедливости или нет. Именно не честно нажитое имущество, да еще и используемое не на благо нашей страны и народа, вызывает резкое неприятие и раздражение у российских граждан.

Согласно статье 9 Конституции России земля и другие природные ресурсы должны использоваться в качестве основы жизни и деятельности проживающих на нашей территории народов. Потому-то в стране с такими природными богатствами и таким очень небольшим населением не должно быть бедных, тем более, работающих бедных. В 2023 г. 63 % россиян самыми значительными противоречиями назвали противоречия, существующие между бедными и богатыми [11, с. 32].

И это вполне закономерно. В статье 36 Конституции РФ записано, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами должно осуществляться без причинения ущерба окружающей среде и нарушения прав и законных интересов иных лиц, то есть без нарушения гарантированных всем российским гражданам статьей 7 Конституции РФ прав на достойную жизнь и свободное развитие.

Однако в 2023 г. лишь 35 % россиян согласились с тем, что наше государство обеспечивает достойную жизнь и всестороннее развитие граждан, а 48 % ответили, что нет. Меньше половины – 47 % граждан считает, что государство справляется с охраной природы и использованием ресурсов, а 37 % уверено, что нет [11, с. 41, 42].

Для надлежащей реализации закрепленных в статьях 7, 9 и 36 Конституции РФ положений всего-то и надо, чтобы 60-70 % всех доходов от продажи наших общенациональных природных богатств шло не на увеличение капиталов отдельных лиц (и обогащение иностранных государств), а в государственный бюджет на повышение благосостояния россиян,

охрану природы и финансирование развития страны (образования, науки, здравоохранения, экологии, промышленности, ЖКХ, культуры и других сфер).

Для принятия такого решения следует активировать предусмотренный частью 3 статьи 3 Конституции России механизм и наиболее жизненно важные для большинства российских граждан вопросы решать путем проведения референдума, являющегося помимо свободных выборов “высшим непосредственным выражением власти народа”. Порядок его проведения давно уже определен ФКЗ №5 “О референдуме в Российской Федерации”.

На основании результатов общенародного голосования Федеральное собрание РФ принимало бы законы, точно и правильно выражающие волю народа России (по крайней мере его большинства), обеспечивая, тем самым, единство и устойчивость государственной и общественной жизни. Как, собственно, это и делается в других странах мира.

В той же Польше, например, в октябре 2023 г. вместе с выборами в сейм проводился референдум по пенсионному возрасту, по приватизации государственной собственности, по приему нелегальных мигрантов из других стран ЕС¹. Не говоря уже о Швейцарии, где власти по несколько раз в год «советуются» с народом по вопросам изменения Конституции и иных законов, подписания международных договоров и соглашений, по другим животрепещущим темам².

Принятые на основе результатов общенародного голосования нормы закона отражают прямо и непосредственно выраженную волю большинства граждан страны (при отсутствии фальсификации результатов, конечно). В сознании россиян такие нормы права будут восприниматься как справедливые, будут лучше исполняться и государственному аппарату потребуются гораздо меньше усилий (и средств) для обеспечения их реализации.

Тем более, что заставить российский народ исполнять навязанные ему сверху, против его воли, несправедливые законы практически невозможно. Все что не соответствует его представлению о справедливости, – неизменно отвергается, из-за чего и возникают различные деструктивные негативные процессы в нашей государственной и общественной жизни.

Очень важное значение имеет правильное и адекватное определение целей и путей развития России. Движение в непонятном направлении, равно как и бездумное подражание другим странам и народам, как показывает наша история, смысла не имеет. Несмотря на титанические усилия народа – в очередной раз мы можем оказаться у “разбитого корыта”.

Нужна соответствующая надеждам и желаниям большинства россиян цель, предполагающая установление четких и понятных всем задач развития, на решение которых и будут сконцентрированы совместные усилия граждан, общества и государства, и в соответствии с которыми должны вырабатываться оптимальные пути их решения, стратегия, тактика, разумное распределение сил и средств. Как это и делалось в СССР, чьи научно-технологические достижения и по сей день позволяют России сохранять свое лидерство в военно-технической, энергетической, атомной, космической и других сферах.

Точно такой же подход реализует и Китай, демонстрирующий всему миру весьма успешное поступательное развитие экономики, технологий, социальной сферы. В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в своей программной речи четко обозначил цель, вектор и пути развития страны, указав, что для достижения “китайской мечты” (гармонично развитого общества) обязательно нужно идти по пути социализма с китайской спецификой, жестко отказавшись “от формализма, бюрократизма, гедонизма и расточительности, бороться с коррупцией и другими злоупотреблениями во всех их проявлениях”. При этом китайский лидер отметил, что для достижения этой цели необходимо сильное государство и единый в своих стремлениях народ³.

---

¹ РИА новости. В Польше начались выборы в парламент. [Электронный ресурс] / URL: <https://ria.ru/20231015/polsha-1902856587.html> (дата обращения 15.12.23 г.)

² Белорусцева А. На референдуме в Швейцарии решат судьбу наличных денег. [Электронный ресурс]. /URL:<https://rg.ru/2023/02/08/s-keshem-po-zhizni.html> (дата обращения 15.10.23 г.)

³ Остроухов О. Китай обещает миру мир, а себе “китайскую мечту”. / [Электронный ресурс]. /<https://ria.ru/20130317/927674730.html> (дата обращения 10.12.23 г.)

Именно такое вот единство и твердая, неуклонная реализация задуманного, по данным Всемирного банка, и позволили Китаю с 2000 г. по 2019 г. свести уровень бедности половины огромного населения КНР к 0,6 %¹ и выйти на лидерские позиции не только в экономике, но и в IT-технологиях, в освоении космоса, в решении социальных и сложных экологических проблем.

По такому же пути идет сегодня и Индия. Выступая 31 октября 2023 г. в Нью-Дели, Премьер-министр Наредра Моди призвал граждан стремиться сделать Индию развитой страной к 2047 г. (к столетию ее независимости). В своей речи он предложил активизировать усилия, так как вклад каждого индийца важен для достижения данной цели². И нельзя не признать, что, опираясь на традиционные индийские ценности и развивая самые передовые современные технологии, индийский народ уверенно движется к поставленной цели.

Да, сейчас и в нашей стране начался и успешно идет процесс развития многих сфер жизни, но качество преобразований оставляет желать лучшего, а дальнейшие их перспективы вызывают опасения. Только 32 % россиян в 2023 г. с уверенностью и надеждой смотрели в будущее нашей страны, 41 % – с надеждой и тревогой, 21 % – с тревогой и отчаянием, 6 % – затруднились ответить. 33 % российских граждан высказались за то, что проводимые сейчас экономические преобразования отвечают интересам большинства населения страны, 35 % – сказали, что не отвечают, 32 % – затруднились ответить [11, с. 40, 59].

И это одна из самых серьезных жизненно важных проблем современной России. Только отвечающая интересам всего российского народа цель нашего движения вперед устраним “разруху в головах” россиян (особенно молодежи), позволит обновить кадровый потенциал в соответствии с поставленной целью, и обеспечит динамичное успешное и устойчивое развитие страны.

Новые вызовы, стоящие сегодня перед Россией, требуют и качественно новых лидеров во власти, в науке, в экономике, в культурной жизни нашего государства и общества, которыми должны стать настоящие патриоты России, высокообразованные и способные вытащить нашу страну из кризиса.

Без соответствующего кадрового обновления нам не преодолеть технологическое отставание, культурную, духовно-нравственную деградацию народа, не стать современным высокоразвитым обществом и не сохраниться в числе ведущих держав мира. Серьезное кадровое обновление институтов власти (сверху до низу), равно как и многих других сфер является непременным условием дальнейшего успешного развития нашей страны.

Доминантой развития России должно стать построение общества правды, добра и справедливости, что прямо и закреплено в Преамбуле Конституции РФ, принятой всенародным голосованием в 1993 г. Тогда, на сломе исторических эпох в ней было отражено то, к чему осознанно и неосознанно на протяжении многих веков стремится российский народ, и что отражает его самые глубинные и сокровенные чаяния и генетический код. Тот самый генетический код, в силу которого подавляющее большинство россиян так и не смогли принять западный тренд создания общества бесполох, бездумных, бездушных существ, управляемых искусственным интеллектом.

Приверженность указанным ценностям неизменно подтверждается результатами различных социологических опросов. Так, 43 % наших граждан на вопрос ВЦИОМ, что для них означает быть патриотом, ответили – «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была»³. Обман и ложь в любом деле пагубны, так как не позволяют знать истинное положение дел, адекватно определять оптимальные пути достижения необходимых результатов и ведут к деградации системы органов власти, бизнеса, институтов гражданского общества и других сфер жизни.

¹ Джабраилов К. Си Дзиньпин заявил о победе над бедностью в Китае. / [Электронный ресурс]. / <https://gorodovoyu.ru/news/si-czinpin-zayavil-o-pobede-nad-bednostyu-v-kitae> (дата обращения 15.11.23 г.)

² ТН. [Электронный ресурс]: ULR: <https://www.thehindu.com/news/national/pm-modi-urges-citizens-to-strive-and-make-india-a-developed-nation-by-2047/article67481370.ece>

³ ВЦИОМ. Патриотизм: мониторинг. [Электронный ресурс]. / <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения 15.11.23 г.)

Без правдивого и честного анализа существующих проблем не будет взаимного доверия, взаимопонимания, взаимопомощи, не будет согласия и успешного развития страны. Не даром же фейковые (лживые) новости вкупе с приемами манипуляции массовым сознанием стали самым острым оружием в современном мире.

Наша сила – в правде. В той самой правде, в которой любовь и добро побеждает зло, справедливость торжествует над произволом и беззаконием, а разум и талант над глупостью и бездарностью. Сумеет жить по такой правде (причем, во всем: в изложении исторических событий, в текущих делах и относительно будущих перспектив) – сохранимся как народ и как уникальная русская цивилизация, способная объединять самые разные народы, конфессии, традиции.

Жизнь по-доброму, в свете наших ценностей, подразумевает: отказ от оголтелого эгоизма и гедонизма; ответственное участие в созидании материальных и (или) культурно-духовных благ, обеспечивающих достойное существование не только себя и своих близких, но и благополучие страны и всего российского народа. Взаимовыручка, взаимопомощь и стремление к справедливости всегда помогали России не только выстоять в любых испытаниях и катаклизмах, но и давали шанс на возрождение и новую жизнь.

Социальная справедливость, по мнению ВЦИОМ, – “это и ценность, и правовой механизм, и принцип, по которому должно существовать наше общество, на который должна опираться власть”. Согласно проведенному в 2023 г. опросу, для 36 % россиян социальная справедливость заключалась в равенстве всех перед законом, для 20 % – в том, чтобы положение каждого определялось результатами его труда и 19 % россиян видят справедливость в примерно одинаковом уровне жизни всех¹.

Из чего следует, что закрепленный в статье 19 Конституции РФ принцип равенства всех перед законом и судом требует неуклонного воплощения и соблюдения и в законотворческой, и в правоприменительной деятельности. Для всех должен быть одинаковый (при прочих равных условиях) доступ к получению благ и одинаковая мера ответственности за содеянное. Но, к сожалению, на сегодняшний день только 34 % опрошенных россиян считают, что данный принцип в нашей стране обеспечивается [11, с. 35].

Да, достижение закрепленных в Преамбуле Конституции РФ целей развития российского государства и общества выглядит трудноосуществим, но на самом деле другого пути у нас нет. Ведь именно за эти ценности мы и вступили в жестокое противостояние с Западом, именно за сохранение этих ценностей и отдают свои жизни наши воины, именно наши исконные ценности и сплотили россиян перед внешним и внутренним врагом.

Отказ от своих корней, от своих духовно-цивилизационных основ ведет к тому, что целый народ превращается в расходный материал и инструмент достижения чужих геополитических целей с перспективой своего полного исчезновения.

Потому так важно всем нам стремиться к построению соответствующего нашему генетическому коду справедливо организованного правового высокотехнологичного государства и общества духовно, интеллектуально и физически развитых людей, гармонично сосуществующих с другими странами и народами.

Список источников

1. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2000. 647 с.
3. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2018. 495 с.
4. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. / Под ред. В. Ф. Асмуса. М., 1989. Т. 2. 415 с.

---

¹ ВЦИОМ. Общество в поисках справедливости. [Электронный ресурс]/<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения 15.11.23 г.)

5. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: "Зерцало" / под ред. Марченко М.Н. 2004. 800 с.
6. Шапсугов Д. Ю. Становление научной критики в российской юриспруденции в XIX веке. Размышления о полемике Б.Н. Чечерина и В.С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26.
7. Шапсугов Д. Ю. Размышления о праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 2. С. 100–101.
8. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.
9. Воробьев А. С. О соотношении права и справедливости // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11 (84). С. 23–28.
10. Аристотель. Никомахова этика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения 15.11.23 г.)
11. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.

References

1. Alekseev S. S. *Law. The ABC. Theory. Philosophy: The experience of complex research*. Moscow: Statute; 1999. 712 p. (In Russ.)
2. Nersesyants V. S. *Philosophy of law*. Moscow: Norm; 2000. 647 p. (In Russ.)
3. Radko T. N. *Theory of state and law: textbook for bachelors*. Moscow: Prospect; 2018. 495 p. (In Russ.)
4. Solovyov V. S. Readings on God-manhood. In: *Solovyov V. S. Writings: in 2 volumes*. V. F. Asmus (ed.). Moscow; 1989. Vol. 2. 415 p. (In Russ.)
5. *Theory of state and law: Textbook for universities*. Marchenko M.N. (ed.). Moscow: "Mirror"; 2004. 800 p. (In Russ.)
6. Shapsugov D. Y. The formation of scientific criticism in Russian jurisprudence in the XIX century. Reflections on the polemic of B.N. Checherin and V.S. Solovyov on law, morality and their relationship. . *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):15–26. (In Russ.)
7. Shapsugov D. Y. Reflections on law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2012;(2):100–101. (In Russ.)
8. Radko T. N. *Theory of state and law: textbook*. 2nd ed. Moscow: Prospekt; 2010. 752 p. (In Russ.)
9. Vorobyov A. S. On the correlation of law and justice. *Actual problems of Russian law*. 2017;11(84):23–28. (In Russ.)
10. Aristotle. *Nicomachean ethics*. [electronic resource]. Available from: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> [Accessed 15 November 2023]. (In Russ.)
11. *How are you living, Russia? Express information. 53 stage of sociological monitoring*, June 2023: [bulletin] / V. K. Levashov, N. M. Velikaya, I. S. Shushpanova [et al.] ; FNISTC RAS. Moscow: FNISTC RAS; 2023. 91 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Н. Апостолова – доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. N. Apostolova – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Procedural Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

К вопросу применения термина «стабилизационная оговорка»: ретроспективный анализ

Арсен Нажмудинович Маремкулов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения стабилизационной оговорки как феноменального правового явления. Динамичное развитие законодательства свидетельствует об актуальности изучения такого термина, как «стабилизационная оговорка». Эта актуальность вполне объяснима, поскольку стабилизационная оговорка способствует смягчению действующего законодательства и развитию результативных интеграционных процессов. Рассматривается роль и значение данного явления, дается авторская трактовка понятия, предложен новый термин «временные юридические изъятия».

Ключевые слова: право, законодательство, стабилизационная оговорка, «дедушкина оговорка», временные юридические изъятия

Для цитирования: Маремкулов А. Н. К вопросу применения термина «стабилизационная оговорка»: ретроспективный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-38-43>. EDN WUMZST

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the application of the term "stabilization clause": a retrospective analysis

Arsen N. Maremkulov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the stabilization clause as a phenomenal legal phenomenon. The dynamic development of legislation indicates the relevance of studying such a term as a "stabilization clause". This relevance is understandable, since the stabilization clause contributes to the mitigation of current legislation and the development of effective integration processes. The role and significance of this phenomenon are considered, the author's interpretation of the concept is given, a new term "temporary legal exemptions" is proposed.

Keywords: law, legislation, stabilization clause, "grandfather clause", temporary legal exceptions

For citation: Maremkulov A. N. On the application of the term "stabilization clause": a retrospective analysis. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):38–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-38-43>. EDN WUMZST

Сегодня можно часто увидеть стремление исследователей придать новое дыхание тому или иному термину. При этом зачастую происходит трансформация термина, нередко выхолащивается его истинный смысл. Подобное отношение недопустимо, поскольку важно понимать, что тот или иной термин должен позволять правоприменителю реалистично воспринимать смысл нормативного правового акта. Убеждены, что важнейшими требованиями к юридическому

термину должны выступать верность и однозначность трактования. Говоря о юридических терминах, можно отметить целый комплекс проблем, требующих серьезной проработки, мы же лишь позволим себе заострить внимание на этой проблеме, согласившись с мнением, что: «Терминосистема российского права пребывает не в идеальном состоянии, и среди насущных проблем юрислингвистики не последнее место занимает приведение ее к единым нормам и стандартам» [1, с. 71].

Динамичное развитие законодательства свидетельствует об актуальности изучения такого термина, как «стабилизационная оговорка». Эта актуальность вполне объяснима, поскольку стабилизационная оговорка способствует смягчению действующего законодательства и развитию результативных интеграционных процессов. Стабилизационная оговорка набирает оборот, поскольку служит своего рода гарантией, регулирующей процесс привлечения инвесторов и капитала. По данным Мазейна А. В., наблюдается существенный рост закрепления стабилизационных оговорок на региональном уровне, так исследователем выявлено что «соответствующие перечни приняты в 65 субъектах РФ и включают 749 правовых актов, в том числе 332 закона, 328 актов высших исполнительных органов, 81 акт иных исполнительных органов и 8 актов высших должностных лиц. В разных субъектах РФ в подобные перечни включено различное количество актов, применяемых со стабилизационной оговоркой, – от 3 актов в Алтайском крае и Ростовской области до 48 актов в Республике Башкортостан» [2, с. 366].

С определенной долей уверенности можно согласиться с мнением, что «История показывает, что законодательство не всегда успевает оперативно подстраиваться под меняющийся мир и новые инициативы ведущих игроков. Эта замедленная реакция может стать тормозом как для страны в целом, так и для инвестиционного процесса в частности» [3, с. 5]. Но нередко в погоне за быстротой реакции кроется скоропалительное принятие решения. Это же относится и к юридическим терминам.

Убеждены, что при изучении термина, а вместе с этим и правового явления «стабилизационная оговорка», необходимо глубокого погружение в исторических экскурс.

Стабилизационная оговорка имеет достаточно глубокие корни, несмотря на мнение некоторых авторов о том, что данный термин имеет непродолжительную историю [4, с. 7]. Это, по нашему мнению, связано с тем, что исследователи связывают данное явление исключительно с термином «стабилизационная оговорка» в то время, когда она упоминалась неоднократно еще в законодательстве Российской империи, причем в форме, более четко отражающей это, по своей сути, феноменальное правовое явление [5, с. 113]. Здесь речь идет об использовании понятия «временные изъятия», которое, как мы полагаем, наиболее точно отражает смысловое восприятие данного правового явления, также вместе с этим органично вписывается в лексему.

Приведем ряд примеров «временных изъятий» («стабилизационных оговорок») в законодательстве Российской империи, которые, на наш взгляд, действительно отражают значение данного правового явления.

Примером использования в законодательстве «изъятий» могут служить Высочайше утвержденные Правила для таможенного надзора по Кавказской линии от 13 марта 1835 г.¹ В преамбуле акта прямо было указано, что Е.И.В. признает «нужным определить особыми правилами порядок таможенного надзора по Кавказской линии». Правила были основаны на представлении Министра финансов в Государственном Совете.

Параграф 10 закреплял временное изъятие для военных и гражданских чиновников, «которым дозволяется пропускать все вещи, для собственного их употребления нужные, если они представят свидетельство от местного начальства, что вещи те привезены были в Закавказье из России».

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ) Т. X. 1835. № 7951.

Интересным было то обстоятельство, что применение данного изъятия напрямую зависело от контроля со стороны министра финансов. Законодатель четко закрепил механизм воздействия должностного лица на этот вопрос: «Но если бы замечено было, что это изъятие служит к водворению в Россию запрещенных товаров в важных количествах, то Министр Финансов, вместе с главным местным начальством обязывается принять надлежащие к отвращению сего меры».

Глава III данных правил под названием «О товарах из России в Закавказский край и к горским народам провозимых» содержало параграф 13, который также закреплял изъятие: «Провозимые из России товары и вещи как собственно российские, так и иностранные, пошлиной в Российских Таможнях очищенные, пропускаются через Кавказскую линию свободно и беспошлинно, по поверхностном досмотре в тех местах, где и привоз дозволен, **с изъятиями однако** (выделено нами – А. М.), в следующих §§ изложенными, и с тем ограничением, чтобы товары и вещи, к вывозу дозволяемые, задерживаемы были в таком только случае, когда будут в виду явные доказательства о тайном их водворении в Россию».

В 1837 г. 10 октября было Высочайше утверждено положение о военном поселении на Кавказе, где также можно проследить использование законодателем изъятия¹. Параграф 64 фиксировал, что «военные поселяне, водворяемые при штаб-квартирах войск, наделяются той же пропорцией; но где мало казенной пустопорожней земли и где она, по качеству своему, в меньшем количестве представляет все удобства для сельского хозяйства, там **допускается изъятие** (выделено нами – А. М.) из общего правила, и надел ограничивается мерою существенной надобности и возможности».

Примером закрепления изъятий служит Высочайше утвержденное мнение государственного Совета «О прекращении отвода земель по всемилостивейшему пожалованию в губерниях Саратовской и Оренбургской и в области Кавказской» от 18 апреля 1838². Акт регулировал отношения, связанные с прекращением отвода земель по всемилостивейшему пожалованию в губерниях: Саратовской и Оренбургской и в Кавказской области.

Необходимо признать, что здесь законодатель в большей степени разъяснял применение нормативных правовых актов. Государственный Совет признавал, что право на получение и выбор земель в Саратовской и Оренбургской губерниях и в области Кавказской лицами, «всемилоостивейшего пожалования удостоенными, утверждено за ними силой высочайших, за собственноручным подписанием указов, которыми повелено отвести им земли по их избранию в таких великороссийских губерниях, где сверх положений казенным крестьянам 15 десят. на душу пропорции, имеются излишние поросшие земли».

Поэтому же на основании высочайше подтвержденного 17 октября 1801 года (20022) доклада Сената, Саратовская и Оренбургская губернии признаны «избыточествующими на землях сверх означенной пропорции, то частные лица считали и могли считать себя вправе избирать на этих участках. Сему равно не препятствовало и ст. 398 Свод. постановлений о благоустройстве в городах и селениях Т. 12, основанная на указе 1831 года; по точному разуму оной, земли в означенных губерниях и области из всемилостивейшего пожалования изъяты не были, не воспрещено было отводить такие дачи, на которые, по разделении их на участки, составлены планы с нанесением на них самых сих участков».

Также в конце было дано разъяснение, согласно которому «Высочайшее повеление 18 февраля (30 марта) 1837 года не устраняет частных лиц от вышеупомянутого права на избрание земель, всемилостивейшее им пожалованных, ибо по общему, заключающемуся в статье 60 Своде Основных Государственных законов коренному правилу нашего законодательства каждый новый закон имеет действие свое только на будущее время и не простирается на деяния, уже совершившиеся, исключая лишь случаи, приведенные в последующей 61 статье,

¹ ПСЗРИ Т. XII. 1838. № 10576.

² ПСЗРИ Т. XIII. 1839. № 11152.

и именно, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на времена, предшествовавшие его обнародованию, в означенном же высочайшем повелении подобного из общего правила **изъятия** (выделено нами – А. М.) не содержится».

Примером использования данного правового явления может служить Положение Кавказского комитета от 11 октября 1847г.¹ Здесь устанавливалась стабилизационная оговорка в виде предоставления беспошлинного пропуска товаров. Текст положения четко предусматривал «в виде временной меры» до окончания «определения прав таможенных учреждений» изменить некоторые статьи Таможенного устава. Объяснение этому, как образно выражался начальник Линии, было «весьма важно как в политическом, так и в карантинном отношениях».

Важным является то обстоятельство, что законодатель довольно четко расписывал причину применения стабилизационной оговорки. По мнению законодателя, ослабление статей Таможенного устава должно было положительно отразиться в отношениях с горцами, которые, по мнению инициатора, больше бы подчинялись российским уложениям и обращали меньше взоров на контрабандистов и турецких эмиссаров. Также, если бы послабление в отношении горцев возымело бы свои плоды, то товары, приобретаемые горцами в Турции, проходили бы через российские порты, что, в свою очередь, уменьшило «риск занесения к нам заразы».

Необходимо отметить, министр, наряду с данными изъятиями, выступал против предоставления беспошлинного провоза, отмечая что это ведет подрыву «правильной торговли». Более того, подобный подход, по его мнению, «может поселить в них (горцах – А. М.) мысль, что эти постановления вообще никогда на них распространяться не должны, и что беспошлинный привоз товаров разрешается им по какому-либо особому праву на всегда, а не в видах временного снисхождения».

Осторожная позиция министра финансов отразилась в том, что разрешение должен был давать наместник Кавказа в пределах пошлин «от тридцати до трехсот рублей серебром». В целом для окончательного решения вопроса министр предлагал распространить положение только на 1849 год.

Данные акты являются примером того, что в целях проведения целенаправленной политики самодержавие, в принципе, допускало возможность «временных изъятий» из действующих норм. Проведение подобной политики, на наш взгляд, говорило о том, что законодатель признавал полезным использования подобного рода стабилизационных оговорок [5, с. 114].

Таким образом, совершенно очевидно, что «стабилизационная оговорка» имеет более глубокие корни и историю. Остановимся и на еще одном важном аспекте.

Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании работы с иностранными инвестициями» от 27 сентября 1993 г. № 1466, закрепляет, что «вновь издаваемые нормативные акты, регулирующие условия функционирования на территории Российской Федерации иностранных и совместных предприятий, не действуют в течение 3 лет в отношении предприятий, существующих на момент вступления в силу этих актов. Данное положение не распространяется на нормативные акты, обеспечивающие более льготные условия функционирования на территории Российской Федерации иностранных и совместных предприятий»². То есть как таковой термин «стабилизационная оговорка» не упоминается. Но авторы именно здесь считают его закрепленным. Безусловно, вполне можно логически вывести, что под этим подразумевают авторы, однако конкретика, которая должна быть свойственна юридическим понятиям, увы, не наблюдается.

¹ ПСЗРИ Т. XXII.1848. № 21586.

² Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании работы с иностранными инвестициями» от 27 сентября 1993г. № 1466 // СПС Консультант плюс.

Справедливости ради необходимо отметить, что термин «стабилизационная оговорка» не находит своего закрепление и сегодня.

Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» определяет: «В отношении организации, реализующей проект, не применяются акты (решения), указанные в части 3 настоящей статьи, ухудшающие условия ведения предпринимательской и (или) иной деятельности, связанной с реализацией инвестиционного проекта, в отношении которого заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, по сравнению с условиями, определенными на момент заключения такого соглашения (стабилизационная оговорка), и представленные организацией, реализующей проект, согласно перечням, утвержденным органами государственной власти в соответствии с частью 7.1 настоящей статьи при соблюдении условий, установленных частью 4 настоящей статьи»¹.

Ухудшающими условиями ведения предпринимательской и (или) иной деятельности признаются акты (решения), которые:

- 1) увеличивают сроки осуществления процедур, необходимых для реализации инвестиционного проекта;
- 2) увеличивают количество процедур, необходимых для реализации инвестиционного проекта;
- 3) увеличивают размер взимаемых с организации, реализующей проект, платежей, уплачиваемых в целях реализации инвестиционного проекта;
- 4) устанавливают дополнительные требования к условиям реализации инвестиционного проекта, в том числе требования о предоставлении дополнительных документов;
- 5) устанавливают дополнительные запреты, препятствующие реализации инвестиционного проекта.

Далее закрепляются юридические нюансы, раскрывающие обозначенные выше положения.

Данное положение закреплено в статье 9 Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» и называется «Особенности применения отдельных актов (решений) публично-правового образования (стабилизационная оговорка)».

Складывается парадоксальная ситуация: законодатель в статье 2 данного Федерального закона, посвященной понятиям, используемым в законе, не определил, что такое стабилизационная оговорка, однако, посвятил в законе этому правовому явлению отдельную статью, состоящую из десяти частей. При этом законодатель детально постарался расписать такое понятия как «инвестиция», которое, полагаем, в меньшей степени требует разъяснения нежели стабилизационная оговорка [5, с. 114–115].

Обозначенные проблемы, неточности позволяют нам говорить о необходимости серьезной проработки как самого термина, так и правового явления – стабилизационная оговорка.

Выводы

1. Полагаем, что под данным правовым явлением точнее было бы употреблять такой термин, как **временные юридические изъятия**. А непосредственно под временными юридическими изъятиями следует понимать меру (систему мер), выражающуюся в неприменении (или ограничении) правовых актов (решений), которые могут ухудшить условия осуществления деятельности.

2. Стремление использовать этот механизм как в федеральном, так и региональном законодательстве, совершенно очевидно. Вместе с тем, анализ показывает острую необходимость формирования адекватной правовой основы для системной и комплексной поддержки

¹ Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». // СПС Консультант плюс.

инвестиций частных инвесторов. Внесение ясности в терминологию и саму суть стабилизационной оговорки (временные юридические изъятия) должно способствовать привлечению большего числа иностранных инвесторов в Российскую Федерацию.

3. Стабилизационная оговорка (временные юридические изъятия) должна стать полноценной гарантией со стороны государства. Полагаем, что умение закреплять (применять) стабилизационную оговорку (временные юридические изъятия) может говорить о правовой культуре законодателя, а вместе с этим и об уровне нормативной правовой базы для инвестиционной привлекательности страны и ее регионов.

Список источников

1. Мартышко М. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе. Дис. на соискание уч. степени к.ф.н. Волгоград, 2015. 210 с.
2. Мазеин А. В. Установление стабилизационной оговорки для целей реализации соглашений о защите и поощрении капиталовложений в субъектов РФ // Заметки ученого. 2022. № 5. С. 366–373.
3. Князева И. Г., Пугина К. А. Влияние институциональных факторов на потоки прямых иностранных инвестиций (на примере стабилизационной оговорки). // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 21. № 1. С. 5–15.
4. Борисенко П. И. Особенности применения «дедушкиной оговорки» по российскому законодательству // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2012. Серия 14. Выпуск 1. С. 7–11.
5. Маремкулов А. Н. Стабилизационная оговорка как инструмент поощрения в праве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 113–115.

References

1. Martyshko M. Yu. *Semantic modification of terms in modern legislative discourse*. Dis. for the degree of PhD. Volgograd; 2015. 210 p. (In Russ.)
2. Mazein A. V. Establishment of a stabilization clause for the purpose of implementing agreements on the protection and promotion of investments in the subjects of the Russian Federation. *Notes of the scientist*. 2022;(5):366–373. (In Russ.)
3. Knyazeva I. G., Pugina K. A. The influence of institutional factors on foreign direct investment flows (on the example of a stabilization clause). *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. 2023;21(1):5–15. (In Russ.)
4. Borisenko P. I. Features of the application of the "grandfather clause" under Russian law. *Bulletin of St. Petersburg University*. 2012;14(1):7–11. (In Russ.)
5. Maremkulov A. N. Stabilization clause as an instrument of encouragement in law. *Law and the State: theory and practice*. 2023;(9):113–115. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Маремкулов – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Information about the author

A. N. Maremkulov – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Проблема происхождения права в концепции общей теории права Г. Ф. Шершеневича

Аминат Руслановна Гетажеева

Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Россия, getazheevaamina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена концепции происхождения права одного из известных теоретиков права России начала XX века Г.Ф. Шершеневича. Автор дает оценку аргументов критики Г.Ф. Шершеневичем подходов к данной проблеме школы естественного права, исторической школы права, марксистской теории права, а также Р. Иеринга и С.А. Муромцева. Особое место в статье занимает характеристика концепции Г.Ф. Шершеневича, которая, по мнению автора, претерпела на себе влияние идей иных подходов.

Ключевые слова: право, происхождение права, общая теория права, философия права, правовое понимание

Для цитирования: Гетажеева А. Р. Проблема возникновения права в концепции общей теории права Г. Ф. Шершеневича // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 44–51. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-44-51>. EDN VAZPHI

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The problem of the origin of law in the concept of the general theory of law by G. F. Shershenovich

Aminat R. Getazheeva

Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia, getazheevaamina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the concept of the origin of law of one of the famous theorists of Russian law at the beginning of the twentieth century, G.F. Shershenovich. The author evaluates the arguments of criticism by G.F. Shershenovich approaches to this problem of the school of natural law, the historical school of law, the Marxist theory of law, as well as R. Iering and S.A. Muromtseva. A special place in the article is occupied by the characteristics of the concept of G.F. Shershenovich, which, according to the author, was influenced by the ideas of other approaches.

Keywords: law, origin of law, general theory of law, philosophy of law, legal understanding

For citation: Getazheeva A. R. The problem of the origin of law in the concept of the general theory of law by G. F. Shershenovich. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):44–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-44-51>. EDN VAZPHI

Проблема происхождения права является одной из фундаментальных для теории государства и права. В то же время она относится к той совокупности проблем, которые не нашли окончательного решения, о чем свидетельствует неоднозначность ее трактовки, состоящей как в способе постановки, так и в способах решения. Прежде всего, обращает на себя внимание разное значение связи права и государства, которое придается теоретиками в решении проблемы. Несмотря на доминирующую позитивистскую установку на их органическое единство, из которой вытекает положение о происхождении права из государства, а государства из права,

встречаются и альтернативные точки зрения, утверждающие генетическую первичность права. Помимо авторитетного мнения В.С. Нерсисянца, стремившегося найти компромисс между либертаризмом и легизмом в обосновании либертарно-юридического подхода, согласно которому право как юридический феномен формального равенства и свободы формируется до возникновения государства [1, с. 17–31], существуют и другие мнения. В частности, известен подход В. Г. Графского, полагающего, что «Самое характерное в социальной истории правового обычая и закона состоит в том, что правовой обычай гораздо древнее закона, устанавливаемого государственной властью. И, таким образом, право гораздо старше государства» [2, с. 12].

Очевидно, что проблема происхождения права и государства восходит к более глубоким методологическим факторам, обуславливающим разные способы ее решения. Если справедливо мнение, что право «Такой поразительный феномен, который относится к субъективной стороне жизни общества, в своем возникновении и действии зависит от людей, от их мнений и воли...» [3, с. 8], с чем нельзя не согласиться, то ответ на вопрос о происхождении права определяется мировоззренчески мотивированной моделью правопонимания, во многом основанной на системе ценностей и идеалов, политически ангажированных теорий.

Теория правопонимания не может игнорировать проблему возникновения права, решение которой, с одной стороны, обусловлено особенностями интерпретации права, его сущности, с другой стороны, тем, что сама постановка проблемы о сущности права включает и вопрос о том, как и почему оно возникло. Другими словами, ответ на вопрос о сущности права, является условием ответа на вопрос о его происхождении и, очевидно, наоборот: вопрос о происхождении права обуславливает ответ на вопрос о его происхождении. Это объясняет актуальность данной проблемы не только для концепции правопонимания, но и для фундаментальной теории права (общей теории права). Среди всех известных в истории правоведения концепций общей теории права нет ни одной, которая бы в той или иной форме обошла вниманием проблему происхождения права. Учитывая концептуальную обусловленность общей теории права моделью правопонимания, следует согласиться с мнением о том, что значительную роль в способе решения этой проблемы играет понимание специфики этой сферы знания, предмета и задач этой науки [4].

В связи со сказанным не является случайным тот факт, что концепции происхождения права, как правило, группируются вокруг идеи правопонимания, образуя его необходимую часть. Не смотря на это обстоятельство, задача типологизации теории происхождения права по этому основанию не столь легка, как может показаться. Так, подразделение всех теорий правопонимания на теории школы естественного права, юридического позитивизма и исторической школы права не столь очевидна уже со второй половины XIX века, времени, обозначенном бурной эволюцией правоведения, сопровождаемой критическим переосмыслением классических правовых учений, их дополнением, приспособлением к изменяющимся историческим реалиям, обоснованием методологически более эффективных идей, лежащих в основе правовых учений. Школа естественного права, уже, как казалось, ушедшая с исторической сцены, вновь заявила о себе в качестве обновленного учения о естественном праве, преодолевающим принцип социально-исторической универсальности, априорности права. Юридический позитивизм, ориентированный на позитивное право в качестве единственного достоверного объекта исследования, отказался от догматической прямолинейности, включив в свою методологию идеи исторической школы права. Это объясняет возникновение множества новых форм этой школы, в том числе социологического правопонимания, психологической школы права, существовавших наряду с восходящей к классическим образцам этой школы, формально-догматической юриспруденцией.

Одним из итогов этого сложного процесса эволюции правоведения следует признать взаимопроникновение идей разных теорий правопонимания. Так, школа естественного права приобрела признаки историзма и эмпиризма. А юридический позитивизм перестал чураться

идеи естественного права, проявлявшейся в нем, то ли в виде принципа, то ли в виде некоторого неюридического (литературного) источника права, идеала и пр. Но особое значение приобретает в юридическом позитивизме ранее не столь важная в нем проблема – проблема происхождения права, которую стали рассматривать и в качестве начала, и в качестве итога изучения права, обоснования его природы и сущности.

Описанные обстоятельства были характерны для российского правоведения указанного периода, в котором активно формировалась новая отрасль юридического знания – общая теория права. Учитывая стоявшие перед общей теорией права задачи, сводящиеся, прежде всего, к разработке системы общих юридических понятий, обобщающих юридическую практику, следует констатировать особую роль, которую в системе этого нового теоретического знания играло решение проблемы происхождения права. Тот или иной ответ на вопрос, что такое право, включал в себя в качестве элемента содержания понятия права и ответ на вопрос о его происхождении. Это становится актуальным для позитивистских теорий, ориентированных не только на догматический способ изучения права, но и на исторический. Тем более, это было свойственно юридическому социологизму, для которого ответ на данный вопрос был очевиден в контексте признания социального источника права.

По мнению автора, данные процессы рельефно отражаются в учениях общей теории права юристов, склонных к формально-догматической методологии, которые в новых исторических условиях стремились встроить в свои концепции социальный аспект. Одним из таких юристов-теоретиков был Габриэль Феликсович Шершеневич (1863 – 1912), известный теоретик гражданского права, а также, создатель одной из концепций общей теории права.

Необходимо отметить, что как изучению концепции общей теории права Г.Ф. Шершеневича, так и решению ее средствами данной проблемы, уделялось крайне мало внимания. Из тех немногих работ, посвященных теоретическому творчеству ученого, существует лишь несколько, которые касаются рассматриваемого вопроса. В этой связи следует отметить лишь две работы советского периода, посвященных теоретико-правовым воззрениям теоретика. Одна из работ В. Д. Зорькина в контексте анализа российского юридического позитивизма дает характеристику учения Г. Ф. Шершеневича как типичного образца позитивистской методологии того времени в решении проблемы происхождения права и государства [5]. Другая фундаментальная работа также посвящена позитивизму, охватывая период XIX века. Речь идет о монографии П. С. Шкуринова «Позитивизм в России XIX века» [6]. В этой работе концепция государства и права Г. Ф. Шершеневича рассматривается в качестве одного из консервативных учений о государстве и права, в которой государство рассматривается в качестве абсолютного начала правовой жизни. В контексте идеологизированного советского правоведения в оценках учения Г. Ф. Шершеневича доминирует классовый подход, стремление найти в нем реакционные проявления буржуазно ориентированного политического мировоззрения. Тем не менее, в контексте рассматриваемой проблемы происхождения права представляет интерес мысль о концепции политики права Г. Ф. Шершеневича, отмечаемого ученым значения идеала правопорядка в процессе правообразования.

Современные исследования характеризуются устремленностью к более глубокому изучению творчества Г. Ф. Шершеневича. Тем не менее, сегодня можно говорить лишь о нескольких работах, в которых авторы обращаются к анализу правопонимания теоретика, его подходу к проблеме происхождения права. Можно констатировать, что авторы делают акцент на абсолютизации роли государства дореволюционного ученого, укладывающейся в теоретическую схему классического легизма. Так, согласно автору единственного на сегодняшний день фундаментального исследования теоретико-правовых представлений Г. Ф. Шершеневича, «Концепция взаимоотношений государства и права в учении Г. Ф. Шершеневича складывается из ряда идей. Право, отождествляемое с нормой, производно от государства. Государственная власть господствует над всеми другими разновидностями социальной власти» [7, с. 16–17].

Другие авторы, рассматривая данную проблему, делают акцент на особенности формально-догматической методологии теоретика, объясняющей сосредоточенность его внимания на формальной, а не на материальной стороне государственно-правовых явлений. Этим объясняется утверждение первичности государства по отношению к праву «которая исключала возможность появления договора – юридического акта – раньше государства». Также как и положение теоретика о функциях государства в отношении самой государственной власти, которые состоят в создании правовых норм, решении государством задач на основе созданных правовых норм и защите этих норм средствами государственного принуждения [12].

По мнению автора настоящей статьи, некоторые положения исследователей концепции Г. Ф. Шершеневича о происхождении права являются плодом схематического отождествления его подхода с общими установками на оценку юридического позитивизма, в пределах которых «первичность государства по отношению к праву» играет принципиальную роль. Очевидно, это так. Однако необходимо учитывать и то разнообразие позитивистских концепций, которыми было так богато российское правоведение рассматриваемого периода, интеграцию в них идей других типов правопонимания, в контексте которого указанный позитивистский принцип имеет не столь абсолютное значение.

Проблеме происхождения права он посвящает особый раздел своего произведения «Общая теория права», полагая необходимым последовательно рассмотреть все существующие подходы к данной проблеме. В их числе подход школы естественного права, исторической школы права, точка зрения Р. Иеринга и С. А. Муромцева, а также решение проблемы экономическим материализмом, под названием которого скрывалась марксистская теория правопонимания. Аргументы критики Г. Ф. Шершеневичем данных теорий позволяет понять его подход к правопониманию и решению проблемы происхождения права, что делает необходимым остановиться на ней подробнее.

Главным положением школы естественного права Г. Ф. Шершеневич видит идею права разума и права природы, которое исторически сложившееся право рассматривает как несовершенное, требующее доработки в соответствии с их требованиями. Естественное право, в отличие от позитивного права, универсально и неизменно. Отмечая ту полезную роль, которую сыграла эта школа в истории правоведения, теоретик полагает, что она имеет ряд недостатков, которые состоят в игнорировании роли социальных факторов, обуславливающих процесс правотворчества и составляющих предпосылку закономерности развития права; и в отсутствии понимания роли исторически сформировавшихся потребностей, на решение которых направлено право. Так, «Законодатель творит право не из абсолютного разума, а из относительных условий своей деятельности. Чтобы право вошло в жизнь и не встречало трений, способных противодействовать его применению, необходимо, чтобы оно соответствовало историческим условиям существования данного общества» [9, с. 478].

Необходимо признать, что объектом критики Г. Ф. Шершеневича является классическая модель школы естественного права. Что касается ее обновленного учения, оно не столь прямолинейно, указывая, скорее, на общественный идеал в качестве источника, из которого исходит право, а не на разум и природу человека. В значительной степени ей был присущ и историзм, не смотря на первоначальное неприятие этой школы Гуго, Пухты и Савиньи. Один из известных представителей школы обновленного естественного права дал очень взвешенную оценку, когда писал: «история показывает, что всякий прогресс действующего права обусловлен критическим отношением к нему, а такая критика возможна только на почве правового идеала. Естественное право, в качестве такого критерия действующего права, играет в истории роль того основного двигателя, без которого невозможно прогрессивное движение» [10, с. 75].

Характеризуя учение исторической школы, Г. Ф. Шершеневич справедливо указывает, что оно, прежде всего, было направлено против идеи произвольности права и его универсальности. Согласно этому учению, право уникально, так как является выражением народного

духа, а формирование права составляет его постепенное раскрытие в истории. Отсюда, оно не произвольно, его эволюция определена факторами, составляющими признаки народного духа. Но объективизм исторической школы, ее консервативный темперамент не отрицают ее субъективизма, состоящего в отсутствии четких объективных критериев определения самого народного духа. Не случайно представители данной школы в итоге разделились на два враждующих лагеря именно в трактовке народного духа, на романистов и германистов. «Провозглашая строгий объективизм, историческая школа не могла скрыть своего субъективизма. – пишет теоретик, - Но она заглушила стремление к правовому творчеству, подорвала веру личности в свою деятельность на пользу сознательного преобразования права. Насколько школа естественного права будила, настолько историческая школа усыпляла» [9, с. 486].

Роль Рудольфа Иеринга и С.А. Муромцева состояла в реабилитации субъективного элемента в праве, обоснование которого было направлено на опровержение объективизма исторической школы. Право, согласно Р. Иерингу, есть результат борьбы [11] и возникает в качестве защищенного государством интереса. С. А. Муромцев несколько изменил эту мысль, создав новое направление в решении проблемы происхождения права. У него борьба за право приобретает идейный характер. Речь идет о борьбе за справедливость, когда осознается противоречие между существующим и желаемым порядком. При этом борьба за право и правотворчество обретает осязаемые социальные черты в виде общественных потребностей, на реализацию которых она направлена.

Принципиальное значение имеет критика Г. Ф. Шершеневичем позиции экономического материализма. В основе экономического материализма лежит признание внешних факторов в качестве материальной (объективной) основы права. Из этого вытекает другой его важный признак – объективность процесса правообразования, в котором не участвуют субъективные факторы. Теоретик очень точно воспроизводит квинтэссенцию учения К. Маркса, приводя цитаты из экономическо-философских рукописей о решающей роли экономического базиса (производственных отношений), определяющего политическую и правовую надстройку общества, о том, что общественное бытие определяет общественное сознание [12]. Теоретик точно воспроизводит идею классового подхода к происхождению права, соглашаясь с Марксом в вопросе о выражении правом интересов «экономически наиболее сильного класса», в том, что право представляет собой выраженную в законе волю экономически господствующего класса. Однако он считает преувеличением положение о том, что право этим исчерпывает свою сущность, так как не все нормы права могут быть выгодны господствующему классу [9, с. 496].

Главная ошибка, которой страдает экономический материализм, по мнению Г. Ф. Шершеневича, состоит в абсолютизации значения экономического фактора образования права. На самом деле, следует принять во внимание и субъективный фактор, играющий немалую роль в правообразовании, значение идей, реализация которых участвует в развитии права. Шершеневич указывает, что в экономическом материализме «весь процесс правообразования приобретает характер механический, с устранением сознательности» [9, с. 498].

Очевидны изъяны Г. Ф. Шершеневича в знании и понимании марксизма. Наверное, ему не были доступны другие работы К. Маркса. А между тем, как известно, квинтэссенцией марксизма является идея классовой борьбы, которая происходит благодаря осознанию классовых интересов, впоследствии закрепляемых в праве. Предпосылкой же классового антагонизма является частная собственность, рассматриваемая в качестве материальной предпосылки классового образования. Так, право - явление историческое, оно возникает с образованием частной собственности, закрепляя интересы экономически господствующего класса, и исчезает после ее уничтожения, то есть, после исчезновения социально антагонистических классов.

Критика рассмотренных подходов к проблеме происхождения права позволяет выявить основные черты подхода самого Г. Ф. Шершеневича. Однако он требует более детального

рассмотрения. Характеризуя этот подход, следует согласиться с мнением, что во многом он обусловлен принципам философского позитивизма, которым он стремился руководствоваться в качестве методологической основы своего учения. Один из современных авторов подчеркивает, что «Для правовой теории русского юридического позитивизма характерна чрезвычайно тесная связь с философским позитивизмом. Быть позитивистом в юриспруденции значило для представителей этого направления быть последователем позитивной философии. Они неоднократно подчеркивали свое стремление «обосновать объяснение действительных юридических явлений на научных требованиях так называемого научного позитивизма». Исследуя правовые явления с подобных методологических позиций, русские юристы-позитивисты рассматривали право в полном отрыве от экономического базиса. Они объявили, что формальные признаки права, а не его постоянно изменяющееся содержание должны быть предметом изучения» [8]. Данную склонность к философскому позитивизму нельзя недооценивать. Ведь, создавая свою концепцию общей теории права, он был озадачен идеей разработки научной философии права, в которой данная дисциплина являлась теоретической частью, наряду с историей философии права, и практической частью – политикой права. Тем не менее, эту склонность нельзя и переоценивать, не учитывая прямого влияния на его теорию совокупности идей, культивируемых научным дискурсом того времени.

Анализ учения Г.Ф. Шершеневича показывает, что в основе его воззрений лежит идея социальной природы права, то есть, того, что право является одной из форм регулирования общественных отношений, нормы которого существуют наряду с нормами нравственности. Концепция происхождения права теоретика базируется на социологическом взгляде о том, что выделение правовых норм в качестве самостоятельных и относительно независимых от норм морали объясняется усложнением общества, его количественным ростом, а также качественными трансформациями, связанными с развитием неоднородности населения, в связи с завоеванием новых территорий. Но окончательное самоопределение норм права связано с возникновением суда, каковым первоначально был суд старейшин, а в дальнейшем княжеский или королевский суд. Теоретик пишет: «Самый процесс дифференциации норм права обуславливается рождением в общественной среде нового явления – суда от имени власти. Зародыш права – в обособлении суда, организованного политической властью, от суда общественного. Как только политическая власть стала обнаруживать свое значение, так сделалось вполне естественным обращение к ней за помощью для защиты своих интересов» [9, с. 502].

В контексте данных положений о возникновении «зародышей права» до появления государства, резонен вопрос о том, как они соотносятся с фундаментальным тезисом о первичности государства по отношению к праву. Очевидно, что формально-догматический подход к изучению права Г. Ф. Шершеневичем, не позволяет трактовать право иначе как государственное явление. Более того, в контексте данного подхода проблема происхождения права теряет свое эвристическое значение, она снимается догматическим отношением к правовой действительности. Значение этой проблеме придает историзм, отвечающий на вопрос о том, не что такое право, а, как и когда оно возникло; и социологизм, отвечающий на вопрос о том, почему оно возникло, какие социальные задачи решало. Строя свою концепцию общей теории права Шершеневич вынужден был учитывать разные направления его изучения, сложившиеся в то время, в том числе, исторический, социологический, критический методы, при этом полагая, что лишь формально-догматическая методология отвечает требованиям юридической теории. Этим объясняется своеобразный симбиоз методологически разных идей, включаемых теоретиком в контекст решения проблемы происхождения права.

Необходимо отметить, что решение проблемы происхождения права Г. Ф. Шершеневичем имеет большое значение для построения его концепции общей теории права. Основой подхода этого теоретика является соединение идей позитивизма и историзма, также как и включение в него некоторых идей юридического социологизма. Примечательной особенностью его подхода является отсутствие в нем факторного анализа, что придает его концепции описательный

характер. Идея, играющая роль методологического принципа анализа данного явления, состоит в мысли о возникновении права как способа защиты интересов государственной власти, господствующего класса. Данная идея, по словам самого исследователя, является результатом исторического исследования, подтверждается значительным количеством исторических фактов. Между тем, данная идея далека от правового учения марксизма, скорее она является проявлением консерватизма позитивистского подхода, его социологической версии. Тем не менее, необходимо отметить, что Шершеневич не воспроизводит социологический подход буквально, рассматривая лишь принцип социальной природы права в качестве фундаментального для своего учения. Между тем, идея социальной природы права являлась общепринятой в правоведении начала XX века, что не позволяет в ее контексте характеризовать методологические особенности подхода к проблеме.

Таким образом, можно утверждать, что решение Г. Ф. Шершеневичем проблемы происхождения права нельзя признать оригинальным, оно не отражает особенностей его формально-догматической методологии к изучению правовых явлений. С другой стороны, очевидно и то, что в контексте формально-догматической юриспруденции данная проблема не играет большой концептуальной роли. Значит, ее анализ в общей теории права был обусловлен более широким диапазоном задач, предполагаемым данной отраслью, включающим изучение комплекса философских, политических, социологических и иных проблем права. Объяснение кроется в том, что по замыслу Г. Ф. Шершеневича общая теория права является частью более широкого знаниевого комплекса – философии права – включающего в себя, помимо нее, историю философии права и политику права.

Список источников

1. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1997. 652 с.
2. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2002. 752 с.
3. Алексеев С. С. Тайна и сила права. М.: НОРМА, 2009. 176 с.
4. Недобежкин С. В. Мифологизация вопроса о происхождении права в теоретико-правовой науке // История государства и права. 2012. № 11. С. 7–10.
5. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М.: Издательство МГУ, 1978. 269 с.
6. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1980. 416 с.
7. Желдыбина Т. А. Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 30 с.
8. Шлома О. А., Чердакова Т. Б. Государственно-правовые взгляды Г. Ф. Шершеневича // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 71–77.
9. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Типография Братьев Башмаковых, 1910.
10. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М.: А.А. Левенсон, 1908.
11. Иеринг Р. Борьба за право. М.: Типография Грачева и К^о, 1874.
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42.

References

1. Nersesyants V. S. *Philosophy of Law*. Moscow: INFRA-M – NORMA; 1997. 652 p. (In Russ.)
2. Graftsky V. G. *General history of Law and State*. Moscow: NORMA; 2002. 752 p. (In Russ.)
3. Alekseev N. N. *The mystery and power of law*. Moscow: NORMA; 2009. 176 p. (In Russ.)

4. Nedobezkin S. V. The mythologization of the question about origin of law in theoretic-law jurisprudence. *History of law and state*. 2012;(11):7–10. (In Russ.)
5. Zorkin V. D. *Positivist theory of law in Russia*. Moscow: Publishing House of MGU; 1978. 269 p. (In Russ.)
6. Shkurinov P. S. *Positivism in Russia of XIX century*. Publishing House of MGU; 1980. 416 p. (In Russ.)
7. Zeldibina T. A. *State-Law opinions of G.F. Shershenevich*: Abstract of the dissertation of candidate of law. Saratov; 2007. 30 p. (In Russ.)
8. Shloma O. A., Cherdakova T. B. State legal views of G.F. Shershenevich. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*. 2015;(68):71–77. (In Russ.)
9. Shershenevich G. F. *General theory of law*. Moscow: Printing house of the Bashmakov Brothers; 1910. (In Russ.)
10. Trubetskoy E. N. *Encyclopedia of Law*. Moscow: A. A. Levenson; 1908. (In Russ.)
11. Iering R. *Fight for the right*. Moscow: Printing house Grachev and K^o; 1874. (In Russ.)
12. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844. In: *K. Marx, F. Engels. Essays*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 1974;(42). (In Russ.)

Информация об авторе

А. Р. Гетажеева – аспирант Таганрогского института управления и экономики.

Information about the author

A. R. Getazheeva – Postgraduate Student at the Taganrog Institute of Management and Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Сравнительный анализ социальной политики СССР и Германии в хрущевский период (1953–1964 гг.)

Елизавета Георгиевна Медведева^{1, 2}

¹Сочинский государственный университет, Сочи, Россия, med-li.za@yandex.ru

²Сочинский институт (филиал) РУДН, Сочи, Россия

Аннотация. Исследование советской социальной политики представляет важность на основании ряда аспектов, основным из которых является тот фактор, что социальное обеспечение в исторической науке и общественном мнении обычно рассматривается как наиболее успешный период устройства советского общества. Кроме того, анализируемый период представляет особый интерес, поскольку охватывает период восстановления после Второй мировой войны и ранние этапы холодной войны. В данном сравнительном анализе рассмотрена социальная политика, проводимая СССР, с одной стороны, и в Западной Германии (Федеративной Республике Германия), с другой стороны, поскольку Восточная Германия в этот период находилась под сильным влиянием советской политики. Опыт СССР и ФРГ в этот период может быть полезным для исследования и разработки современных подходов к социальной политике и ее адаптации к текущим условиям.

Ключевые слова: социальная политика, механизмы социальной политики, жилищная политика, здравоохранение, образование, социальное обеспечение, социальные программы

Для цитирования: Медведева Е. Г. Сравнительный анализ социальной политики СССР и Германии в хрущевский период (1953–1964 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 52–60. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-52-60>. EDN TAYISI

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Comparative analysis of the social policy of the USSR and Germany in the Khrushchev period (1953–1964)

Elizaveta G. Medvedeva^{1, 2}

¹Sochi State University, Sochi, Russia, med-li.za@yandex.ru

²Sochi Institute (branch) of RUDN University, Sochi, Russia

Abstract. The study of Soviet social policy is important on the basis of a number of aspects, the main one being the fact that social welfare in historical scholarship and public opinion is generally regarded as the most successful period of Soviet society. Moreover, the period under analysis is of particular interest, as it covers the period of reconstruction after World War II and the early stages of the Cold War. This comparative analysis considers the social policy pursued by the USSR, and in West Germany (Federal Republic of Germany), since East Germany was strongly influenced by Soviet policy during this period. The experience of the USSR and FRG during this period can be useful for research and development of modern approaches to social policy and its adaptation to current conditions.

Keywords: social policy, mechanisms of social policy, housing policy, health, education, social security, social programs

For citation: Medvedeva E. G. Comparative analysis of the social policy of the USSR and Germany in the Khrushchev period (1953–1964). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):52–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-52-60>. EDN TAYISI

В послевоенный период в СССР происходит значительная трансформация системы социальной политики. Принципы ее реализации становятся схожими с принципами эгалитаризма, заложенными в британской модели 1940-х годов, разработанной в 1940-х годах на основе доклада экономиста Уильяма Бевеиджа. В рамках советской системы государственное планирование выступало в роли ключевого механизма социальной политики, обеспечивая централизованное управление экономикой и распределение ресурсов. Этот подход способствовал формированию системы социальной поддержки населения, включающей бесплатные медицинские услуги, образование и гарантии социального обеспечения.

Социальная политика СССР в 1950-1960-х гг. характеризовалась стремлением к созданию сильного социалистического государства, ориентированного на обеспечение социального равенства и благополучия граждан. В период хрущевской оттепели внимание государства уделялось более гуманным и демократическим аспектам социалистической идеологии. Акцент в социальной политике СССР был сделан на развитии систем образования, здравоохранения, жилищного строительства и культуры: был обеспечен бесплатный доступ к образовательным и медицинским услугам, а также гарантировано право на труд и соблюдение соответствующих условий труда, а также пенсионное обеспечение.

Социалистическая идеология СССР в анализируемый период характеризуется реализацией основных принципов социализма в соответствии с марксистско-ленинской доктриной посредством проведения социальных, экономических и политических реформ.

Основные направления внутренней политики Н. С. Хрущева были ориентированы на отход от репрессивных сталинских методов правления в сторону десталинизации. В этот период предприняты шаги к освобождению политических заключенных, смягчению цензуры и стимулированию более свободного политического обсуждения. Данные преобразования существенно повлияли на социальную сферу, акцентируя внимание на повышении уровня жизни населения и решение социальных вопросов через реализацию ряда инициатив.

Период правления Н. С. Хрущева ознаменовался рядом сельскохозяйственных и промышленных реформ, целью которых было стимулирование развития экономики СССР. В сфере социальной политики особое внимание было сосредоточено жилищному строительству. Были реализованы масштабные проекты по строительству «хрущевок» для решения проблемы дефицита жилья и улучшения жилищных условий. Существенные изменения коснулись и сфер образования и здравоохранения, где реформы были направлены на обеспечение доступа к качественным услугам всем слоям населения. Кроме того, в анализируемый период были заложены законодательные основы для стимулирования экономического потенциала страны, включая улучшение продовольственного обеспечения и расширение номенклатуры потребительских товаров. Несмотря на то, что отдельные инициативы, принятые в это время, ухудшили престиж Хрущева Н. С. и привели к экономическим проблемам, а также социальному недовольству (такие как упразднение машинно-тракторных станций, перевод скота из личных подсобных хозяйств колхозников в колхозные фермерские хозяйства, рост цен на мясо, масло и сливки), эти меры изначально были введены Хрущевым как механизмы стимулирования производителей к обеспечению населения необходимыми продовольственными ресурсами.

Модель управления социальной политикой оставалась в высшей степени централизованной, а Коммунистическая партия руководила разработкой программ и распределением ресурсов. Такой подход способствовал мобилизации ресурсов для реализации ключевых инициатив, но в то же время был неэффективным. В целом, государственный механизм СССР включал в себя централизованную многоуровневую структуру органов власти, таких как Министерство здравоохранения, Министерство высшего и среднего специального образования, Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. Эти органы имели задачу разработки и осуществления политики, направленной на улучшение условий жизни населения, обеспечение доступа к образовательным и медицинским услугам, а также на повышение качества жилищных условий.

Кроме того, идеологические и политические аспекты социальной политики в период правления Хрущева Н. С. были тесно связаны с общими целями советского государства, в том числе со стремлением показать преимущества социалистической системы перед капиталистическим миром. Стратегия мирного сосуществования и активное участие в международных инициативах требовали от СССР демонстрации значительных достижений в социальной сфере, что стимулировало дальнейшее развитие социальных программ и улучшение качества жизни граждан.

Социальная политика ФРГ, в свою очередь, в анализируемый период была направлена на преодоление последствий Второй мировой войны и обеспечение социального и экономического развития страны. В это время ФРГ находилась в эпоху Восстановления (*Wirtschaftswunder* или экономическое чудо), что требовало особого подхода к социальным вопросам. Основными направлениями социальной политики были создание системы социального обеспечения, образования, здравоохранения и решение проблем беженцев и переселенцев. В этот период страна предпринимала значительные усилия и инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры, жилищного строительства и обеспечения доступности жилья для широких слоев населения.

Таким образом, в анализируемый период в ФРГ осуществлялось формирование «социального рыночного хозяйства», что предусматривало активное государственное вмешательство в экономику с целью обеспечения социальной стабильности и справедливости. А *Wirtschaftswunder* создало благоприятные условия для развития социальной политики, направленной на обеспечение широкого доступа к социальным услугам [1].

В ФРГ была разработана сложная система социального обеспечения, в которой государство, работодатели и работники совместно финансировали социальное страхование. Это отражало принципы субсидиарности и социального партнерства, лежащие в основе социальной политики ФРГ. Данная система была ориентирована на социальную поддержку и обеспечение достойного уровня жизни всех граждан. Эта направленность существенно отличалась от системы СССР, характеризующейся более централизованным подходом.

Федеральное министерство труда и социального обеспечения, Федеральное министерство семьи и молодежи и ряд других органов, взаимодействовавших с профсоюзами и работодателями, стали ключевыми структурами, ответственными за социальную политику.

Важной чертой социальной политики ФРГ в этот период становится сотрудничество с другими странами Западной Европы и участие в разработке международных социальных программ, таких как Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций (*UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration*).

Как в СССР, так и в ФРГ приоритетными направлениями развития являлись образование, здравоохранение, жилищное обеспечение и обеспечение занятости населения.

В СССР в 1953–1964 гг. был запущен ряд различных социальных программ, направленных на улучшение благосостояния населения. Среди них следует выделить:

- предоставление доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению для всех граждан;
- развитие жилищного строительства, активное возведение «хрущевок» и предоставление жилья многодетным семьям и работникам отдаленных районов;
- увеличение размера пенсионных выплат пенсионерам и социальных пособий инвалидам;
- реализация программы обязательного страхования для защиты работников от профессиональных рисков и несчастных случаев на рабочих местах.

В период 1953–1964 гг. в Германии был инициирован экономический ренессанс, широко известный как «Экономическое чудо» (*Wirtschaftswunder*), целью которого стало возрождение экономики после Второй мировой войны. В рамках данной программы был реализован ряд социальных инициатив, направленных на улучшение благосостояния населения, среди которых следует выделить:

- развитие системы здравоохранения и социального обеспечения;
- повышения уровня доступности и качества образования;
- обеспечение беженцев и вынужденных переселенцев жильем;
- укрепление системы социального страхования, направленного на защиту граждан от безработицы и в случае болезней.

Таким образом, социальные программы, направленные на рост благосостояния населения, наблюдаются в анализируемый период как в СССР, так и в ФРГ. И это являлось одним из ключевых направлений государственной политики стран.

Однако проведенный анализ указывает, что в социальной политике СССР и Германии наблюдались не только схожие черты, но и различия, обусловленные расхождениями в социальной, экономической и политической организации деятельности данных государств.

Различия в форме политического устройства определяли различные подходы к осуществлению контроля за сферами деятельности со стороны правительства. Так, СССР являлся социалистической страной с однопартийным правлением Коммунистической партии. И правительство осуществляло повсеместный централизованный контроль, в том числе в системе здравоохранения, образования, жилищного и социального обеспечения. Организация социальной политики была основана на государственном планировании. ФРГ, в свою очередь, являлась демократической федеративной парламентской республикой со смешанной экономикой. Наблюдался ограниченный контроль в указанных сферах со стороны правительства Германии и реализация социальной политики было основано на принципах рыночной экономики и частной собственности.

Таким образом, СССР и Германия имели разные подходы в регулировании социальной сферой. В Советском союзе оно реализовывалось на основании государственного обеспечения. В то же время система социальной защиты Германии функционировала на основе страховых взносов рабочих предприятий, которые предназначались для выплаты пенсий, пособий и оплаты медицинских услуг, и включала множество компонентов, действующих в соответствии с общими принципами.

Анализируя организацию социальной политики двух стран следует указать, что главным отличием механизмов государственного управления в СССР и ФРГ была степень централизации и идеологическая основа социальной политики. В СССР централизованное планирование и идеология социализма предполагали равный доступ ко всем социальным услугам и строгий контроль государства над их распределением. В ФРГ, в свою очередь, социальная политика основывалась на принципах социального рыночного хозяйства, предусматривающих сочетание свободы рынка с государственной поддержкой наиболее уязвимых слоев населения.

В СССР 1950-е годы характеризуются переходом от производственной модели организации медицинских учреждений к территориальной. Советский Союз обеспечивал всеобщее медицинское обслуживание всех своих граждан в рамках централизованной плановой системы. Медицинские услуги были бесплатными по месту пользования, при этом основное внимание уделялось профилактическим мерам и кампаниям по охране здоровья населения. Однако, следует отметить, что инфраструктура здравоохранения и наличие медицинских работников иногда были недостаточными, что приводило к неравномерному доступу и качеству медицинской помощи. В результате, советская система здравоохранения стала первой всеобщей и бесплатной системой здравоохранения на международном уровне.

Система здравоохранения ФРГ, в свою очередь, была основана на модели социального страхования, когда частные лица и работодатели вносили взносы в фонд здравоохранения. Хотя медицинские услуги не были повсеместно бесплатными, они в значительной степени субсидировались, и все граждане были обязаны иметь страховое покрытие. Качество медицинского обслуживания и доступ к медицинским специалистам были в целом высокими.

Следует указать, что система социальной политики в Советском Союзе развивалась параллельно с западными моделями «общественного благополучия». Внедрение некоторых мер

происходило раньше, чем в Европе и США, в то время как другие меры заимствовались из западного опыта или реализовывались одновременно. Расширение мер социальной поддержки и предоставление бесплатных услуг в СССР продолжалось по 1956 год, и после этого все жители страны получили право на пенсии, бесплатное высшее образование и массовое предоставление жилья. Граждане западных государств «общественного благополучия», в том числе ФРГ, имели схожие права, однако реализация этих прав часто происходила иначе – скорее через предоставление пособий на оплату услуг, льготных кредитов или налоговых льгот, а не через прямую бесплатность.

Кроме того, в июле 1956 г. решение Верховного Совета СССР о всеобщем пенсионном обеспечении устанавливало гарантии для пенсий и их размеры по возрасту, инвалидности и потере кормильца, исходя из зарплаты, стажа и условий труда. В 1940 г. пенсии получали 3 млн чел., а к 1959 г. число пенсионеров выросло до 20 млн человек, средний размер пенсионных выплат удвоился относительно средней зарплаты. При этом, колхозники получили право на государственные пенсии только через десять лет, согласно закону от 15 июля 1964 г. Пенсионные выплаты составляли примерно 30 % от средних зарплат, а для колхозников из-за трудностей с учетом трудового стажа – около 15%¹. Такая система социальной политики сохранялась до 1980-х гг., когда ее показатели приблизились к среднему уровню.

Пенсионное обеспечение в СССР базировалось на принципе обязательного социального страхования. При этом, пенсионная система в СССР была основана на принципе распределения: пенсионные выплаты производились за счет средств, взимаемых с работодателей, и направляемых в государственный бюджет. В основе системы лежал заблаговременный подсчет пенсий, основанный на трудовом стаже и зарплате. Важным фактором было наличие единой системы социальных гарантий, доступности медицинской помощи и социального обеспечения. В 1956 г. средний размер пенсии составлял 317 руб. в год, что на 63 % превышал уровень 1950 г. К 1964 г. средний размер пенсии составил 723 руб. в год. В 1953 г. были установлены новые льготы для пенсионеров по инвалидности и предоставлена возможность использовать переработанные пенсии. В ФРГ пенсионное обеспечение, в свою очередь, было основано на принципе публичного страхования. Пенсии выплачивались за счет взносов, вносимых как работодателями, так и работниками. Система отличалась привязкой выплат к уровню доходов и стажа, индексацией пенсий и гибкой системой раннего выхода на пенсию. При этом, в 1957 г. была проведена пенсионная реформа, которая установила динамические пенсии. Средний размер пенсии после реформы составил 1500 новых марок ежемесячно. К 1964 г. размер средней пенсии составил около 3000 новых марок, что значительно превышало уровень в СССР (723 руб. в год) [2]. Кроме того, в отличие от СССР, в ФРГ также существовали предпосылки для частного пенсионного обеспечения.

Сравнивая пенсионную систему СССР и ФРГ, можно выделить следующие основные отличительные аспекты:

- в СССР основной источник пенсионных выплат был государственный бюджет, в то время как в ФРГ – страховые взносы работников и работодателей;
- пенсии в СССР были привязаны к государственным гарантиям, в то время как в ФРГ регулировалась рыночными механизмами. При этом, ФРГ предоставила гибкость в формировании пенсионных накоплений, что позволило гражданам самостоятельно определить размер пенсионного обеспечения.

Рассматривая развитие системы образования следует отметить, что в СССР и ФРГ они имели существенные различия. Данный факт является отражением разных идеологических и политических принципов, лежащих в основе двух государств. Однако обе страны обеспечивали высокий уровень грамотности и возможности для обучения их граждан.

---

¹ Пенсионное законодательство 1956–1959 гг. // Музей истории Российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13873>.

Так, в СССР образование было централизованно спланированным, бесплатным и концентрировалось на пропаганде коммунизма. Оно было обязательным для всех граждан. Особое внимание уделялось естественным наукам, технике и математике, поскольку советское руководство стремилось создать образованную рабочую силу для планового экономического роста. Высшее образование и профессиональная подготовка также были широко распространены и доступны для советских граждан. Число обучающихся в школах выросло с 28,8 млн в 1953 г. до 43,3 млн в 1964 г., а уровень грамотности был высоким и составлял примерно 98 % [3].

Образовательная система ФРГ была наоборот децентрализованной. Управление образованием было регулировано на уровне федеральных земель, что позволяло сохранять культурное многообразие и учитывать потребности каждого региона, а федеральное правительство играло координирующую роль. В целом, в ФРГ было более высокая гибкость в переходе между различными уровнями образования и профессиями. При этом, образование также было бесплатным и обязательным. Статистические данные за анализируемый период свидетельствуют о значительном увеличении числа учащихся: с 9,8 млн в 1953 г. до 14 млн в 1964 г. Уровень грамотности в стране также составлял 99 % [1].

Сравнивая образовательные системы СССР и ФРГ в 1953–1964 гг., можно выделить следующие ключевые моменты:

1. СССР имел сильно централизованную систему, в то время как в ФРГ система была децентрализованной и основанной на региональных принципах.

2. Образование в СССР уделяло больше внимания идеологическим аспектам, в то время как образование в ФРГ стремилось поддерживать культурное многообразие и индивидуальные потребности каждого региона.

3. Оба государства обеспечивали высокий уровень грамотности среди населения и постоянный рост числа обучающихся.

Рассматривая особенности развития социальной жилищной политики, в свою очередь, следует указать, что в 1950-х гг. в СССР, а также в Германии и некоторых других европейских странах, началась масштабная кампания по созданию бесплатного жилья для населения. В результате средний уровень доступности жилья увеличился в два раза – с 5 квадратных метров на человека до 12 квадратных метров к 1970-м гг. В 1960-х гг. льготы на проезд и оплату коммунальных услуг, действовавшие с 1920-х гг., были закреплены в законодательстве. Основными получателями таких льгот являлись инвалиды, военнослужащие и учащиеся. В Германии в 1961 г. был принят закон о социальной помощи, в соответствии с которым для наименее обеспеченных граждан услуги соцработников по помощи в быту предоставлялись бесплатно. Аналогичные нормы были приняты и в СССР, но уже в 1970-х гг.

В целом, после Второй мировой войны ситуация в жилищном вопросе в СССР и ФРГ казалась крайне схожей: обе страны столкнулись с серьезным дефицитом жилья из-за разрушений войны, высокими темпами роста населения и значительной миграцией. Однако подходы обеих стран к решению этих проблем оказались существенно разными.

Рассматривая, основные аспекты социальной жилищной политики в ФРГ, следует указать, что в 1953 г. правительство страны приняло первые законы в области социального жилищного строительства. Закон о социальном жилищном строительстве (*Gesetz über den sozialen Wohnungsbau*) требовал налаживания сотрудничества между федеральным и земельным правительствами, а также субсидирования строительства социальных жилья для малоимущих слоев населения. В 1954 г. была разработан план жилищного строительства на пять лет (*Fünfjahres-Plan*), предусматривающий строительством 40 000 социальных жилых единиц в год [1].

В период с 1953 по 1957 гг. было построено более 190 000 единиц социального жилья. С 1958 по 1963 год крупным масштабом была реализована программа «1 миллион социальных

жилищ» (1 Million Sozialwohnungen), благодаря которой был реконструирован и расширен жилищный фонд в городах и поселках ФРГ. В результате этой программы количество жилых помещений увеличилось с 3,2 млн единиц в 1953 г. до 7,1 млн единиц в 1964 г. [4]

Таким образом, в анализируемый период наблюдалось интенсивное увеличение жилищного строительства в ФРГ: с 1955 по 1959 гг. строительство новых домов выросло с 3,7 млн. м² до 4,4 млн. м². При этом, наблюдалась динамика увеличения общего объема жилищного строительства: с 1953 г. количество новостроек возросло на 12,7 % (от 175 000 до 430 000), а общая площадь жилых объектов увеличилась на 26,9 % (от 39,2 млн кв. м до 49,7 млн кв. м.) [3]. Данная положительная динамика наблюдалась и в части социального жилищного строительства: в 1964 г. доля социального жилищного строительства составила 20 % общего жилого строительства. Правительство ФРГ в анализируемый период предоставляло значительные финансовые субсидии застройщикам, строившим социальное жилье. При этом, средняя арендная плата за социальное жилье была примерно на 15-20 % ниже, чем за частное, что делало его более доступным для семей с низкими доходами.

С 1963 г. правительство ФРГ постепенно стало уменьшать федеральное финансирование социального жилищного строительства, переносил акцент на роль частного сектора и формирование свободного рынка недвижимости. Значительное снижение количества социальных жилья было компенсировано строительством жилых домов для семей среднего класса.

Приоритетным направлением оказалась поддержка ипотечного кредитования населения, активное использование финансовых ресурсов восстановленных банков и государственных инвестиций. Государство обеспечивало налоговые льготы, субсидии и социальные пособия для малоимущих слоев населения, кредитование строительства жилых зданий и содействие в привлечении иностранных инвесторов.

В целом, эти данные свидетельствуют о значительном прогрессе в политике социального жилья в этот период в Германии. Правительство инвестировало значительные средства в строительство социального жилья, что позволило семьям с низким уровнем дохода получить доступное жилье и значительно сократило количество семей, живущих в некачественном жилье. Соответственно, социальная жилищная политика была ориентирована на субсидирование данного сектора в целях увеличения объемов построек частными компаниями. А сама политика распределения социального жилья была направлена на малоимущие слои населения.

В целом, в ФРГ основными направлениями жилищной политики в рассматриваемый период были:

- восстановление и модернизация существующих жилых зданий;
- строительство новых домов для беженцев и переселенцев из Восточной Германии;
- развитие социального жилья для малоимущих слоев населения.

Советская жилищная политика также вынуждена была справляться с последствиями войны и жилищным кризисом. В послевоенный период строительство жилья было направлено на восстановление разрушенных районов и обеспечение жилищами переселенцев, ветеранов и молодых семей.

В рамках шестилетнего плана (1951–1956) и семилетнего плана (1959–1965) государство направило большие ресурсы на решение жилищной проблемы. С середины 1950-х гг. началось активное строительство массового жилья, основным типом которого стали панельные многоквартирные дома, включая так называемые «хрущевки». Также жилищное строительство было направлено на строительство поселков для работников и кооперативное жилье. Кроме того, анализируя политику хрущевской оттепели в области предоставления жилья населению, в данном направлении наблюдалась также отмена рядов нормативных актов, принятых до 1953 г., являющихся репрессивным инструментом манипулирования населением.

Размах жилищного строительства с 1956 по 1963 гг. принял поистине грандиозные размеры, в итоге которого национальный жилищный фонд вырос почти в 2 раза – с 640

до 1184 млн. кв. м., таким образом, за данный период в СССР было построено больше жилья, чем за предшествующие 40 лет [5]. Однако отмечался низкий уровень качества строительства хрущевок. Так, анализируя процесс массовой жилищной застройки в период хрущевской оттепели, «Комсомольская правда» отмечала, что отличительных признаков для типового 5-этажного дома конца 1950-начала 1960-х гг. всего два: «первый – их огромное количество. Второй – у них крайняя непригодность и неудобство, 30-35 % износа» [6].

Кроме того, было регламентировано увеличение роста индивидуального жилищного строительства из средств граждан ввиду роста их общего материального благосостояния. Также «этому будет способствовать отмена, начиная с 1958 г., выпуска государственных займов, размещаемых по подписке среди населения, в результате чего реальные доходы трудящихся увеличатся только в 1958 г. на 14,5 млрд руб., а в 1959 г. и в последующие годы – еще больше»¹. Кроме того, для целей повышения эффективности строительства, строительство жилых домов начало осуществляться целыми микрорайонами и кварталами.

В результате приведенного анализа следует выделить следующие принципы организации жилищной политики СССР в 1953–1964 гг.:

- государственное регулирование жилищного строительства, цен и распределения жилья, учет и контроль за жилищным фондом;
- строительство жилых домов целыми микрорайонами и кварталами;
- поддержка жилищного кооперативного движения, предоставление гражданам возможности строительства жилья на своей даче, содействие развитию коллективного строительства;
- внедрение новых строительных технологий, нормативов и стандартов качества жилья.

В результате проведенного сравнительного анализа выяснено, что ситуация в жилищной сфере заметно улучшилась и в СССР, и в ФРГ, хотя к 1964 г. жилищный дефицит все еще сохранялся. Обе страны использовали различные механизмы реализации своей социальной жилищной политики – СССР опирался на государственное участие и вмешательство, ФРГ – на поддержку многообразия форм собственности и активное развитие местных инициатив. Безусловно, исторический контекст, а также экономические и социологические изменения, внутренние и внешние факторы также имели существенное влияние на развитие жилищной политики обеих стран. При этом, в ФРГ доля индивидуального жилищного строительства и кооперативов имело более большое значение в обеспечении населения жильем, что является отличительной чертой от СССР.

Анализ статистических данных также подтверждает вывод о том, что социальная жилищная политика в СССР в указанный период была успешной, что проявилось в увеличении показателей жилищного строительства и повышении уровня обеспеченности населения жильем [7–8].

В заключение следует отметить, что хотя СССР и Западная Германия имели некоторые общие черты в своей социальной политике, такие как акцент на доступ к образованию и здравоохранению, активная реализация жилищной политики, они преследовали эти цели разными средствами, что отражало различия их политических и экономических систем. СССР ставила во главу угла всеобщий доступ к образованию, здравоохранению и социальному обеспечению, а также жилье, предоставляемое государством. Западная Германия, напротив, придерживалась более децентрализованного и ориентированного на рынок подхода к социальной политике, с сочетанием государственных и частных поставщиков услуг в сфере образования, здравоохранения и жилья. В СССР акцент делался на централизованном планировании и предоставлении универсальных социальных услуг, в то время как в ФРГ преобладал

¹ Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 31. 07. 1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1957. № 9. Ст. 102.

подход, основанный на социальном рыночном хозяйстве, с акцентом на социальное партнерство и государственно-частное сотрудничество в области социального обеспечения. Эти различия подчеркивают разнообразие подходов к решению социальных вопросов в условиях разных политических и экономических систем.

Список источников

1. The Emergence of the Welfare State in Britain and Germany: 1850-1957. Edited by W.J. Mommsen. 337 p.
2. Подольский В.А. Развитие социальной политики в СССР: сравнительный анализ с западными практиками // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 6. С. 102-110.
3. Heinz Lampert. The Development and the Present Situation of Social Policy in West Germany // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1982. Bd. 138. H. 3. P. 351-366.
4. Michel Vale, Siegfried Kupper. Political Relations with the FRG // International Journal of Politics. 1982. Vol.12. № 1/2. P. 261-321.
5. Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 239-241.
6. Михайлов К. Дом, который построил Хрущев: как их достроить, перестроить или... снести // Комсомольская правда, 1992. 5 сентября.
7. Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР (1950-1965) // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 11-14.
8. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах: Справочное издание. М., 2023. 930 с.

References

1. *The Emergence of the Welfare State in Britain and Germany: 1850-1957*. Edited by W.J. Mommsen. 337 p.
2. Podolsky V.A. The development of social policy in the USSR: a comparative analysis with Western practice. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2021;21(6):102–110. (In Russ.)
3. Heinz Lampert. The Development and the Present Situation of Social Policy in West Germany. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1982;138(3):351-366.
4. Michel Vale, Siegfried Kupper. Political Relations with the FRG. *International Journal of Politics*. 1982;12(1/2):261–321.
5. Grigorieva A. G. The solution of the housing problem of Soviet citizens in the years of the "thaw". *Theory and practice of social development*. 2010;(4):239–241. (In Russ.)
6. Mikhailov K. The house that Khrushchev built: how to finish them, rebuild or... Demolish. *Komsomolskaya Pravda*. 1992. September 5. (In Russ.)
7. Bromley N.Ya. The standard of living in the USSR (1950-1965). *Questions of history*. 1966;(7):11–14. (In Russ.)
8. Kalabekov I. G. *The USSR and the countries of the world in numbers: Reference edition*. Moscow; 2023. 930 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Г. Медведева – аспирант Сочинского государственного университета; ассистент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, адвокат Адвокатской палаты Краснодарского края.

Information about the author

E. G. Medvedeva – Postgraduate Student at Sochi State University; an assistant at the Department of Theory and History of State and Law at the Sochi Institute (branch) of the RUDN, a lawyer at the Krasnodar Territory Law Chamber.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 19.12.2023; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 61–68
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(1):61–68

Проблемы конституционного, административного и международного права

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-61-68>

EDN QVIPEA

Основные проблемы конституционно-правового механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ и пути их разрешения

Павел Петрович Баранов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
pravosoznanie@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается сложившейся на сегодняшний день конституционно-правовой механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ. Автор обращает внимание на две основные сферы, требующие внимательного изучения и осмысления: 1) изменение текущего законодательства и иных нормативных актов, 2) исполнение (учет) решений Конституционного Суда в правоприменительной практике. Автор указывает на серьезные недостатки конституционно-правового механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ на региональном уровне, отсутствие реальной возможности влиять на федерального законодателя и серьезные проблемы, возникающие на уровне исполнения решений Конституционного Суда РФ в правоприменительной сфере.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, законодательный орган власти, законодательный процесс, исполнение решений Конституционного Суда РФ, конституционная ответственность, конституционное судопроизводство, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, охрана Конституции РФ, судебная система

Для цитирования: Баранов П. П. Основные проблемы конституционно-правового механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ и пути их разрешения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 61–68. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-61-68>. EDN QVIPEA

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

The main problems of the constitutional and legal mechanism for the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and ways to resolve them

Pavel P. Baranov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
pravosoznanie@gmail.com

© Баранов П. П., 2024

Abstract. The article examines the current constitutional and legal mechanism for executing decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author draws attention to two main areas that require careful study and understanding: 1) changes in current legislation and other regulations, 2) execution (accounting) of decisions of the Constitutional Court in law enforcement practice. The author points out serious shortcomings of the constitutional and legal mechanism for the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation at the regional level, the lack of a real opportunity to influence the federal legislator and serious problems arising at the level of execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the law enforcement sphere.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional proceedings, constitutional responsibility, execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial system, legislative body, legislative process, protection of the Constitution of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Baranov P. P. The main problems of the constitutional and legal mechanism for the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and ways to resolve them. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):61–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-61-68>. EDN QVIPEA

1. Не вызывает сомнения, что основной конституционной обязанностью в современной России является соблюдение Конституции РФ и законов всеми субъектами права (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ). Нарушение данной обязанности представителями публичной власти несет особые риски для конституционной безопасности и конституционного строя. Стабильность конституционного строя во многом определяется деятельностью Конституционного Суда РФ, который в течение последних тридцати лет стоит на страже Конституции РФ.

Именно к полномочиям Конституционного Суда РФ относится разрешение вопроса о соответствии Конституции иных нормативных правовых актов. Осуществляя интерпретацию конституционного текста в процессе толкования Конституции, а также осуществления конституционного нормоконтроля, Конституционный Суд занимается ликвидацией пробелов в праве, устранением правовых коллизий (хоть это напрямую и не заявлено в качестве его полномочия), а также активно участвует в реализации идеи «живой» Конституции.

2. Решения Конституционного Суда РФ – это особый вид актов, которые по своему содержанию и юридической силе могут рассматриваться как аналог нормативных правовых актов. Ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» закрепляет обязанность представителей публичной власти обеспечить конституционность нормативных актов, как в случае признания их неконституционными, так и в ситуациях, предполагающих устранение пробелов и коллизий в законодательном регулировании. В этой связи обратим внимание на два важных обстоятельства.

Как мы уже сказали, ликвидация пробелов и правовых коллизий формально не относится к полномочиям Конституционного Суда РФ, однако опосредованно вытекает из текста ст. 79 и 80. Другое обстоятельство касается обязательности решений Конституционного Суда РФ для муниципальной власти. Соответствующая обязанность появляется у органов местной власти по итогам изменения федерального законодательства и законодательства субъектов. Однако напрямую из соответствующего закона данная обязанность не проистекает. Похожая ситуация складывается и вокруг других нормативных правовых актов. В соответствии со ст. 80, которая продолжает и развивает положения ст. 79, обязанность по приведению нормативных актов в соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ возлагается на органы, ответственные за их «принятие», т.е. речь идет именно об актах, которые стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, а не всех возможных актов, изменение которых потребуется по итогам принятия соответствующего решения.

При этом актуализируется вопрос о том, могут ли органы публичной власти нижестоящего уровня сразу после решения Конституционного Суда РФ заниматься нормативным правовым регулированием, основываясь на положениях Конституции РФ в обход, например, федерального закона, признанного неконституционным. Формально – это вполне возможно. Однако на практике, органы публичной власти нижестоящего уровня скорее всего предпочтут выждать и дожидаться законодательного решения данной проблемы на вышестоящем уровне и уже потом заниматься собственным нормативным правовым регулированием.

Оригинальная ситуация возникает, когда в Конституционном Суде РФ оспаривается, например, и норма федерального законодательства, и аналогичная норма законодательства субъекта Российской Федерации. Соответствующие разъяснения могут содержаться уже на уровне самой правовой позиции Конституционного Суда РФ: изменить собственное региональное законодательство по итогам изменения федерального законодательства (Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2022 № 30-П). Предполагается «идеальная» ситуация, когда федеральная власть оперативно решает проблему, а региональная власть по итогу вносит соответствующие изменения в собственные нормативные акты. Однако никаких механизмов принуждения федерального законодателя к исполнению решений Конституционного Суда РФ не существует, тогда как для органов региональной власти предусмотрена ответственность за их неисполнение. Речь идет о ст. 14 и ст. 29 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», которые предусматривают соответственно роспуск законодательного органа субъекта и отрешение главы субъекта от должности. Как быть в ситуации, когда неисполнение решения региональной властью будет следствием неторопливости федеральных властей?

В ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», регламентирующей порядок роспуска законодательного органа субъекта, в той части, где речь идет о вынесении Президентом РФ предупреждения законодательному органу субъекта, есть оговорка о том, что в решении суда могут быть оговорены особые сроки исполнения соответствующего решения, однако, как мы видели, в приведенном в качестве примера Постановлении Конституционного Суда РФ, ни о каких конкретных сроках речи не идет. Может ли формулировка, используемая в Постановлении Конституционного Суда РФ рассматриваться как основание для освобождения от соответствующей ответственности? Вопрос остается открытым.

3. Отметим еще несколько важных моментов, касающихся исполнения решений Конституционного Суда на региональном уровне. Речь идет о сроках, в течение которых уполномоченные органы должны исполнить решения Конституционного Суда РФ, и, собственно, самих обстоятельств наступления соответствующей ответственности.

Ст. 80 Федерального конституционного закона «О конституционном Суде РФ» отводит два месяца главе субъекта на исполнение решения Конституционного Суда РФ, после чего должен применяться механизм ответственности. Соответствующая ответственность регламентируется ст. 29 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», причем мы видим, как минимум, две возможные ситуации ее наступления.

В первом случае (ч. 1-2 ст. 29) речь идет о ситуации, когда Президент РФ выносит предупреждение главе субъекта. Если в течение месяца глава субъекта не предпримет необходимых действий, то Президент РФ отстраняет его от должности.

Во втором случае (ч. 4 ст. 29) Президент РФ сразу может принять решение об отстранении главы субъекта от должности. В данной ситуации присутствует прямое упоминание неисполнения решения именно Конституционного Суда РФ. Отметим, что в последнем случае (в отличие от первого) реакция Президента РФ может быть вариативна, т.к. законодатель использует формулировку «Президент РФ вправе». Если предположить, что мы правильно поняли несколько

запутанную логику законодателя, то ситуация выглядит следующим образом. Если в течение двух месяцев глава субъекта не исполнит решения Конституционного Суда РФ, то Президент РФ может или сразу отрешить его от должности или вынести ему предупреждение. В случае, если отрешение не состоялось – предупреждение обязательно, т.к. законодатель использует формулировку «Президент РФ выносит предупреждение». Если в течение месяца после этого решение Конституционного Суда РФ так и не исполнено, то Президент РФ обязан отрешить главу субъекта Российской Федерации от должности. В последнем случае используется формулировка «Президент РФ отрешает высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации от должности». Будем считать «вынесение предупреждения» наступлением ответственности. Таким образом, сроки, предложенные Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ», соблюдаются, если не учитывать оговорку законодателя, об ином сроке указанном в решении Суда.

Ст. 80 устанавливает, что законодательный орган в течение шести месяцев должен исполнить решение Конституционного Суда РФ, а глава субъекта Российской Федерации должен внести соответствующий законопроект в законодательный орган не позднее двух месяцев после опубликования решения Конституционного Суда РФ. Если по истечении шести месяцев после опубликования решения Конституционного Суда РФ законодательным органом не будут приняты необходимые меры применяется механизм ответственности. Обратим внимание на тот факт, что ответственность для главы субъекта в данном случае не предусмотрена, нет ее и в законе об организации публичной власти в субъектах.

Теперь обратимся к Федеральному закону «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в частности, ст. 14. Надо сказать, что механизм привлечения к ответственности законодательных органов субъектов за неисполнение решений Конституционного Суда РФ, в целом, аналогичен механизму привлечения к ответственности главы субъекта. Также присутствуют две вводные:

- 1) прямое прекращение полномочий законодательного органа, если он не устранил противоречия, установленные соответствующим судом в течение шести месяцев;
- 2) прекращение полномочий законодательного органа через «предупреждение», которое выносится, если необходимые меры по исполнению решения Суда не приняты в течение шести месяцев, и повторно не приняты в течение трех месяцев.

Более сложный порядок прекращения полномочий, через предупреждение, осуществляется Президентом РФ, и носит название «ропуск». Упрощенный порядок реализуется главой субъекта, и носит название «досрочное прекращение полномочий». В ситуации с «предупреждением от Президента РФ» речь идет не только о подписанных и обнародованных законах субъекта, но и не подписанных и необнародованных (ч. 6 ст. 14 отсылает нас к ч. 6 ст. 13). Имеются в виду новые полномочия Президента РФ и Конституционного Суда РФ, появившееся по итогам конституционной реформы 2020 года. Это п. «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ и п «5.2» ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». Оригинальным выглядит и тот факт, что глава субъекта может напрямую досрочно прекратить полномочия законодательного органа, который в течении шести месяцев не исправил закон, и, который глава субъекта ранее сам же и «подписал». Правда, в этом случае Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в ч. 6 ст. 13 предусмотрен механизм «отзыва подписи».

Отметим и самый важный, на наш взгляд, момент привлечения к ответственности законодательного органа власти за неисполнение решений Конституционного Суда РФ. Как мы уже отметили, на неисполнение решения Конституционного Суда РФ могут реагировать и Президент РФ, и глава субъекта. Должен ли глава субъекта дожидаться реакции Президента РФ или дожидаться отсутствия такой реакции и уже потом принять решение о прекращении полномочий органа законодательной власти? По закону Президент РФ «вправе» как вынести

предупреждение, так и распустить орган законодательной власти, т.е. может и не реагировать. В отношении же главы субъекта законодатель использует формулировку «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации принимает решение», из которой сложно понять, насколько эта функция императивна.

Теоретически можно сформулировать и ситуацию, которую тяжело представить на практике, когда Президент РФ вынес предупреждение, т.е. дал законодательному органу три месяца на исправление ситуации, но несмотря на это, глава субъекта все-же выносит решение досрочно прекратить полномочия законодательного органа. В современной России, как мы уже отметили, на практике такое вряд ли возможно, однако формально законодательством это не запрещено.

Отметим еще некоторые особенности привлечения к ответственности органов власти субъектов за неисполнение решений Конституционного Суда РФ. В механизме привлечения к ответственности главы субъекта в одном из двух случаев присутствует прямое указание на неисполнение решения Конституционного Суда РФ, там, где речь идет о прямом отрешении от должности, минуя стадию предупреждения. В механизме привлечения к ответственности законодательного органа прямого указания на решения Конституционного Суда РФ ни в одном из случаев нет. Используется формулировка «соответствующий суд». В целом механизм привлечения органов власти субъектов к ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда РФ далек от идеала.

4. Каким же образом выполняются решения Конституционного Суда РФ? В апреле 2023 г. был опубликован Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ в 2022 г., в котором содержалась информация о том, что за период с 2010 г. по состоянию на 25 апреля 2023 г. 48 решений Конституционного Суда РФ все еще подлежат исполнению. Однако основная проблема – неисполнение ранних постановлений, принятых до 2019 года. Обратим внимание на тот факт, что речь идет о неисполненных решениях, предусмотренных ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». Другими словами, речь идет об обязанности, возлагаемой на соответствующие органы внести изменения в действующие нормативные правовые акты. Оценивая ситуацию в данной сфере скорее положительно, чем отрицательно, Конституционный Суд РФ все же делает вывод о том, что реальных механизмов воздействия на законодателя в этой связи нет ни у него, ни у какого-либо другого органа власти.

Наиболее показательна в этой связи ситуация, сложившаяся по итогам принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2019 года № 39-П, в котором речь шла о возмещении вреда (возвращении жилплощади) реабилитированным жертвам репрессий. Поскольку решение Конституционного Суда РФ не исполнялось заявители даже обратились в Верховный Суд РФ с административным иском, в котором требовали принудить законодателя исполнить решение Конституционного Суда РФ. Верховный Суд РФ в своем решении отметил, что никакого специального механизма для принуждения федерального законодателя к принятию закона в этой связи не предусмотрено (Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2021 года заявителям было отказано в принятии этого коллективного административного искового заявления к рассмотрению), а Конституционный Суд РФ позднее согласился с его выводами, также отказав в принятии соответствующей жалобы (Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3280-О). Отметим, что отсутствие механизма принуждения федерального законодателя к исполнению решений Конституционного Суда РФ обсуждается в отечественной юридической литературе достаточно давно [1, с. 444–449].

5. Как показывает практика, достаточно часто неисполнение решений Конституционного Суда РФ случается на уровне деятельности правоприменительных органов. К сожалению, на практике суды общей юрисдикции не во всех случаях пересматривают вынесенные решения,

несмотря на обязывающие их это сделать решения Конституционного Суда РФ. Нередко правоприменительные органы упускают из виду, что обязаны исполнять не только постановления, но и определения Конституционного Суда РФ, обладающие позитивным содержанием, включающие выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл оспариваемой нормы, и не требующие вынесение решения по смыслу ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ».

Уже больше десяти лет существует правовая позиция Конституционного Суда РФ, касающаяся возможных механизмов проверки подлинности подписей в поддержку выдвигаемых кандидатов, в соответствии с которой документы органов внутренних дел и заключения экспертов не должны рассматриваться, как неопровержимые и окончательные доказательства (Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1629-О-О). Однако никаких серьезных изменений как в деятельности различного уровня избирательных комиссий, так и в деятельности органов судебной власти не наблюдается. Граждане продолжают обращаться в Конституционный Суд РФ с жалобами, а Конституционный Суд в своих «отказных определениях» продолжает отсылать их к своим прошлым правовым позициям (Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3259-О).

Можно привести еще один пример, когда решения Конституционного Суда РФ игнорируются судами общей юрисдикции. В своем Постановлении от 17.05.2021 № 19-П Конституционный Суд РФ безальтернативно ориентировал суды общей юрисдикции на то, что часть 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не должна подлежать применению ими в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом. Не следует признавать краткосрочные одиночные пикеты, проводимые раз в день одним человеком на протяжении недели «публичным мероприятием». В своем решении Конституционный Суд категорично обязывает пересмотреть соответствующие решения судов общей юрисдикции.

Казалось бы, ситуация не вызывает вопросов, однако далее следует решение Верховного Суда, который не только игнорирует решение Конституционного Суда РФ, но даже не указывает на него в тексте своего решения (Постановление Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 11-АД21-49-К6). В Постановлении указывается, что обстоятельств, которые в силу п. 2-4 ч. 2 ст. 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях могли бы повлечь изменение или отмену обжалуемых судебных актов, не установлено. Тем самым полностью игнорируется законодательное требование об обязательности решений Конституционного Суда РФ для правоприменительных органов.

В этой связи обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Во-первых, в России все еще отсутствует специальный процессуальный кодекс, предназначенный для регулирования судопроизводства по делам об административных правонарушениях. Положения самого Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не предусматривают каких-либо особых механизмов исполнения решений Конституционного Суда РФ. В качестве обратного положительного примера сошлемся на Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в котором, например, основанием возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств выступает соответствующее решение Конституционного Суда РФ (ч. 4 ст. 413). Здесь, правда, следует признать, что и в уголовном, и в гражданском, и в арбитражном процессуальном законодательствах, в контексте исполнения решений Конституционного Суда РФ, существует достаточно много проблем, требующих своего решения, на что справедливо обращается внимание в отечественной науке [2, с. 154–167].

В заключение отметим следующее. Конституционный Суд РФ в процессе своей деятельности старается минимизировать вносимые в законодательство изменения, обязывая соответствующие органы применять нормы закона в его интерпретации. В отдельных случаях Конституционный Суд РФ рекомендует внести изменения в действующие нормативные акты

на основе своих правовых позиций и в самых крайних случаях обязывает отменить нормативные акты, либо внести в них изменения. Таким образом, большая часть решений Конституционного Суда возлагается на правоприменительные органы, а меньшая часть на нормотворческие. Наиболее сложными выглядят ситуации, когда решение Конституционного Суда РФ об изменении нормативного акта есть, федеральный законодатель не «торопится» его исполнять, а правоприменительные органы поставлены в откровенно незавидное положение. Однако нередки случаи, когда прямое указание для правоприменительных органов есть, законодательных изменений не предусмотрено, однако правоприменители игнорируют решения Конституционного Суда РФ.

По итогам изучения института ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда РФ можно сделать следующие неутешительные выводы:

- механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ на уровне регионального нормотворчества требует серьезной и существенной доработки;
- механизм принуждения федерального законодателя к исполнению решений Конституционного Суда РФ, по сути, отсутствует, что подтверждает и сам Конституционный Суд РФ;
- решения Конституционного Суда могут игнорироваться даже Верховным Судом РФ, а никакого аналога исполнительного производства в данной связи законодательством не предусмотрено.

Основной проблемой, на наш взгляд, в этой связи выступает отсутствие единого нормативного акта, который бы закреплял все основные элементы механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ по всем возможным направлениям.

Признавая значимость и актуальность соответствующих положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», отметим, что их явно недостаточно, даже с учетом специальных положений других федеральных законов, в том числе положений Уголовного кодекса РФ, предусматривающего ответственность за «злостное» неисполнение решений суда (ст. 315). В этой связи, на наш взгляд, целесообразным было бы подготовить и принять специальный Федеральный закон «Об исполнении решений Конституционного Суда РФ», в котором были бы четко определены сроки исполнения решений Конституционного Суда РФ, распределены персональные функции органов власти и должностных лиц в этом процессе, наделен более действенными функциями Секретариат Конституционного Суда РФ, обозначены полномочия органов юстиции и прокуратуры, и, главное, конкретизирована персональная и коллективная ответственность за игнорирование соответствующих решений, в частности ответственность судей за неисполнение решений Конституционного Суда РФ. Как отмечают многие исследователи в этой связи, крайне важно урегулировать вопросы подконтрольности, координации и подчиненности всех субъектов, задействованных в механизме обеспечения реализации решений Конституционного Суда РФ [3, с. 31–33]. В данном нормативном акте также можно было бы предусмотреть и специальный механизм юридической или политической ответственности федерального законодателя за неисполнение решений Конституционного Суда РФ, хотя эта проблема, на наш взгляд, представляется наиболее сложной и требующей тщательной и детальной проработки.

Список источников

1. Гаджиев Г. А. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». М.: НОРМА, 2012. 672 с.
2. Ильин А. В. Обратная сила решений Конституционного Суда и исполненность судебных актов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 154–167.
3. Балаян Э. Ю., Сычев С. С. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 31–33.

References

1. Gadzhiev G. A. *Commentary on the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation"*. Moscow: NORM; 2012. 672 p. (In Russ.)
2. Ilyin A.V. The retroactive force of decisions of the Constitutional Court and the enforcement of judicial acts. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019;(2):154–167. (In Russ.)
3. Balayan E. Yu., Sychev S. S. Enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on complaints of violations of constitutional rights and freedoms of citizens. *The Russian justice system*. 2020;(10):31–33. (In Russ.)

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Проблемы формирования состава Конституционного Суда Российской Федерации

Леонид Владимирович Акопов¹,
Игорь Александрович Сизько²

^{1, 2}Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Леонид Владимирович Акопов, norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация. Авторами проанализированы актуальные вопросы формирования состава Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с сокращением количества судей после внесения в 2020-м году известных поправок в Конституцию Российской Федерации и соответствующих изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Рассмотрены проблемные аспекты выдвижения и назначения кандидатов на должности судей. Обоснованы предложения о снятии ограничения по возрасту для всех судей Конституционного Суда.

Ключевые слова: состав Конституционного Суда, возрастные ограничения, Глава государства, компетенции Суда, Конституционный Суд, Конституция Российской Федерации, критерии отбора судей, ответственность судей, поправки в Конституцию, постановления Суда, прерогативы Президента, процедура назначения судей, Совет Федерации, подбор судей, статус судей, судьи, ученые степени судей, федеральные юридические ведомства, юридические сообщества

Для цитирования: Акопов Л. В., Сизько И. А. Проблемы формирования состава Конституционного Суда Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 69–73. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-69-73>. EDN QLDZCU

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

Problems of formation of the composition of the Constitutional Court of the Russian Federation

Leonid V. Akopov¹,
Igor A. Sizko²

^{1, 2}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Leonid V. Akopov, norin.gospravo@yandex.ru

Abstract. The current issues of the formation of the composition of the Constitutional Court of the Russian Federation related to the reduction in the number of judges after the introduction in 2020 of the well-known amendments to the Constitution of the Russian Federation and the corresponding amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" are analyzed. The problematic aspects of the nomination and appointment of candidates for judicial positions are considered. The proposals to lift the age restriction for all judges of the Constitutional Court are substantiated.

Keywords: age restrictions, Head of State, competence of the Court, Constitutional Court, Constitution of the Russian Federation, criteria for the selection of judges, responsibility of judges, constitutional amendments, Court rulings, prerogatives of the President, procedure for appointing judges, Federation Council, composition of the Court, status of judges, judges, academic degrees of judges, federal legal departments, legal communities

For citation: Akopov L. V., Sizko I. A. Problems of formation of the composition of the Constitutional Court of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):69–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-69-73>. EDN QLDZCU

Самым первым в истории нашего государства федеральным конституционным законом, принятым после вступления в силу Конституции Российской Федерации 1993 г., явился Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», действующий и в настоящее время с учетом внесенных в него в последующий период существенных изменений и дополнений.

В соответствии с первоначальной редакцией статьи 125 Конституции России и согласно статье 4-й названного Закона Конституционный Суд Российской Федерации состоял из девятнадцати судей, назначаемых на должность Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации и был вправе осуществлять свою деятельность при наличии в его составе не менее трех четвертей от общего числа судей (то есть не менее 15 судей, – примечание наше, – Л. А., И. С.)¹. После внесения в 2020-м году поправки в часть 1 статьи 125 Конституции Российской Федерации и взаимосвязанного с нею изменения формулировки статьи 4 вышеуказанного Закона (в редакции Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 года №5-ФКЗ) было установлено, что Конституционный Суд Российской Федерации (далее- Конституционный Суд) состоит из одиннадцати судей, включая Председателя Конституционного Суда и его заместителя, а также и то, что Конституционный Суд правомочен осуществлять свою деятельность при наличии в его составе не менее восьми судей.

Обращает на себя внимание тот факт, что существенное (более, чем на 40%) сокращение общего числа судей одновременно сопровождалось определенным ростом суммы полномочий Конституционного Суда, так как в статью 125 Конституции Российской Федерации также дополнительно были включены новые пять полномочий вкуче с бланкетной нормой об осуществлении Конституционным Судом иных полномочий, установленных федеральным конституционным законом (часть 8 статьи 125), а в статье 3-й Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» таких новых полномочий вдвое больше. В этой связи потенциально возрастает нагрузка на судей.

Рассматривая статью 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», установившую требования, предъявляемые к кандидату на должность судьи Конституционного Суда, обратим внимание на содержащийся в ряду прочих обязательных требований такой критерий, как «обладать признанной высокой квалификацией в области права». В связи с этим требованием уместно, на наш взгляд, напомнить о той полемике, которая была развернута в печати в 2004 г. между бывшим заместителем Председателя Конституционного Суда Т. Г. Морщаковой (ныне судья в отставке) и самим Председателем Конституционного Суда В. Д. Зорькиным по поводу интервью Т. Г. Морщаковой «Новой газете» (в сентябре 2022 г. Басманным судом г. Москвы на основании иска Роскомнадзора у «Новой газеты» была аннулирована лицензия печатного СМИ, 15 сентября того же года Верховный Суд Российской Федерации лишил ее лицензии как электронного СМИ, примечание наше – Л. А., И. С.), в котором она ставила следующие вопросы: «Кем оцениваются ученые труды кандидатов? (речь шла о кандидатах в судьи Конституционного Суда, примечание наше, – Л. А., И. С.)... Чем именно доказывается их признанный авторитет в области права?

¹ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». М.: Юрид. лит., 1994. С. 5.

Существует ли конкурс, если кандидаты представляются Совету Федерации в единственном экземпляре?.. Что знает обо всем этом гражданское общество, да и то же самое судебское сообщество?»¹ К сожалению, четких разъяснений по этим вопросам в то время и в последующий период не было дано.

В этом контексте обратим внимание на тот вывод, к которому после сравнительного анализа количественных составов Конституционного Суда России и конституционных судов ряда европейских стран пришли В. А. Кряжков и Л. В. Лазарев, отметившие характерное стремление «к обеспечению в составе суда оптимальных пропорций между отдельными правовыми профессиями, профессорами и карьерными судьями, присутствию судей-женщин [2 с. 111–112]. По мнению Е. К. Замотаевой, «среда, из которой формируется конституционный суд, пропорции представительства между его членами неизбежно отражаются на способе деятельности, стиле судебной практики и даже авторитете данного органа»².

В этой связи привлекают к себе внимание недавние кадровые изменения в составе Конституционного Суда Российской Федерации. Так, например, если до количественного уменьшения состава судей Конституционного Суда Российской Федерации из 19 имевшихся судей 16 имели ученую степень доктора юридических наук, двое судей были кандидатами юридических наук и один судья – известный юрист без степени, то после сентября 2023 г. в составе судей Конституционного Суда осталось 7 докторов юридических наук, 2 кандидата юридических наук и 2 не имеющих ученой степени (если не говорить о магистерских степенях) профессиональных юриста.

Принимая во внимание тот факт, что в соответствии с требованием законодательства о Конституционном Суде к концу 2024 и в начале 2025 гг. в общей сложности трое судей из нынешнего состава Конституционного Суда достигнут 70-летнего возраста и будут вынуждены уйти в отставку, то возникнет ситуация, когда вдвое уменьшится число судей, имеющих весьма важный опыт конституционного судопроизводства. Исходя из сказанного, полагаем своевременным и необходимым поставить вопрос о снятии возрастного ограничения (достижения 70 лет) для всех судей Конституционного Суда, а не только для его Председателя, как это имеет место сейчас. Ведь, на самом деле, выглядит не очень справедливо, что на сегодняшний день среди 13 судей Конституционного Суда, пребывающих в отставке, немало тех, кто могли бы еще полноценно продолжать свою работу в нем, тем паче, что почти все они успешно занимаются научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в ведущих российских юридических вузах и правовых центрах. Снятие предельного возрастного ограничения для судей Конституционного Суда позволит обеспечить формально-юридическое, да и фактическое воплощение гарантии равенства прав судей (статьи 13 и 16 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Предлагая указанную меру, мы вполне учитываем и новеллу о процедуре привлечения к ответственности судей Конституционного Суда, вытекающую из поправок к Конституции, внесенных в 2020 г., а именно право Главы государства вносить в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий (пункт «е 3» статьи 83 Конституции Российской Федерации). К тому же, согласно части 3 статьи 18 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» прекращение полномочий Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда может осуществляться и самим Конституционным Судом в соответствии с процедурой, установленной действующим Регламентом Конституционного Суда.

¹ Подробнее об этом: [1, с. 200–203].

² Воспроизводится по: [3, (Состав Конституционного Суда РФ, с. 336–338), с. 337].

По нашему мнению, не лишено оснований и предложение, выдвинутое в свое время бывшим судьей Конституционного Суда (1991–2003 годы, в том числе в качестве заместителя Председателя с 1991-го по 1995 гг., и.о. Председателя в 1993–1995 гг.) известным ученым Н. В. Витруком, о необходимости сохранения преемственности состава Конституционного Суда и целесообразности корректировки существующего способа его формирования в соответствии с принципом разделения властей, как то: «При наличии вакансий в Конституционном Суде Совету Федерации представляют по одному кандидату Президент, Государственная Дума и Верховный Суд РФ...»¹.

В настоящее время все потенциальные кандидаты на должность судьи Конституционного Суда могут вноситься в Совет Федерации исключительно Президентом Российской Федерации, которому персонифицированные предложения вправе рекомендовать комитеты Совета Федерации и Государственной Думы, Верховный Суд Российской Федерации, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральные юридические ведомства, а также выборные органы судейского сообщества в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации, всероссийские юридические сообщества, юридические научные и образовательные организации (статья 9 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», часть 1 в редакции Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ).

Как видно, круг субъектов права внесения предложений Главе государства о кандидате на должность судьи Конституционного Суда довольно широк. Однако, требуется уточнение о том, какие именно субъекты относятся к федеральным юридическим ведомствам и к всероссийским юридическим сообществам *de iure*. Возможно, об этом знают в Администрации Президента Российской Федерации. Конечно, можно уверенно утверждать, что к федеральным юридическим ведомствам следует отнести Министерство юстиции Российской Федерации, а к всероссийским юридическим сообществам Ассоциацию юристов России и т.д. Вместе с этим возможно задаться и вопросом о том, относятся ли к федеральным юридическим ведомствам, например, Федеральная служба судебных приставов или же Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации? В отсутствие легального определения понятия «федеральное юридическое ведомство» однозначного ответа не отыскать. Нет полной ясности и в определении «всероссийского юридического сообщества», и можно ли к нему отнести, например, Федеральную палату адвокатов или же так называемую Ассоциацию «Некоммерческое партнерство «Объединение корпоративных юристов», действующую с 2003 года и представляющую единственную в России организацию, отстаивающую общие интересы корпоративных юристов («ОКЮР») и имеющую в своем составе так называемый «Судебный актив»?

В числе важных мер, направленных на дальнейшее совершенствование конституционного судопроизводства, Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян справедливо называют и «переход к универсальной (полной) коллегиальности, предполагающей рассмотрение и разрешение всех дел в пленарном составе (с упразднением палат)...»².

В этой связи заметим, что трудно согласиться с заключительным тезисом в новом комментарии к части 1 статьи 125 Конституции Российской Федерации, содержащемуся в Комментарии к Основному Закону, подготовленному авторами из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, а именно с таким утверждением: «Начиная с 2011 г., Конституционный Суд РФ начал рассматривать дела в едином составе, что усложняло его работу и снижало эффективность конституционного судопроизводства»³. Действительно, до 2011 г. в Конституционном Суде фигурировали две палаты, одна из которых включала в себя десять судей, а другая девять, причем персональное вхождение

¹ Воспроизводится по: [4, с. 179].

² Воспроизводится по: [5, с. 146].

³ Воспроизводится по: [6, с. 325].

судей в ту или другую палату происходило посредством жеребьевки. Одним из авторов настоящей статьи еще в 2006 г. был поднят вопрос о несоответствии букве Конституции Российской Федерации (ее частям 2-7 статьи 125) нормы бывшей статьи 22 прежней редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», позволявшей обнародовать итоговое решение одной палаты от имени всего Конституционного Суда *de iure*¹. Напомним здесь известный принцип юриспруденции – «*Forma legalis forma essentialis*».

Список источников

1. Акопов Л. В. Федеральная государственная власть в России XXI века: Монография. Ростов-Дону, ООО «Ростиздат», 2006. 256 с.
2. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М.: БЕК, 1998. 462 с.
3. Институты конституционного права / отв. ред. д.ю.н., проф. Л. В. Андриченко, д.ю.н., проф. А. Е. Постников. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. 496 с.
4. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: Судебно-конституционное право и процесс: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 527 с.
5. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография / М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 224 с.
6. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. М.: Институт закон-ва и сравн. правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М, 2021. 28 с.

References

1. Akopov L. V. *Federal state power in Russia of the XXI century*: Monograph. Rostov-on-Don: LLC "Rostizdat"; 2006. 256 p. (In Russ.)
2. Kryazhkov V. A., Lazarev L. V. *Constitutional justice in the Russian Federation*. Moscow: BEK; 1998. 462 p. (In Russ.)
3. *Institutes of Constitutional law*. L. V. Andrichenko, A. E. Postnikov (eds.). Moscow: Publishing house "Jurisprudence"; 2011. 496 p. (In Russ.)
4. Vitruk N. V. *Constitutional justice: Judicial and constitutional law and process*: 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Jurist; 2005. (In Russ.)
5. Bondar N. S., Dzhagaryan A. A. *Justice: orientation to the Constitution*: monograph. Moscow: Norm: INFRA-M; 2018. 224 p. (In Russ.)
6. Khabrieva T. Ya., Andrichenko L. V. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article by article), taking into account the changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020*. Moscow: Institute of Law and Comparative Law. Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, INFRA-M; 2021. 28 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. В. Акопов – доктор юридических наук, профессор, факультет "Юридический" ДГТУ.
И. А. Сизько – кандидат юридических наук, доцент, факультет "Юридический" ДГТУ.

Information about the authors

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor, Faculty of Law, Don State Technical University.
I. A. Sizko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

¹ Подробнее: [1, с. 197–198].

Формирование норм административного законодательства, регламентирующего информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

Мария Валерьевна Богачева

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия,

bogacheva.marya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4647-1786>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы осуществления информационного обеспечения органов внутренних дел в СССР и в России до 2010 г. Анализируется системная работа по информатизации милиции, проведенная в СССР в период с 1960-х гг. и до 1991 г. Также осуществляется анализ основных концептуальных документов, которые стали основой развития информационного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации с 1992 по 2010 гг. Рассматриваются задачи, которые были поставлены в Концепции информационного обеспечения органов внутренних дел от 1993 г., и акцентируется внимание на создании интегрированных баз и банков данных органов внутренних дел. Также анализируется развитие информационного обеспечения МВД России, которое осуществлялось в рамках Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 гг. и Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)». Рассматриваются задачи, поставленные Концепцией развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 гг. и направленные на создание компьютерной сети министерства. Также рассматривается принятие Концепции информатизации органов внутренних дел до 2012 г. Делается вывод, что в рассматриваемый период была создана техническая и организационная основа для дальнейшего совершенствования информационного обеспечения МВД России.

Ключевые слова: информатизация, информационная деятельность, органы внутренних дел, банк данных, информационное обеспечение органов внутренних дел

Для цитирования: Богачева М. В. Формирование норм административного законодательства, регламентирующего информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 74–81. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-74-81>. EDN PZDRTV

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

Formation of norms of administrative legislation regulating information support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation

Maria V. Bogacheva

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia,

bogacheva.marya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4647-1786>

Abstract. The article discusses the issues of information support for internal affairs bodies in the USSR and in Russia until 2010. The article analyzes the systematic work on police informatization carried out in the USSR in the period from the 1960s to 1991. The analysis of the main conceptual documents that became the basis for the development of information support for the internal affairs bodies of the Russian Federation from 1992 to 2010 is also carried out. The tasks that were set in the Concept of information support for Internal Affairs bodies from 1993 are considered, and attention is focused on the creation of integrated databases and databases of internal affairs bodies. The article also analyzes the development of information support for the Ministry of Internal Affairs of Russia, which was carried out within the framework of the Federal Program of the Russian Federation to strengthen the fight against crime for 1994 – 1995 and the Federal Target Program "Electronic Russia (2002 – 2010)". The tasks set by the Concept of development of the information and computing system of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2002-2006 and aimed at creating a computer network of the Ministry are considered. The adoption of the Concept of Informatization of internal Affairs bodies until 2012 is also being considered. It is concluded that during the period under review, a technical and organizational basis was created for further improvement of the information support of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: informatization, information activities, internal affairs bodies, data bank, information support of the internal affairs bodies

For citation: Bogacheva M. V. Formation of norms of administrative legislation regulating information support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):74–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-74-81>. EDN PZDRTV

Информационное обеспечение деятельности органов правопорядка всегда являлось одним из основных направлений их профессиональной деятельности. Без сведений о людях, предметах совершения преступления, транспорте, оружии и других объектах учета эффективная деятельность правоохранителей невозможна. В XIX и XX веках в царской полиции и советской милиции для этих целей создавались картотеки и справочники. Однако еще в 1950-х гг. стало понятно, что существует настоятельная необходимость создания информационных систем и автоматизированных банков данных, в которых будет накапливаться необходимая информация.

Системная работа по информатизации органов внутренних дел привела в 1968 г. к началу оцифровки баз и банков данных, накопленных советской милицией. Так, 29 марта 1968 г. был создан Информационно-вычислительный центр, а 9 ноября 1970 г. – Главный информационный центр при МВД СССР. В ноябре 1971 г. Главный информационный центр преобразовывается в Главный научно-исследовательский центр управления и информации, а в МВД, ГУВД, УВД были организованы информационные центры. На созданные информационные центры были возложены задачи по организации и ведению информационной деятельности, начинается информатизация милиции. Информационные центры в регионах и республиках становятся источниками справочной и статистической информации не только для органов внутренних дел, но и для других правоохранительных и государственных органов. Они осуществляли учет и регистрацию сведений о более чем ста видах объектов учета и сформировали информационные ресурсы, содержащие миллиарды записей. Также информационные центры организовывали научное сопровождение и поддержку оперативно-розыскной деятельности милиции. Скорость обработки запросов, в том числе с получением информации с территории всего СССР, снижается с недель до нескольких дней.

Следующим шагом на пути развития информационного обеспечения органов внутренних дел стало обеспечение территориальных органов милиции персональными электронно-вычислительными машинами. Это позволяет в 1980-х гг. отделам милиции напрямую связываться с информационными центрами в электронном виде.

Следующим этапом стало переименование 4 ноября 1985 г. Главного научно-исследовательского центра управления и информации МВД СССР в Главный информационный центр МВД СССР. Обработка запросов ускоряется с нескольких дней до одного дня или нескольких часов. Появляются такие новые направления использования информационных технологий в органах внутренних дел, как прием экзаменов в ГАИ, оснащение дежурных частей специализированными пультами, внедрение систем связи и др. Создаются алгоритмы расследования отдельных видов преступлений с использованием информации из баз и банков данных, механизмы информационного взаимодействия и обмена сведениями не только между республиками СССР, но и с социалистическими странами, осуществляется активная автоматизация экспертной деятельности. Однако развал советского союза и экономическая разруха 1990-х гг. привели к тому, что большая часть научных разработок и прорывов, сделанных МВД СССР в сфере информационного обеспечения, не получила массового распространения.

В 1992 г. МВД СССР упраздняется, а ГИЦ МВД СССР преобразуется в ГИЦ МВД России. Но общее информационное обеспечение органов внутренних дел, существовавшее в СССР, не было утеряно, для чего в 1992 г. заключается Соглашение МВД государств – участников СНГ¹, в рамках которого ГИЦ МВД России было поручено преобразовать информационный банк данных МВД СССР в Межгосударственный информационный банк, также продолжается получение информации от МВД стран СНГ и снабжение их необходимыми сведениями [1, 2].

В 1993 г. принимается первый нормативный правовой акт МВД России об информационном обеспечении органов внутренних дел – Концепция развития системы информационного обеспечения органов внутренних дел². Данная концепция указывает, что основной проблемой МВД России в информационной сфере является недостаточный уровень компьютеризации территориальных органов и создание единых методологий информационного обеспечения. Ставится задача объединения и унификации информационных ресурсов, которая полностью не решена и по настоящее время.

Принятие Концепции 1993 г. стало первым шагом по созданию правовой политики МВД России в области информатизации, информационного обеспечения и информационных ресурсов. Концепция определила основные направления развития системы информационного обеспечения ОВД, основным из которых являлось создание интегрированной системы баз и банков данных, накопленных в МВД СССР, в том числе оперативно-розыскного и справочного назначения, а также формирование новых специализированных территориально-распределенных автоматизированных систем.

Концепция отмечала, что создание интегрированных банков данных является для ОВД объективной потребностью и обусловлено необходимостью комплексного решения проблемы совершенствования информационного обеспечения деятельности ОВД. В результате предполагалось создание интегрированного банка данных, который включал в себя федеральный ИБД, региональные ИБД, банки данных территориальных органов и многоуровневые ведомственные банки данных.

Принятая Концепцией структура информационного обеспечения ОВД и информационных ресурсов с некоторыми изменениями и усовершенствованиями сохранилась по настоящее время [3]. Концепция позволила унифицировать подходы к созданию компьютерных сетей в территориальных органах МВД России, создать единые подходы к использованию

---

¹ Соглашение о взаимоотношениях министерств внутренних дел в сфере обмена информацией (Вместе с «Перечнем информации, предоставляемой в межгосударственный информационный банк»): заключено в г. Чолпон-Ате 03.08.1992 // «Правовые основы деятельности системы МВД России». М.: Инфра-М, 1996.

² Приказ МВД России от 12.05.1993 № 229 «О мерах по реализации Концепции развития системы информационного обеспечения органов внутренних дел». Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

сетевого программного обеспечения. В результате была создана возможность объединения локальных компьютерных сетей органов внутренних дел в единую компьютерную сеть министерства [4].

В 1994 г. была принята Федеральная программа Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994 – 1995 годы¹, которая определяла, что МВД России необходимо провести модернизацию статистических и оперативно-розыскных баз и банков данных для их использования всеми правоохранительными и государственными органами России. Необходимо отметить, что основная задача была решена в кратчайшие сроки. Что касается перспективных задач, то они активно решались в дальнейшем в 2000-е гг., однако, например, задача создания государственного регистра населения, поставленная в Федеральной программе, была решена только в 2020 г., и не на базе МВД России, а на базе Федеральной налоговой службы России².

Таким образом, можно констатировать, что в период с 1992 по 1995 гг. руководство МВД России значительное внимание уделяло вопросам информатизации, создания информационных ресурсов, перевода существующих баз данных в электронный вид. Данная работа требовала миллионов человеко-часов и была очень сложна с точки зрения трудозатрат. Одновременно выполнялась указанная работа в условиях недостаточного финансирования. Это привело к тому, что техническая и программная база информационных ресурсов в разных регионах страны значительно отличалась.

Внедрение информационных технологий значительно снизило сроки прохождения запросов на поиск информации, в разы увеличило количество собираемой информации. Однако созданные информационные ресурсы были распределенными. Они формировались отдельно в территориальных информационных центрах, отдельно в Главном информационном центре МВД России и отдельно в подразделениях министерства. Взаимодействие между информационными ресурсами осуществлялось посредством пересылки информации. Единых баз данных создано не было и это являлось основной проблемой. Кроме того, созданные информационные ресурсы дублировали друг друга. Общее количество баз данных не способствовало качественному поиску, поскольку поиск осуществлялся по каждой базе данных отдельно.

Во второй половине 1990-х гг. в Министерстве проводится объединение баз и банков данных, накопленных в субъектах Российской Федерации по их видам. В частности, группируются розыскные информационные ресурсы, цифровизируются статистические сведения, создаются на региональном уровне базы административных правонарушений. Часть информации объединяется на федеральном уровне и станет в дальнейшем основой для создания Всероссийского интегрированного банка данных.

В 1997 г. вводится в эксплуатацию первая очередь ведомственной магистральной сети передачи данных³, посредством которой становится возможной передача несекретной информации. Передача информации осуществляется через систему «ДИОНИС» по арендованным каналам связи. Создается первый вариант компьютерной сети МВД России. Таким образом, передача информации между информационными центрами и территориальными органами начинает осуществляться в электронном виде, преимущественно по электронной почте.

¹ Указ Президента РФ от 24.05.1994 № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы РФ по усилению борьбы с преступностью на 1994 - 1995 годы» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 5. Ст. 403.

² Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 126.

³ Приказ МВД РФ от 26.05.1997 № 311 «О вводе в эксплуатацию первой очереди и дальнейшем развитии ведомственной магистральной сети передачи данных МВД России». Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

В результате обмен информацией осуществляется в течении суток, а в отдельных случаях фактически в масштабе реального времени.

Дальнейшее развитие информационное обеспечение деятельности МВД России получило в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 г. № 65¹. Указанная Федеральная целевая программа была призвана скоординировать всю деятельность государства в информационной сфере и направлена на более эффективное использование бюджетных средств. С другой стороны, данная Федеральная целевая программа стала фактически первым концептуальным документом Российской Федерации, направленным на развитие IT-сферы, создание информационного общества, что на современном этапе получило название цифровизации.

МВД России в ФЦП «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» было определено объединить существующие банки и базы данных для их дальнейшего совместного использования. Для этого требовалось создать единое информационное пространство органов внутренних дел. Во исполнение задач, поставленных Федеральной целевой программой, была принята «Концепция развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002 – 2006 годы», утвержденная Приказом МВД России от 13 июня 2002 г. № 562². Концепцией была поставлена задача создать такую систему доступа к информационным ресурсам МВД России, которая позволяла бы быстро и безошибочно выбрать из большого массива данных достоверную и полную, но не избыточную информацию об интересующем объекте. При этом создаваемая система должна была позволять осуществлять анализ больших объемов разнородной информации с целью установления скрытых связей между различными событиями и объектами учета (при выявлении и раскрытии, например, серийных, межрегиональных, групповых преступлений) [5].

На основании Концепции с 2004 г. в Министерстве создается единая информационно-телекоммуникационная система органов внутренних дел (далее ЕИТКС) на основании Приказа МВД России от 06.12.2004 № 813 «О мерах по созданию единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел»³. Основной задачей в данный период времени стало объединение информационных ресурсов разных видов, обеспечения доступа к ним в реальном масштабе времени, информационного обмена. Эти вопросы поднимались еще в Концепции 1993 г., однако их практическое решение началось только в 2005 г., с началом создания ЕИТКС, что в результате привело к формированию единого информационного пространства МВД России.

На завершающем этапе выполнения ФЦП осуществлялась организация взаимодействия созданных информационных систем органов государственной власти между собой и создание опытного варианта электронного правительства и межведомственного электронного документооборота. Интеграция осуществлялась на основании разработанных типовых решений и затронула все участвующие ведомства. В результате в МВД России была создана инфраструктура, которая в дальнейшем позволила министерству оказывать государственные услуги населению в количестве большем, чем любое другое министерство или ведомство.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

² Приказ МВД РФ от 13.06.2002 № 562 «Об утверждении концепции развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002-2006 годы». Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

³ Приказ МВД РФ от 06.12.2004 № 813 «О мерах по созданию единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел». Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

Можно констатировать, что самостоятельные попытки информатизации, осуществляемые в МВД России в 1990-е гг., в 2002 г. получили комплексную поддержку на федеральном уровне. Начатая деятельность была продолжена, произошло объединение и унификация баз и банков данных органов внутренних дел в рамках интегрированного банка данных. Были также созданы новые виды информационных ресурсов по направлениям деятельности подразделений министерства. Но проведенная работа обладала рядом недостатков, к которым можно отнести незаконченную интеграцию, отсутствие удобного для непрофессионального пользователя программного интерфейса. Также не была запущена общеминистерская система электронного документооборота.

Измененные цели и задачи государственной политики в информационной сфере и в области информационных ресурсов были отражены в Концепции информатизации органов внутренних дел и внутренних войск МВД России до 2012 г., утвержденной Приказом МВД России от 04.04.2009 № 280¹. Концепция была принята в рамках подготавливаемых изменений Федеральной целевой программы «Электронная Россия»², новой редакции программы «Создание ЕИТКС»³ и стала основой для разработки ИСОД МВД России в дальнейшие годы.

Подводя итог рассмотрению информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в период с 1992 до 2010 г., можно сделать следующие выводы.

1. Информационное обеспечение деятельности МВД России основано на многолетней продуктивной работе МВД СССР, которая привела к созданию Межгосударственного информационного банка стран СНГ и созданию обширных информационных ресурсов органов внутренних дел.

2. С 1992 по 1995 гг. основное внимание МВД России уделяло решению двух глобальных задач. Одной из них было оснащение органов внутренних дел компьютерной техникой, разработка общих основ политики МВД России в информационной сфере, принятие основных концептуальных документов. Второй задачей был перевод баз и банков данных МВД России из «бумажного» в электронный вид. Окончательно данная задача не была решена, однако большая часть информационных ресурсов была компьютеризирована.

3. С 1997 по 2001 гг. создавались новые виды информационных ресурсов, переводились из «бумажного» в электронный вид, началось создание компьютерной сети МВД России – «ДИОНИС». Также можно отметить начало процесса унификации программного обеспечения и создания комплексных информационных ресурсов оперативно-справочного и розыскного характера.

4. С 2002 по 2008 гг. осуществлялось выполнение федеральной целевой программы «Электронная Россия». На этом этапе основной задачей, которую решало МВД России, являлось создание единого информационного пространства министерства и объединение информационных ресурсов разных видов в одно целое. В рамках этой задачи в Министерстве была создана единая информационно-телекоммуникационная система, которая позволила осуществить унификацию и объединение значительного количества информационных ресурсов,

---

¹ Приказ МВД России от 04.04.2009 № 280 Об утверждении Концепции информатизации органов внутренних дел РФ и внутренних войск МВД России до 2012 года. Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

² Постановление Правительства РФ от 10.09.2009 № 721 О внесении изменений в федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 38. Ст. 4476.

³ Приказ МВД России от 20.05.2008 № 43506 утверждения новой редакции программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел». Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

в основном оперативно-справочного и розыскного характера. При этом интеграция не была завершена, информационный обмен между различными видами информационных систем не был налажен, что в итоге приводило к дублированию и понижению эффективности работы. Также не были созданы удобные для сотрудников системы поиска в компьютерной сети МВД России и получения информации из других регионов.

5. В 2009 и 2010 гг. выполнение программ в области информационных ресурсов значительно ускоряется, что соответствует общей линии на инновации и модернизацию в государстве. Задачи и цели МВД России в информационной сфере были определены Концепцией информатизации органов внутренних дел и внутренних войск МВД России до 2012 года¹ и новой редакцией Программы создания ЕИТКС².

Таким образом, в рассматриваемый период была создана техническая и организационная основа для дальнейшего совершенствования информационного обеспечения МВД России, более широкого использования информационных технологий в деятельности ОВД и комплексной цифровизации работы полиции на современном этапе.

Список источников

1. Свирина М. В. Управление информационно-аналитическим обеспечением органов внутренних дел в сфере борьбы с экономическими преступлениями: дисс. канд. эконом. наук: 08.00.05 / Марина Владимировна Свирин; Акад. экон. безопасности МВД России. М., 2007. 152 с.

2. Николаев О. Э. Правовое регулирование информационного обмена в органах внутренних дел уровня субъекта Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.14 / Николаев Олег Эдуардович; Моск. ун-т МВД РФ. М., 2007. 175 с.

3. Прокопенко А. Н. Правовое регулирование информационных ресурсов МВД России: монография. Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2010. 160 с.

4. Гайдамакин А. А., Косоротов А. П., Чуянов А. Г. и др. Информационная безопасность в органах внутренних дел и применение информационных технологий в борьбе с преступностью. Омск: Омская академия МВД России. 2010. С. 4–8.

5. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дисс. доктора юрид. наук: 12.00.09 / Вехов Виталий Борисович; Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2008. 561 с.

References

1. Svirina M. V. *Management of information and analytical support of internal affairs bodies in the field of combating economic crimes*: dissertation of the Candidate of Economics. Sciences: 08.00.05 / Marina Vladimirovna Svirina; Akad. ekon. security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow; 2007. 152 p. (In Russ.)

2. Nikolaev O. E. *Legal regulation of information exchange in the internal affairs bodies of the level of the subject of the Russian Federation*: dissertation of the candidate. Jurid. sciences': 12.00.14 / Nikolaev Oleg Eduardovich; Moscow. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow; 2007. 175 p. (In Russ.)

---

¹ Приказ МВД России от 04.04.2009 № 280 Об утверждении Концепции информатизации органов внутренних дел РФ и внутренних войск МВД России до 2012 года. Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

² Приказ МВД РФ от 20.05.2008 № 435 Об утверждении новой редакции программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел». Документ опубликован не был. Доступ из СТРАС «Юрист».

3. Prokopenko A. N. *Legal regulation of information resources of the Ministry of Internal Affairs of Russia*: monograph. Belgorod: Bel YUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2010. 160 p. (In Russ.)

4. Gaidamakin A. A., Kosorotov A. P., Chuyanov A. G. and others. *Information security in the internal affairs bodies and the use of information technology in the fight against crime*. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2010:4–8. (In Russ.)

5. Vekhov V. B. *Criminalistic doctrine of computer information and means of its processing*: diss. doctors of law. sciences': 12.00.09 / Vekhov Vitaly Borisovich; Volgogr. akad. The Ministry of Internal Affairs of Russia. Volgograd; 2008. 561 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Богачева – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Information about the author

M. V. Bogacheva – Senior lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Предвыборная агитация в Telegram-каналах: проблемы правового регулирования

Павел Максимович Мирошкин

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орёл, Россия,
miroshkinpm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-9618-3607>

Аннотация. Правовое регулирование проведения предвыборной агитации является давней темой исследования как теоретиков, так и практиков избирательного права. Особенно актуальной данная тема становится в предвыборный период. Активный рост информационных технологий и значительные пробелы в отечественном законодательстве зачастую становятся причиной нарушения действующих норм права в силу невозможности их фактического исполнения. Стремительное развитие мессенджеров, как средств для общения и расширение их функциональных возможностей существенным образом расширяют доступ пользователей к получению информации. В статье анализируется правовое положение Telegram-каналов, как сервисов для распространения информации в сети Интернет, используемых, в том числе, для проведения предвыборной агитации и проблемы их правового статуса в предвыборный период. Проводится сравнительный анализ функциональных возможностей Telegram-каналов и обзор правоприменительной практики. Выработаны и сформулированы предложения по совершенствованию действующего избирательного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: предвыборная агитация, агитация в Интернете, Telegram-канал, выборы, предвыборный период, сетевое издание

Для цитирования: Мирошкин П. М. Предвыборная агитация в Telegram-каналах: проблемы правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 82–91. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-82-91>. EDN PXJUNH

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

Election campaigning in Telegram channels: problems of legal regulation

Pavel M. Miroshkin

Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia,
miroshkinpm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-9618-3607>

Abstract. The legal regulation of election campaigning has been a long-standing research topic for both theorists and practitioners of electoral law. This topic becomes especially relevant during the pre-election period. The active growth of information technologies and significant gaps in domestic legislation often cause violations of existing legal norms due to the impossibility of their actual implementation. The rapid development of messengers as a means of communication and the expansion

of their functionality significantly expand users' access to information. The article analyzes the legal status of Telegram channels as services for the dissemination of information on the Internet, used, among other things, for conducting election campaigning and the problems of their legal status during the pre-election period. A comparative analysis of the functionality of Telegram channels and a review of law enforcement practice is carried out. Proposals have been developed and formulated to improve the current electoral legislation of the Russian Federation.

Keywords: pre-election campaign, Internet campaigning, Telegram channel, elections, pre-election period, online edition

For citation: Miroshkin P. M. Election campaigning in Telegram channels: problems of legal regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):82–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-82-91>. EDN PXJUNH

Вопросы улучшения законодательного регулирования проведения предвыборной агитации из года в год не теряют своей актуальности. Активное развитие возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – Интернет), рост числа пользователей социальных сетей и возможность использования открытых данных о потенциальных избирателях во время предвыборной кампании требуют своевременного ответа законодателя в части должного правового регулирования этой сферы. Традиционные способы проведения агитации (теле и радио реклама, газеты с лозунгами, дебаты, агитационные листовки и т.д.) по-прежнему активно используются кандидатами, политическими партиями и политтехнологами, работающими на выборах самого различного уровня, однако все чаще эффективным способом привлечения внимания потенциального избирателя и, как следствие, получение голоса на выборах является активная агитационная работа в Интернете. Авторы отмечают, что информационно-телекоммуникационная сеть Интернет активно внедряется в предвыборные кампании, влияя на формирование общественного мнения, политических представлений и предпочтений граждан [1, с. 533].

Агитация, проводимая «традиционными» способами, имеет сравнительно формализованную регламентацию в действующем законодательстве Российской Федерации. В то же время, развитие Интернета, расширение числа пользователей сети позволяет повысить качество размещаемой предвыборной агитации, равно как снизить расходы на ее производство. Авторы отмечают, что следует различать общую агитацию в Интернете, затрагивающую новостные агрегаторы, сетевые издания и агитацию в социальных сетях, которая обладает особой спецификой [2, с. 62].

В марте 2023 года мессенджер Telegram вышел на 5 место среди российских интернет-ресурсов по объему дневной аудитории. Более 40% населения пользуются им ежедневно, более 60% — хотя бы раз в месяц¹. Активный рост числа аудитории мессенджера в России связан с пандемией COVID-19 в 2020-2021 гг.², а также событиями февраля 2022 г., ставшими причиной ограничения и фактического прекращения работы на территории Российской Федерации ряда популярных социальных сетей и мессенджеров³.

¹ Аудитория Telegram: исследование Mediascope Апрель 2023 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/9fb/3nfdyfloew36u7oqs3fip8loz14yad4g/Telegram_Otchet_Mediascope.pdf (Дата обращения: 20.09.2023).

² Аналитики зафиксировали рост популярности Telegram на фоне коронавируса // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/397933-analitiki-zafiksirovali-rost-populyarnosti-telegram-na-fone-koronavirusa> (Дата обращения: 17.09.2023).

³ Аналитики оценили рост охвата Telegram на фоне блокировки запрещенных соцсетей // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/468653-analitiki-ocenili-rost-ohvata-telegram-na-fone-blokirovki-zapresennyh-socsetej> (Дата обращения: 17.09.2023).

Интерес использования площадки Telegram в политических целях является предметом исследования не только российских, но и зарубежных ученых. Например, важным политическим событием в Испании стали выборы в Парламент Каталонии 14 февраля 2021 г. Авторы исследования «Telegram in campaign: the use of mobile instant messaging services in electoral political communication» анализируют опыт использования Telegram политическими партиями в предвыборный период в условиях пандемии COVID-19 на этих выборах. Весьма интересной представляется позиция авторов исследования, согласно которой сценарий, который затруднил физический контакт с избирателями (пандемия COVID-19 и вводимые, в связи с этим, ограничения – прим. автора) вынудил партии отдать приоритет цифровым каналам связи, таким как Telegram. Кроме того, отмечают авторы, исследование «каталонского случая» вызывает интерес к кризису, вызванному избранием в парламент крайне правой партии Vox, которая использовала наиболее «агрессивную» и «вирусную» передачу своих сообщений в Telegram [3, p. 71]. Авторы исследования, подводя итог изучения публикуемых электронных сообщений в Telegram-каналах политических партий Каталонии приходят к интересному выводу, называя его «эффектом «more is more» (больше значит больше) – чем больше сообщений в канале публикует партия, тем больше просмотров они получают. Это, отмечают авторы, показывает высокую корреляцию между количеством опубликованных сообщений и качеством полученных просмотров [3, p. 83–84].

Важно учитывать, что на сегодняшний день деятельность так называемых Telegram-каналов находится в «серой зоне» действующего законодательства Российской Федерации. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – ФЗ № 149) не содержит легального закрепления понятия «мессенджер». Эксперты в области информационных технологий отмечают, что Telegram на сегодняшний день совмещает в себе функции мессенджера и социальной сети². Обращаем внимание, что в действующем законодательстве под формулировкой «сервис обмена мгновенными сообщениями» понимается термин «мессенджер». Согласно п. 4.2 ст. 10.1 ФЗ № 149-ФЗ, информационная система и (или) программа для ЭВМ должны быть предназначены для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационных систем и (или) программ для ЭВМ, при котором отправитель электронного сообщения определяет получателя или получателей электронного сообщения, не предусматриваются размещение пользователями сети «Интернет» общедоступной информации в сети «Интернет» и передача электронных сообщений неопределенному кругу лиц. Под этой формулировкой можно понимать личную переписку между пользователями мессенджера, однако функционал Telegram-канала подразумевает, что отправитель электронного сообщения (администратор, владелец канала) не определяет конкретного получателя (-ей) электронного сообщения (далее - поста). Кроме того, условие, на которое крайне важно обратить внимание – законом «не предусматривается размещение пользователями сети «Интернет» общедоступной информации в сети «Интернет» и передача электронных сообщений неограниченному кругу лиц». Соответственно, функциональные особенности создания и правового статуса Telegram-каналов выходят за рамки понятия «сервис обмена мгновенными сообщениями».

Канал в Telegram – это инструмент для трансляции публичных сообщений большой аудитории. Фактически у канала может быть неограниченное количество подписчиков³.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Российская газета». №165. 29.07.2006.

² Аудитория Telegram: исследование Mediascope Апрель 2023 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/9fb/3nfdyfloew36u7oqs3fip8loz14yad4g/Telegram_Otchet_Mediascope.pdf (Дата обращения: 20.09.2023).

³ Часто задаваемые вопросы о каналах // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://telegram.org/faq_channels (Дата обращения: 28.09.2023).

На сегодняшний день Telegram позволяет создавать пользователям два вида Telegram-каналов, основное отличие которых заключается в активной ссылке и режиме доступа к публикуемой информации:

1) «Публичные». Такие каналы имеют постоянную публичную ссылку, позволяющую другим пользователям Telegram найти канал в поиске и, при желании, подписаться на него без предварительного одобрения получения доступа к публикуемым в канале постам со стороны создателя (администратора) канала. Важно учитывать, что получить доступ к публикуемой информации могут любые пользователи сети «Интернет» вне зависимости от того, являются ли они пользователями Telegram или нет, открыв страницу публичного канала в поисковой системе.

2) «Частные». На такие каналы можно подписаться только по уникальной «ссылке-приглашению». При этом важно учитывать, что пользователь, желающий подписаться на такой канал, предварительно проходит процедуру «модерации» (одобрения доступа) со стороны владельца (администратора) Telegram-канала. В этом случае получить доступ к размещаемой в канале информации в случае одобрения модератора (администратора) могут только пользователи Telegram (пользователи, прошедшие идентификацию путём определения абонентского номера пользователя). Как правило, такие каналы являются немногочисленными и не используются для размещения предвыборной агитации. Обращаем внимание, что в случае спора о контенте, частные каналы с общедоступными ссылками на приглашения рассматриваться как общедоступные¹.

Ключевой особенностью в части информационного обеспечения избирательного процесса в Telegram является отсутствие должного регулирования правового статуса Telegram-каналов («анонимных» в особенности), несовершенства законодательства в части закрепления форм, методов и правил проведения предвыборной агитации, фактической невозможности исполнения требований действующего законодательства в виду различных подходов к толкованию норм правоприменителями, растущего влияния публикуемых в Telegram-каналах постов на общественное мнение, отсутствие возможности оперативного реагирования со стороны органов власти в части ограничения доступа к публикуемой информации в случае установления нарушения законодательства.

Законодательство Российской Федерации на сегодняшний день не содержит легального определения понятия «неограниченный (неопределенный) круг лиц», что приводит к различным толкованиям данного понятия в судебной и правоприменительной практике. Так, в соответствии с Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.02.2018 № 41-ГК17-38) под неопределенным кругом лиц следует понимать такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела². Также, согласно Постановлению Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2020 №Ф09-1053/20 по делу №А47-14439/2018, понятие «неопределенный круг лиц» подразумевает под собой круг лиц, которых невозможно индивидуализировать (определить) заранее³. Важно отметить, что данные определения являются правовой позицией судов в гражданско-процессуальных отношениях, однако считаем,

---

¹ Часто задаваемые вопросы о каналах // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://telegram.org/faq_channels (Дата обращения: 28.09.2023).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.02.2018 № 41-КГ17-38 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1624902 (Дата обращения 10.02.2023).

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 марта 2020 г. № Ф09-1053/20 по делу № А47-14439/2018 // Сайт справочно-правовой системы «Гарант» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38724690/> (Дата обращения 11.02.2023).

что схожее толкование неограниченного круга лиц можно применить и к избирательным правоотношениям. При этом понимание «неопределенного круга лиц» только с позиции количественного определения состава является недостаточным. Е. В. Яковенко отмечает, что наиболее обоснованной видится позиция, согласно которой толкование данной категории необходимо прежде всего исходя из неизвестности состава лиц, чьи интересы защищаются в суде либо их изменчивости [4, с. 261].

Отметим, что проведение предвыборной агитации также нельзя коррелировать только с количественным критерием привлечения потенциальных избирателей. Важно учитывать фактор неизвестности для кандидата, изменчивости качественного и количественного состава и т.д. Кандидаты, проводя предвыборную агитацию имеют целью привлечение к голосованию не конкретно-определенное физическое лицо, обладающее активным избирательным правом, а побуждение избирателей (точно не определяемое, максимально возможное количество) голосовать за определенного кандидата (-ов) или против него (них).

Важно выделить ряд квалифицирующих признаков предвыборной агитации: является деятельностью; имеет специфические цели; осуществляется в рамках избирательных отношений в связи с избранием государственных органов, органов местного самоуправления и выборных должностных лиц; является элементом правового статуса кандидатов и избирателей; осуществляется в ограниченный период времени [5, с. 210]. Э. Е. Забила отмечает: «Этимология слова «агитация» (от латинского *incitere* – возбуждать что-либо, провоцировать) приводит нас к пониманию информирования избирателей как общественной деятельности, направленной на мотивацию людей к совершению определенных избирательных действий в период выборов, специфического процесса воздействия на сознание и настроение людей посредством распространения различных действий» [6, с. 1233]. Согласно положениям п. 1 и 3 ст. 48 Федерального закона № 67, граждане Российской Федерации в период избирательной кампании, вправе проводить предвыборную агитацию, в том числе посредством изготовления и распространения печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов, в допускаемых действующим законодательством Российской Федерации формах и законными методами.

О. О. Попова отмечает, что в случаях обнаружения незаконной предвыборной агитации в сети Интернет, объективно затруднено принятие каких-либо действенных мер для пресечения противоправного поведения, привлечения виновных лиц к ответственности, так как зачастую, далеко не все интернет-ресурсы зарегистрированы в качестве СМИ [7, с. 12]. Действующее законодательство не выделяет агитацию в сети Интернет особым образом, из чего следует, что на нее распространяются общие правила предвыборной агитации. Это подтверждается нормами ст. 54 ФЗ № 67, закрепляющей условия изготовления и распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов. Ч. 11 указанной статьи прямо устанавливает, что положения статьи применяются к материалам, в том числе изготовленным для распространения и распространяемым в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет¹. Де-факто, законодатель ставит знак равенства между «традиционными» способами проведения агитации и агитацией в сети «Интернет», что, на наш взгляд является неверным. Не все процедурные условия изготовления и распространения агитационных материалов в сети Интернет и Telegram в частности, могут быть в равной степени соотнесены с печатной и аудиовизуальной агитацией, а некоторые – фактически нереализуемы на практике. Кроме того, остро встает вопрос о разграничении распространяемой информации о кандидатах и признанием её предвыборной агитацией.

Как отмечалось ранее, деятельность Telegram-каналов на сегодняшний день находится в «серой зоне» действующего законодательства. Из буквального толкования абз. 3 ст. 2

---

¹ Ч. 11 ст. 54 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Парламентская газета. № 110-111. 15.06.2002.

Закона Российской Федерации от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ), согласно которой «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным названием (наименованием)»¹, распространение информации в Telegram-канале теоретически можно считать «иной формой распространения массовой информации, поскольку большинство публичных Telegram-каналов, предназначенных для распространения информации и используемые кандидатами, избирательными объединениями в политических целях соответствуют данным признакам. Однако ст. 8 Закона о СМИ устанавливает обязательное требование регистрации СМИ регистрирующим органом. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.09.2009 № 228², данным органом является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). СМИ считается зарегистрированным с даты принятия Роскомнадзором соответствующего решения и внесения записи в реестр СМИ (абз. 6 ст. 8 Закона о СМИ). При этом, абз. 2 статьи закрепляет право сайта в сети «Интернет» быть зарегистрированным в качестве СМИ в виде сетевого издания. Если же сайт не имеет соответствующей регистрации, СМИ он не является, соответственно действие закона на него не распространяется.

Отметим, что в перечне наименований зарегистрированных СМИ, размещенном на официальном сайте Роскомнадзора (www.rkn.gov.ru), отсутствуют страницы в сети Интернет с доменным именем «t.me» и символами, предназначенными для адресации сайта (Telegram-канала) в сети «Интернет». Таким образом, на сегодняшний день в России нет Telegram-каналов, обладающих статусом средства массовой информации, следовательно, на них не распространяются положения Закона о СМИ. Стоит обратить внимание, что приравнивание Telegram-каналов к СМИ неоднократно было предметом дискуссии, однако до настоящего времени эти идеи так и не были реализованы.

В контексте разграничения «личного мнения о кандидате» и «предвыборной агитацией» крайне интересным представляется обращение к правоприменительной практике. Обращает на себя внимание Постановление Избирательной комиссии Республики Хакасия от 05.09.2023 № 70/518-8 «О жалобе Абдуразаканова Рахимберди Айбековича на размещение незаконной агитации в Telegram-канале «Свободная Хакасия» (Далее – Постановление ИКРХ № 70/518-8)³. Согласно Постановлению, в Избирательную комиссию Республики Хакасия 30 августа 2023 г. поступила жалоба Абдуразаканова Рахимберди Айбековича по факту размещения в период с 10 по 27 августа 2023 г. в Telegram-канале «Свободная Хакасия» (https://t.me/svobodnay_hakasia) 33-х агитационных материалов. Согласно указанному постановлению, «рассмотрев указанные в жалобе материалы, Рабочая группа пришла к выводу, что в части указанных постов содержатся признаки агитации». Например, пост, опубликованный 14 августа 2023 г. в 20:53 (URL: t.me/svobodnay_hakasia/9982), состоящий из двух коротких видео, снятых в ходе празднования дня рождения поселка Усть-Абакан, Республики Хакасия

---

¹ Ст. 2 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации» // «Российская газета». № 32. 08.02.1992.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») // Собрание законодательства Российской Федерации, 23.09.2009. № 12. Ст. 1431.

³ Постановление Избирательной комиссии Республики Хакасия от 05.09.2023 № 70/518-8 «О жалобе Абдуразаканова Рахимберди Айбековича на размещение незаконной агитации в Telegram-канале «Свободная Хакасия» // - [Официальный сайт Избирательной Комиссии Республики Хакасия]. – Режим доступа: <http://www.khakas.izbirkom.ru/resheniya-izbiratelnoy-komissii/index.php> (Дата обращения 02.10.2023).

содержит информацию о Соколе С.М. с негативными комментариями (пп. «г» п. 2. Ст. 48 Федерального закона № 67), соответственно содержит признаки предвыборной агитации.

При изучении аудиовизуальных материалов, размещенных в сети «Интернет» по адресу: t.me/svobodnay_hakasia/9982 в Telegram-канале «Свободная Хакасия», следует, что на двух видеороликах, продолжительностью 0:34 и 0:16 сек, соответственно, присутствует кандидат на должность Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия Коновалов В. О. Обращаем внимание, что ролик опубликован в Telegram-канале 12 августа 2023 г. в 21:38, а Коновалов В. О. помимо того, что являлся кандидатом на должность Главы Республики Хакасия, был также действующим Главой Республики Хакасия, из чего можно сделать вывод о том, что участие в публичных мероприятиях можно рассматривать как исполнение своих должностных обязанностей. Однако на аудиовизуальном материале № 1, продолжительностью 0:34 сек. Коновалов В. О. находится в центре кадра рядом с неустановленными лицами. В видеоролике на 0:04 сек. отчетливо слышен аудио-комментарий неустановленного лица (на видеоряде изображение автора отсутствует) с нецензурной бранью и упоминанием слова «сокол» (одним из кандидатов на должность главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия являлся Сокол Сергей Михайлович – прим. автора). Однако сделать однозначный вывод о том, что в комментарии неустановленного лица есть отсылка с негативным комментарием к одному из кандидатов на должность Главы Республики Хакасия нельзя. На аудиовизуальном материале № 2 продолжительностью 0:16 сек. среди неопределенного круга лиц присутствует Коновалов В. О., ведущий диалог с неустановленным лицом, которое во время общения с Коноваловым В. О. не упоминает персональных данных, позволяющих идентифицировать ни одного из кандидатов на должность Главы Республики Хакасия в сочетании с позитивными или негативными комментариями. Также обращаем внимание, что пост, размещенный в сети «Интернет» по адресу: t.me/svobodnay_hakasia/9982, помимо двух видеороликов содержит текст: «Всё, что нужно знать о народной любви».

Исходя из Постановления ИКРХ № 70/518-8 о размещении незаконной агитации в Telegram-канале «Свободная Хакасия», следует: Рабочей группой установлено, что пост, опубликованный в сети «Интернет» по адресу: t.me/svobodnay_hakasia/9982, содержит информацию о кандидате на должность Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия Соколе С. М. с негативными комментариями, соответственно содержит признаки предвыборной агитации. Однако на основании каких материалов и доказательств Рабочей группой сделан такой вывод – неизвестно.

Отметим, что данный кейс является примером очевидного противоречия между гарантированными ст. 29 Конституции Российской Федерации свободой мысли и слова и права каждого свободно распространять информацию любым законным способом и положениями ч. 2 ст. 48 Федерального закона № 67, согласно которой любое мнение, высказанное в предвыборный период, в зависимости от контекста можно толковать в качестве предвыборной агитации со всеми вытекающими последствиями в случае установления нарушения правил ее проведения. Данный тезис подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «в информационных сообщениях о предвыборных мероприятиях кандидата не могут не преобладать сведения именно об этом кандидате, и, следовательно, главную смысловую нагрузку в предусмотренном данным подпунктом агитационной деятельности имеет наличие позитивных или негативных комментариев о нем, что также является разновидностью выражения мнений и в отсутствие агитационной цели не может рассматриваться в качестве предвыборной агитации»¹.

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова // «Российская газета». № 221. 31.10.2002.

Кроме того, как отмечалось ранее, не все требования, предусмотренные ст. 54 Федерального закона № 67 могут быть применимы к материалам, признанными агитационными и распространяемыми в сети «Интернет». В Постановлении ИКРХ № 70/518-8 сказано, что: «Пунктами 2,3 статьи 54 Федерального закона (№ 67) установлено, что все что все печатные и аудиовизуальные агитационные материалы должны содержать наименование, юридический адрес и идентификационный номер налогоплательщика организации (фамилию, имя, отчество лица и наименование субъекта Российской Федерации, района, города, иного населенного пункта, где находится место его жительства), изготовившей (изготовившего) данные материалы, наименование организации (фамилию, имя, отчество лица), заказавшей (заказавшего) их, а также информацию о тираже и дате изготовления этих материалов и указание об оплате их изготовления из средств соответствующего избирательного фонда.

Экземпляры агитационных материалов или их до начала их распространения должны быть представлены кандидатом, избирательным объединением в соответствующую избирательную комиссию. Вместе с указанными материалами должны быть также представлены сведения об адресе юридического лица, индивидуального предпринимателя (адресе места жительства физического лица), изготовивших и заказавших эти материалы, и копия документа об оплате изготовления данного предвыборного агитационного материала из соответствующего избирательного фонда.

Рассматриваемые посты не содержат сведений о лицах, изготовивших и заказавших данные агитационные материалы, а также информации о тираже, дате выпуска этих материалов и указания об оплате их изготовления из средств соответствующих избирательных фондов. Экземпляры аудиовизуальных агитационных материалов до начала распространения не были представлены в Избирательную комиссию Республики Хакасия, тем самым нарушены требования пунктов 2, 3 статьи 54 Федерального закона»¹.

Однако, считаем необходимым отметить, что эти требования законодательства фактически не могут быть выполнены. Размещая пост в социальных сетях, в т.ч. в Telegram-каналах, автор не может знать тираж размещаемого поста, поскольку невозможно заранее предугадать количество лиц, которые получают к нему доступ. Кроме того, неясно, как требование о предоставлении в соответствующую избирательную комиссию копий экземпляров аудиовизуальных агитационных материалов до начала их распространения может быть реализовано, поскольку возможность размещения постов в Telegram-каналах не ограничена количеством и фактическое исполнение требований законодательства о предоставлении каждого отдельного экземпляра агитационного материала в соответствующую избирательную комиссию представляется крайне неэффективным и заведомо невыполнимым требованием законодательства. Аналогично невыполнимы установленные требования к видеотрансляциям в режиме реального времени и временным постам (формат «сториз», где материал исчезает спустя 24 часа после публикации).

И. А. Брикульский отмечает, что: «несмотря на установленное законом обязательство кандидата уведомить избирком, предоставив экземпляр агитационного материала, указать данные изготовителя и т.д., суды поддерживают подход, согласно которому, если изготовление агитации в соцсети не требует финансовых затрат и создается кандидатом самостоятельно, то привлекать кандидата за нарушение данного обязательства нельзя» [2, с. 77]. Совершенно справедлива позиция, согласно которой использование формально-юридического подхода и применение санкций за неисполнение неисполнимых требований позволяет

---

¹ Постановление Избирательной комиссии Республики Хакасия от 05.09.2023 № 70/518-8 «О жалобе Абдуразаканова Рахимберди Айбековича на размещение незаконной агитации в Telegram-канале «Свободная Хакасия» // - [Официальный сайт Избирательной Комиссии Республики Хакасия]. – Режим доступа: <http://www.khakas.izbirkom.ru/resheniya-izbiratelnoy-komissii/index.php> (Дата обращения 02.10.2023).

привлекать кандидата к ответственности практически за каждую запись на личной странице в агитационный период [2, с.77]. Считаем, что это является существенным пробелом действующего законодательства.

Подводя итог, важно отметить, что активное развитие информационных технологий неизбежно оказывает влияние на различные сферы общественной жизни. Выборы не стали исключением. Способы проведения агитации в сети Интернет совершенствуются параллельно развитию технологий, появлению новых сервисов и функциональных возможностей глобальной сети. Считаем необходимым подчеркнуть, что действующее законодательство в части правового регулирования предвыборной агитации требует детальной проработки. Интернет-агитация является крайне важным инструментом во время предвыборной кампании. Авторы отмечают, что необходима разработка и внедрения в соответствующие законодательные акты и нормативные документы, которые бы определяли принципы, формы и условия проведения предвыборной агитации в Интернете, а также установили ответственность за нарушения в этой области права [8, с. 138]. Обозначение четких «правил игры» позволит всем участникам избирательного процесса обеспечить равенство возможностей. Активный рост числа пользователей Telegram и функциональные возможности платформы позволяют использовать ее как один из главных инструментов для проведения предвыборной агитации. Однако отсутствие должного правового регулирования и стремление уравнивать все Интернет-ресурсы под «один шаблон» в части возможностей использования их для проведения агитации приводит к правовым казусам и, как следствие – неизбежному несоблюдению, а равно, нарушению, закона.

Список источников

1. Мархгейм М. В., Никонова Л. И. Предвыборная агитация в сети Интернет: версии доктрины и динамика практики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. № 3. С. 532-538. DOI: DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-532-538.
2. Брикульский И. А. Предвыборная агитация в социальных сетях: проблемы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38. С. 61-81. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2021.13247>.
3. Alonso-Muñoz, Laura & Tirado García, Alejandra & Casero-Ripollés, Andreu. Telegram in campaign: the use of mobile instant messaging services in electoral political communication. *Comunicacion y Sociedad*. 2022. №35. P. 71 – 88. DOI: 10.15581/003.35.4.71-88. (на Исп. яз.).
4. Яковенко Е. В. Проблемные аспекты понятия «неопределенный круг лиц» в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-1. С. 261–264. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-9-1-261-264.
5. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов. Под редакцией И. В. Захарова, А. Н. Кокотова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2023, 334 с.
6. Забила Э. Е. Информирование избирателей как гарантия реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации // Экономика и социум. 2023. № 6 (109). С. 1232–1237.
7. Провоторов Р.А. Актуальные вопросы предвыборной агитации // Выборы: теория и практика. 2022. № 1 (57). С. 10–14.
8. Капустин Н. О., Мартыненко В. Д., Громов А. Г. К вопросу о предвыборной агитации в интернет-пространстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 136-139. DOI 10.236727SAE.2023.44.41.001

References

1. Markheim M. V., Nikonova L. I. Election campaigning on the Internet: versions of doctrine and dynamism of practice. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right.* 2018;(3):532–538. DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-532-538. (In Russ.)
2. Brikulsky I. A. Election campaigning in social networks: problems of legal regulation. *Works on intellectual property.* 2021;(38):61-81. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2021.13247>. (In Russ.)
3. Alonso-Muñoz, Laura & Tirado García, Alejandra & Casero-Ripollés, Andreu. Telegram in campaign: the use of mobile instant messaging services in electoral political communication. *Comunicacion y Sociedad.* 2022;(35):71–88. DOI: 10.15581/003.35.4.71-88. (In Spain.)
4. Yakovenko E.V. Problematic aspects of the concept of «indefinite circle of persons» in civil proceedings. *International Journal of Humanities and Sciences.* 2022;(9-1):261–264. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-9-1-261-264. (In Russ.)
5. *Electoral law of the Russian Federation: textbook and workshop for universities.* Edited by I. V. Zakharov, A. N. Kokotov. 5th ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House; 2023. 334 p. (In Russ.)
6. Zabala E. E. Informing voters as a guarantee of the implementation of active suffrage of citizens in the Russian Federation. *Economy and society.* 2023;6(109):1232–1237. (In Russ.)
7. Provotorov R. A. Current issues of election campaigning. *Elections: theory and practice.* 2022; 1(57):10–14. (In Russ.)
8. Kapustin N. O., Martynenko V. D., Gromov A. G. On the issue of election campaigning in the Internet space. *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2023;(4):136–139. DOI 10.236727SAE.2023.44.41.001. (In Russ.)

Информация об авторе

П. М. Мирошкин – аспирант кафедры конституционного, административного и уголовного права Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

P. M. Miroshkin – Postgraduate Student of Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Право на дерогацию*

Муаед Лялюевич Хабачиров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
muaed@rambler.ru

Аннотация. В статье на системной основе излагаются возможные конвенционные и иные нормативные случаи и условия применения дерогационных мер, предусмотренных основными международными договорами о правах человека и Конституцией Российской Федерации. Автор отмечает, что международные договоры о правах человека разрешают государствам-участникам вводить при определенных условиях правовые нормы, ограничивающие применение некоторых прав, а также в случае возникновения на их территории чрезвычайных обстоятельств, отступить от выполнения взятых на себя международных обязательств по защите прав человека и основных свобод и приостанавливать действие их национального законодательства в этой области. Дерогационные меры принимаются только в той степени, в какой этой необходимо государству в интересах его безопасности, но они не должны противоречить обязательствам, вытекающим из общего международного права. В статье констатируется, что для современного развития России толкование норм международного права на дерогацию, применяемые в нем основания и пределы ограничения прав имеет большое юридическое и практическое значение. В случае введения в стране или отдельных ее регионах чрезвычайного положения защита прав человека, пусть с некоторыми изъятиями, диктуемыми особыми обстоятельствами, все равно относится к числу международных обязательств государства.

Ключевые слова: дерогация, международное право, права человека, правовые нормы, Конституция РФ, дерогационные меры

Для цитирования: Хабачиров М. Л. Право на дерогацию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-92-101>. EDN OUGPDA

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

The right to derogation*

Muaed L. Khabachirov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
muaed@rambler.ru

Abstract. The article systematically outlines possible conventional and other normative cases and conditions for the application of derogatory measures provided for by the main international human rights treaties and the Constitution of the Russian Federation. The author notes that international human rights treaties allow States parties to introduce, under certain conditions, legal norms restricting the application of certain rights, as well as in the event of emergency circumstances on their territory, to deviate from fulfilling their international obligations to protect human rights and fundamental freedoms and suspend their national legislation in this area. Derogatory measures are taken only to the extent necessary for the State in the interests of its security, but they should not contradict obligations arising from general international

* Дерогация – отступление от взятых обязательств по соблюдению прав.

Derogation is a deviation from the obligations assumed to respect rights.

law. The article states that for the modern development of Russia, the interpretation of the norms of international law on derogation, the grounds used in it and the limits of limitation of rights are of great legal and practical importance. In the event of a state of emergency in a country or in some of its regions, the protection of human rights, albeit with some exceptions dictated by special circumstances, is still among the international obligations of the State.

Keywords: derogation, international law, human rights, legal norms, the Constitution of the Russian Federation, derogation measures

For citation: Khabachirov M. L. The right to derogation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):92–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-92-101>. EDN OUGPDA

Современная политическая обстановка характеризуется крайней напряженностью в различных регионах и государствах мира. Государства все чаще прибегают к ограничительным мерам в отношении своего населения внутри государства и применению вооруженной силы во взаимоотношениях на международной арене, практически не обращая внимания на свои формальные обязательства не делать этого по существующим международным стандартам обеспечения прав человека и гражданина, а также принципам неприменения силы и угрозы силой, а просто исходя из практической необходимости. И хотя, при этом, чаще всего не оперируют понятием «дерогация», мы имеем дело именно с этим «явлением» (правовым институтом), который в принципе давно знаком и международному праву и внутригосударственному праву [1, с. 18].

Очевидно, что сегодня проблематика обеспечения безопасности занимает едва ли не главное место в современной национальной и международной действительности едва ли не каждого государства.

Вместе с тем, ее реальное практическое обеспечение, то есть установление эффективного контроля над состоянием защищенности от рисков и угроз различного характера является обязанностью и прерогативой государства, в чьи функции входит обеспечение внутренней и внешней национальной безопасности. «Государство, не дающее гражданам ничего, даже безопасности, – писал в начале прошлого века А. Д. Градовский, – несомненно, вызовет сначала равнодушие, потом вражду народа; оно разложится и погибнет или от внешнего врага, поддерживаемого апатией масс, или внутренних раздоров» [2, с. 31]. То есть безопасность – это то минимальное и, в тоже время, основное состояние при котором, государству (как властной структуре, обладающей суверенными полномочиями решать вопросы организации общества в масштабах страны, определять ее отношения с внешним миром) может быть обеспечена действительная легитимность, без наличия которой не может идти речи об эффективном правовом, демократическом, социальном государстве.

Вместе с тем, деятельность по обеспечению безопасности не может иметь абсолютный неограниченный (не регламентируемый) характер. Такая деятельность «по установлению состояния защищенности от рисков и угроз» связана с некими ограничениями гарантированных, как нормами позитивного, так и частично, нормами естественного права, прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, проблема установления эффективного контроля над существующими рисками и угрозами переплетается с другой обязанностью государства – обеспечению прав и свобод гражданам (другим лицам) в соответствии с взятыми на себя международными обязательствами и нормами национального права.

При этом, необходимым является нахождение баланса: между достаточностью мер по установлению эффективного контроля над рисками и угрозами обществу, государству и личности и тем до каких пределов общество готово поступиться своими правами и свободами. Причем, в такой постановке вопроса, правовая составляющая, является базовой, без нахождения и эффективного формулирования которой невозможно говорить о цивилизованном государстве, а также о соблюдении государством взятых на себя международных обязательств по гарантированию гражданам соблюдение существующих стандартов в области прав человека.

Термин дерогация (лат. *derogatio*) в словарях определяется как частичная отмена старого закона¹. С этим термином тесно связан и такой термин как аброгация (лат. *abrogatio*), отмена устаревшего закона либо в силу его бесполезности, либо если он противоречит духу и нравам времени. Аброгация объявляется новым законом. Термин «аброгация» заимствован из римского права. Различают: собственно аброгацию – полную отмену старого закона новым, дерогацию – частичную отмену старого закона, оброгацию – внесение необходимых изменений в старый закон и суброгацию – дополнение старого закона.

В сегодняшних реалиях идет активный процесс обновления российского законодательства, касаемого прав и свобод человека и гражданина. При этом, процесс этот подчас идет с очень «большой скоростью» в целях, на взгляд авторов таких инициатив, «предупредить», «не допустить», «ликвидировать» и т.д. негативное развитие ситуации в виде возникающих рисков и угроз для безопасности государства, общества и личности, без оглядки на существующие нормы приоритета (конституционные положения), а также международные обязательства России. Такими угрозами часто выступают экстремистские и террористические угрозы, а часто, и иные угрозы, но по прогнозируемым последствиям влияния на безопасность государства и общества, сравнимые с ними.

Такие причины, на взгляд многих апологетов «железной руки», являются достаточными поводами для введения различных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Вынуждено, заметим, что «страх перед угрозами» это плохой советчик.

В этой связи возникает проблема их статуса в действующей системе российского права, ведь то, как государство относится к вопросу об ограничении прав и свобод своих граждан, в каких пределах, и при каких условиях оно может пользоваться признаваемым за ним правом на дерогацию, является важным критерием зрелости государства и общества.

Международные договоры о правах человека разрешают государствам-участникам вводить при определенных условиях правовые нормы, ограничивающие применение некоторых прав, а также в случае возникновения на их территории чрезвычайных обстоятельств, отступить от выполнения взятых на себя международных обязательств по защите прав человека и основных свобод и приостанавливать действие их национального законодательства в этой области. Дерогационные меры принимаются только в той степени, в какой этой необходимо государству в интересах его безопасности, но они не должны противоречить обязательствам, вытекающим из общего международного права.

Нормы, позволяющие ограничить действие некоторых прав человека, вводятся с целью установить равновесие между правами отдельных лиц и интересами общества и государства в целом, а также в том случае, когда между ними могут возникнуть противоречия. Международное право исходит из того, что только закон может ограничить права граждан.

На первый взгляд, требования кажутся простыми. Однако применяемая в документах терминология не имеет однозначного толкования и нуждается в дополнительных пояснениях. Например, термин «закон», по мнению Европейского суда по правам человека, допустимо применять в широком смысле слова. В этом случае границы прав личности могут устанавливаться не только законом, но и иными нормативными актами, равно как и положениями неписаного права. Такой подход связан с тем, что во многих странах, в том числе подписавших Конвенцию, традиционно важную роль играет прецедентное право, особенно в странах, где нет писаных конституций и применение термина в узком смысле слова, по мнению суда, лишило бы государство-участника Конвенции, в котором преобладает общее право защиты, предусмотренное п. 2 ст. 10, и ударило бы по самим основам правовой системы этого государства. В то же время ЕСПЧ исходит из того, что толковать термины должны прежде всего национальные органы [3, с. 273].

---

¹ Большой юридический словарь – (Дерогация - частичная отмена старого закона); Словарь иностранных слов - (Дерогация - частичная отмена старого закона). Аналогичное определение и в Юридическом этимологическом словаре.

Таблица возможных нормативных случаев применения дерогационных мер, предусмотренных основными международными договорами о правах человека и Конституцией России

Table of possible regulatory cases of the use of detonation measures provided for by the main international human rights treaties and the Constitution of Russia

№ п/п	Наименование	Статья	Содержание
1	Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948)	ст. 29	<i>Ограничения</i> законом в целях: - признания и уважения прав и свобод других; - удовлетворения справедливых требований морали; - общественного порядка; - общего благосостояния.
2	Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950)	ст. 15	В случае войны или иных чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации. <i>Меры в отступление</i> в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим обязательствам по международному праву. Обязательность информировать Генерального секретаря СЕ о мерах, причинах, сроках действия. В статьях 8 (право на уважение частной и семейной жизни), 9 (свобода мысли совести и религии), 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и объединений), <i>вмешательство (ст. 8), ограничения (ст.ст. 9, 11), ограничения или санкции (ст. 10)</i> предусмотренное законом в интересах: - национальной безопасности (ст.ст. 8, 10, 11); - общественной безопасности (ст. 9); - общественного порядка (ст.ст. 8, 9, 10, 11); - территориальной целостности (ст. 10); - экономического благосостояния страны (ст.ст. 8); - в целях предотвращения беспорядков и преступлений (ст.ст. 8, 10, 11); - для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (ст.ст. 8, 9, 10, 11); - обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (ст. 10).
3	Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966)	ст. 4	Во время ЧП в государстве, при котором жизнь нации под угрозой и о наличии которого объявляется. <i>Меры в отступление</i> в такой степени, в какой это требует: - острота положения, при условии, что они не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Обязанность информировать другие государства, через посредство Генерального секретаря ООН о мерах, причинах, сроках действия.

4	Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (16 декабря 1966)	ст. 4	<i>Ограничения</i> законом и исключительно с целью: - общего благосостояния.
5	Американская конвенция о правах человека (22 ноября 1969)		Во время войны, общественной опасности или других чрезвычайных обстоятельств, которые угрожают независимости и безопасности государства. <i>Меры в отступление</i> в такой степени и на такое время, какие точно требуются: - остротой ситуации, при условии, что они не влекут дискриминации на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Обязанность информировать другие государства, через посредство Генерального секретаря ОАГ о мерах, причинах, сроках действия.
6	Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению (Копенгаген, 29 июня 1990)	п. 24	<i>Ограничения</i> законом как это предусмотрено графами №№ 1, 3, 4. Ограничение должно быть строго соразмерно предназначению закона.
7	Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995)		В период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего высшим интересам каждого из Договаривающихся государств <i>Меры в отступление</i> только в той степени, в какой это требуется: - серьезность положения, при условии, что они не влекут дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного и должностного положения, места рождения или иного обстоятельства. Обязанность информировать депозитария о мерах, причинах, сроках действия.
8.	Конституция Российской Федерации	ст.55 ст. 56	Права и свободы граждан могут быть <i>ограничены</i> федеральным законом в целях: - защиты основ конституционного строя; - нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; - обеспечения обороны страны и безопасности государства. В условиях чрезвычайного положения федеральным конституционным законом могут устанавливаться <i>отдельные ограничения прав и свобод</i> : - для обеспечения безопасности граждан Обязательное указание пределов и срока действия таких ограничений

Другим термином является термин «необходимость». В 1988 г., опираясь на ряд прецедентов, ЕСПЧ суммировал критерии понятия «необходимость» и пришел к заключению, что оно может быть связано только с острой общественной потребностью вмешаться в права личности, поэтому ограничения, которые накладывает государство, должны быть соразмерны соответствующим интересам как личности, так и общества в целом (по терминологии Суда, «соразмерны законной цели»). Рассматривая дела, Суд выясняет степень серьезности вмешательства в права индивида и взвешивает относительный ущерб, который мог возникнуть вследствие того или иного решения, для лица и для государства [4, с. 81].

Другими словами, любые ограничения в области прав человека должны быть оправданными. Поэтому они должны быть соразмерны той цели, которая преследуется этими ограничениями. В свою очередь цель определяется в соответствии с положениями, закрепленными в международных соглашениях, Конституции. При этом, должна учитываться как цель, которая преследуется ограничением (в этом случае играет роль ценностное содержание «пограничного» права или интереса), так и цель существования и реализации права, которое ограничивается.

Четыре статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод непосредственно регулируют ограничение прав человека: *отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях* (ст.15); *ограничение на политическую деятельность иностранцев* (ст. 16); *запрещение злоупотребления правами* (ст.17); *пределы использования ограничений в отношении прав* (ст. 18).

Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

В соответствии со ст. 15 Конвенции в пользовании правами и основными свободами человека может иметь место только отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях – «в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих нации». Такие отступления недопустимы только в отношении специально оговоренных прав в п. 2 ст. 15 Конвенции: права на жизнь (ст. 2), (за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий); запрещения подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (ст. 3); запрещению содержать в рабстве или подневольном состоянии (п. 1 ст. 4) и наказания исключительно на основании закона (ст. 7). Это указывает на вполне конкретные пределы возможного ограничения прав человека. «Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме»¹.

Статья 15 позволяет государствам ограничить осуществление некоторых прав, предусмотренных Конвенцией, но только при наличии ряда строго определенных и чрезвычайных обстоятельств, а также при условии, что такие меры не противоречат обязательствам по международному праву².

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

² Так, в деле ГРЕЦИЯ против Великобритании (1969 г.), Европейская Комиссия по правам человека (действовала в 1955-1998 гг.) уточнила, что термин «чрезвычайное положение» содержит в себе понятие серьезной опасности и потому для применения ст.15 Конвенции необходимо наличие следующих условий: 1) опасность должна быть реальной или неминуемой; 2) ее последствия должны угрожать всей нации; 3) под угрозой должно находиться продолжение организованной жизни общества; 4) кризис или опасность должны носить исключительный характер в том смысле, что обычные меры или ограничения, допускаемые Конвенцией для сохранения безопасности, здоровья и порядка, являются недостаточными. Таким образом, для установления «чрезвычайного положения» должны быть в соответствии с конвенционными нормами достаточные доказательства того, что такие условия действительно существуют.

Некоторые страны-члены Совета Европы – Великобритания, Ирландия, Греция, Турция и другие, вынужденные воспользоваться правом на дерогацию, ссылались в своих действиях именно на ст. 15 Конвенции.

Так, правительство Великобритании, учитывая сохранявшуюся угрозу терроризма и сложившуюся ситуацию в Северной Ирландии, пришло к мнению о необходимости продолжения практики проведения особых арестов и задержания лиц, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами. Используя возможность применения ст. 15 Конвенции оно информировало в полном объеме Генерального секретаря Совета Европы о мерах, ведущих к отступлению от своих обязательств по Конвенции в соответствии с ее п. 3 ст. 5 с 23 декабря 1988 г. по 23 марта 1989 г. (Резолюция Комитета министров Совета Европы (90) 23 от 24 сентября 1990 г.). Правительство Великобритании пошло на такой шаг вскоре после принятия ЕСПЧ решения по делу БРОУГАН и другие против Великобритании (1988 г.), в котором указывалось на недопустимость в период расследования задержания на длительные сроки без доставки к судье лиц, даже по подозрению их в причастности к террористической деятельности. ЕСПЧ признал в решении от 29 ноября 1988 г., задержание соответствующими органами Великобритании названных заявителей на длительный срок без доставки к судье является нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции¹.

Для России опыт ряда европейских стран может быть востребован в случае возникновения напряженной ситуации в некоторых регионах страны.

Конституция РФ в п. 1 ст. 56 указывает: «В соответствии с ФКЗ могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и сроков их действия». В п. 3 этой же статьи перечисляются 16 конституционных статей, содержащих такие права и свободы, которые не подлежат ограничению. Этот перечень прав во многом совпадает с названным выше аналогичным перечнем прав ст. 15 Конвенции для тех же целей.

Запрещение злоупотреблений ограничениями в отношении прав

Конвенция и ЕСПЧ указывают на недопустимость превышения пределов введения ограничений в пользовании правами и на незаконность злоупотреблений ими.

В ст. 17 Конвенции государствам, группам или отдельным лицам запрещается «заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции». То есть, речь идет о запрещении злоупотреблении правами на отмену или ограничение прав. Из статьи следует, что предел в ограничении прав может быть нарушен государством (в этом случае обвинение против него выдвигается лицом или группой лиц) и группой или отдельным лицом (тогда против них выдвигается обвинение государством). Статья 17 может применяться только в связи с нарушением прав, которые гарантированы другими статьями Конвенции.

Хотя российское законодательство не содержит аналогичного запрета, но положение ст. 17 Конвенции должно учитываться при разработке и принятии законов, регулирующих пользование правами.

Пределы использования ограничений в отношении прав

В то время как ст. 17 устанавливает, как бы возможные пределы отступления и изъятия конвенционных прав, ст. 18 определяет нормативные рамки – пределы использования ограничений в отношении прав. Ограничения «не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены». В российском законодательстве нет общей статьи о пределах ограничения прав. Ст. 18, как и ст. 17, может рассматриваться только в сочетании с одним из нормативных прав, изложенных в Конвенции.

¹ European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 29 November 1988 (Brogan and Others / UK). Series A. No. 145-B, p. 33-34, par. 62.

В п. 2 ряда статей Конвенции прямо предусмотрены пределы пользования правами и свободами и включены конвенционные ограничительные обоснования. Такие ограничительные положения введены при предоставлении права на неприкосновенность жилища и тайны переписки (ст. 8), свободы мысли, совести и религии (ст. 9), свободы выражения мнения (ст. 10), свободы собраний и объединений (ст. 11), а также свободы передвижения (п. 3 и 4 ст. 2 Протокола № 4).

Поскольку при применении этих положений часто возникали определенные трудности: считать ли основания для ограничений, перечисленных в вышеназванных статьях, исчерпывающими или государство имеет широкие полномочия по ограничению действий отдельных лиц, по крайней мере некоторых групп таких лиц (например, в отношении заключенных, бродяг), – эти вопросы стали предметом рассмотрения ЕСПЧ при принятии решений по ряду дел. Суд признал, что, поскольку государство может рассматривать положение данного лица как члена определенной группы, что означает признание данного фактора при ограничении его прав и свобод, оно тем не менее должно действовать законным образом в пределах ограничительных положений соответствующих статей Конвенции¹.

Чтобы государства не злоупотребляли полномочиями, которые основывались бы на таком широком объяснении, Европейская комиссия установила правило «строгого толкования». Так, при рассмотрении дела «САНДИ ТАЙМС» против Великобритании (1979 г.) Комиссия в своем решении констатировала: «Строгое толкование означает, что никакие другие критерии, помимо тех, что упомянуты в положении об оговорке, не могут быть основанием для каких-либо ограничений, и что эти критерии, в свою очередь, должны быть истолкованы таким образом, чтобы смысл слов не был расширен по сравнению с общепринятым значением»².

Любые отступления от соблюдения прав Конвенции должны быть убедительно мотивированы, сопряжены «с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом», отвечать конвенционным ограничительным обоснованиями.

В статьях Конвенции, содержащих ограничительные положения (ст.ст. 8, 9, 10, 11), употребляются выражения «предусмотрено законом» и «установлено законом». ЕСПЧ в деле МЭЛОУН против Великобритании (1984 г.) установил требования, которые должны предъявляться к определению того, была ли соблюдена законность в соответствии с Конвенцией при рассмотрении дел, связанных с нарушениями прав человека. Такими требованиями являются: достаточная доступность закона – любой человек должен иметь возможность получить все необходимые сведения о применимости соответствующих правовых норм к его делу; достаточная точность изложения норм закона и их предсказуемость – любой человек смог бы отнести свои действия с нормами закона, и осуществление государством своих полномочий в соответствии с законными целями³.

¹ Эта позиция нашла подтверждение в деле О БРОДЯЖНИЧЕСТВЕ (против Бельгии) (1972 г.), а также в деле ГОЛДЕР против Великобритании (1975 г.). См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 10 March 1972 (De Wilde, Ooms & Versyp/Belgium). Series A. No.12, p.36, para.65.

² European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 26 April 1978 (Sunday Times/UK). Series A. No. 30, p. 31, par. 49.

³ European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 2 August 1984 (Malone/UK). Series A. No. 82, p. 31, par. 66.

В деле МЭЛОУН против Великобритании, Суд пришел к выводу, что правовые нормы Великобритании, регулирующие прослушивание телефонных разговоров, носят слишком неопределенный характер, чтобы соответствовать закону, и потому заявил: «Нормы, устанавливающие неограниченное поле вмешательства для исполнительной власти, противоречат принципу верховенства права. Для того, чтобы обеспечить отдельным лицам соответствующую защиту от произвольного вмешательства, в законе должны быть достаточно четко определены объем и порядок осуществления возможного вмешательства компетентных властей, с учетом обоснования законности данной меры».

В Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в РФ признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; государственная защита прав и свобод человека и гражданина в РФ гарантируется (статьи 1, 2, 17, 18, 19 и 45 Конституции РФ). При этом, по смыслу статей 45 (часть 1), 55 (часть 1), 71 (пункт «в»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции РФ, государство обязано соблюдать и защищать не только права и свободы граждан, непосредственно закрепленные Конституцией РФ, но и производные от них другие права и их гарантии, приобретаемые на основании федерального закона.

Закрепленный в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принцип возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения обороны и безопасности государства, содержит требование разумной достаточности применяемых мер, которые могут осуществляться только в такой степени, в какой это требуется острой обстановкой, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с обязательствами России по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения, а также не предусматривают ограничения прав и свобод, перечисленных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, которые не могут ограничиваться ни при каких обстоятельствах, в том числе в условиях чрезвычайного положения.

Это означает, что даже в условиях чрезвычайного положения никто не может быть лишен права на жизнь, ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, не может быть нарушена неприкосновенность частной жизни гражданина, личная и семейная тайна, свобода совести и вероисповедания, свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также иные содержащиеся в указанных выше статьях Конституции права и свободы [5, с. 18].

Для современного развития России толкование норм международного права на derogation, применяемые в нем основания и пределы ограничения прав имеет большое юридическое и практическое значение. В случае введения в стране или отдельных ее регионах чрезвычайного положения защита прав человека, пусть с некоторыми изъятиями, диктуемыми особыми обстоятельствами, все равно относится к числу международных обязательств государства.

Большинство современных кризисов являются конфликтами «нового поколения» – внутренними по сути, но создающими угрозу международной безопасности.

Необходим серьезный критический и продуктивный анализ существующих правовых реалий, рисков и угроз. Реалистичный выход из создавшегося положения лежит в ювелирной гармонизации сложных двуединых задач: свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового регулирования (контроля), эффективности и гуманности, эффективности противодействия возникающим угрозам безопасности и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека в каждой стране и в мире в целом.

Список источников

1. Малеев Ю. Н. Дерогация в современном международном праве // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 18–21.
2. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6.
3. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: МНИМП. 1998. 600 с.

4. Свинарски К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека. М.: Права человека, 1997. 71с.

5. Крылов Б. С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 13–25.

References

1. Maleev Y. N. Derogation in modern international law. *Eurasian Law Journal*. 2012;2(45):18–21. (In Russ.)

2. Gradovskiy A. D. *National question in history and literature*. St. Petersburg. 1901;(6). (In Russ.)

3. Gomien D., Harris D., Zwaak L. *European Convention on Human Rights and the European Social Charter: Law and Practice*. Moscow; 1998. 600 p. (In Russ.)

4. Svinarski K. *Basic Concepts and Institutions of International Humanitarian Law as a Human Protection System*. Moscow: Human Rights; 1997. 71 p. (In Russ.)

5. Krylov B. S. Problems of equality and equality in Russian constitutional law. *Journal of Russian Law*. 2002;(11):13–25. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Л. Хабачиров – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, доцент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, и.о. директора ГКУ КБР «Государственное юридическое бюро».

Information about the author

M. L. Khabachirov – Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Kabardino-Balkarian Republic, Associate Professor of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Acting Director of the State Institution of the KBR «State Law Bureau».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 102–108
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(1):102–108

Проблемы гражданского права

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-102-108>

EDN NTRBJE

О совершенствовании процедуры государственной регистрации вновь создаваемых некоммерческих организаций

Николай Алексеевич Сармин¹, Анастасия Сергеевна Дороганова²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹sarminn@gmail.com

²anastasija-gold@rambler.ru

Аннотация. Некоммерческие организации являются юридическими лицами и со стороны законодателя объясняется справедливая позиция, что за образованием любого юридического лица следует осуществлять контроль. В статье рассматривается порядок регистрации некоммерческих организаций, а также государственные органы, осуществляющие регистрацию. Авторы пришли к выводу, что в нашей стране существует двухступенчатая модель регистрации некоторых видов некоммерческих организаций и необходимы поправки в законодательстве с целью упрощения порядка.

Ключевые слова: некоммерческие организации, государственная регистрация, порядок государственной регистрации, регистрирующий орган

Для цитирования: Сармин Н. А., Дороганова А. С. О совершенствовании процедуры государственной регистрации вновь создаваемых некоммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 102–108. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-102-108>. EDN NTRBJE

Problems of Civil Law

Original article

Features of making changes to the constituent documents of non-profit organizations

Nikolay A. Sarmin¹, Anastasia S. Doroganova²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹sarminn@gmail.com

²anastasija-gold@rambler.ru

Abstract. Non-profit organizations are legal entities and the legislator explains the fair position that the formation of any legal entity should be monitored. The article examines the procedure for registering non-profit organizations, as well as government bodies carrying out registration. The authors came to the conclusion that in our country there is a two-stage model for registering certain types of non-profit organizations and amendments to the legislation are needed to simplify the procedure.

Keywords: non-profit organizations, state registration, procedure for state registration, registration authority

For citation: Sarmin N. A., Doroganova A. S. Features of making changes to the constituent documents of non-profit organizations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):102–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-102-108>. EDN NTRBJE

Для государства некоммерческие организации представляют собой альтернативную возможность осуществления важнейших направлений своей политики без личного его участия. Органы государственной власти в отдельных случаях поддерживают деятельность некоммерческих организаций путем финансирования, однако это носит целевой характер. Не стоит забывать про гранты, программы для поддержки некоммерческих организаций. Например, Л. В. Саенко отмечает то, что «некоммерческие организации выступают активным инструментом, позволяющим удовлетворять не только собственные потребности, но и потребности общества, семьи, государства, так как сфера их деятельности многогранна, охватывает образование, культуру, спорт, политику и другие области жизни современного человека» [1]. И с позицией вышеназванного автора невозможно не согласиться.

Некоммерческие организации являются юридическими лицами и со стороны законодателя объясняется справедливая позиция, что за образованием любого юридического лица следует осуществлять контроль. Безусловно, данный контроль не означает вмешательство со стороны государства в деятельность организации, однако отчетность должна присутствовать. Государственный контроль в отношении некоммерческих организаций обуславливается еще тем, что иностранные государства, выступая участниками НКО или распределителями грантов на территории Российской Федерации, осуществляют свою деятельность, которая может быть направлена на дестабилизацию гражданского общества, в том числе российского.

Законодательство о некоммерческих организациях достаточно долго формировалось, неоднократно вносились изменения, что, конечно же, породило различные противоречия и пробелы в правовом регулировании. В одних случаях для определенных организаций порядок регистрации усложнился, в других случаях стал намного проще [2]. Как установлено гражданским законодательством, правоспособность у юридического лица возникает с момента его государственной регистрации. Государственная же регистрация некоммерческих организаций в соответствии с действующим законодательством отличается своими особенностями, такими как особые требования, предъявляемые к содержанию, форме документов, представляемых на государственную регистрацию.

Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ регистрация вышеназванных юридических лиц осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»² (далее ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ). Статья 2 ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ гласит, что регистрация осуществляется федеральным органом исполнительной власти, каковым является Федеральная налоговая служба (далее ФНС)³. Цитируя Постановление № 506, мы в этом убеждаемся: «Служба является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О некоммерческих организациях» // Российская газета. № 14. 24.01.1996.

² Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. № 153-154. 10.08.2001.

³ Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 (ред. от 09.11.2023) «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // Российская газета, № 219, 06.10.2004.

и крестьянских (фермерских) хозяйств, уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим аккредитацию филиалов, представительств иностранных юридических лиц...».

При государственной регистрации подаются следующие документы: заявление, решение о создании юридического лица в виде протокола в двух экземплярах, учредительный документ в трех экземплярах, документы об оплате государственной пошлины, сведения о месте нахождения постоянно действующего органа управления организации. Заявление о внесении сведений в государственный реестр и поданные вместе с ним документы должны отвечать определенным требованиям, установленным Приказом ФНС России от 29.12.2022 № ЕД-7-14/1277@¹.

Дополнительные требования также установлены приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 68 «Об определении форм документов, представляемых в Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы для государственной регистрации некоммерческих организаций»². Необходимый перечень документов должен быть подан в регистрирующий орган (ФНС) посредством личного обращения в инспекцию, путем почтового отправления, через многофункциональный центр либо в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. При этом четко определенный законом перечень документов для государственной регистрации не освобождает обратившееся с заявлением лицо от соблюдения требований к оформлению указанных документов, установленных Приказом ФНС России от 29.12.2022 № ЕД-7-14/1277@. Такая позиция нашла свое отражение в Определении Верховного Суда РФ от 11.12.2015 № 305-КГ15-15479 по делу № А41-5816/2015³. Дополнительно суд отметил, что не соблюдение требований к оформлению предъявляемых при регистрации документов фактически означает их отсутствие. Также, например, в судебной практике есть и иные примеры, когда не соблюдение установленных к оформлению документов требований препятствовали осуществлению государственной регистрации. Так Апелляционный суд обращает внимание на важность соответствия документов законодательству и считает любое отхождение от данных требований «формальным» нарушением и отказ ФНС в государственной регистрации по соответствующему основанию обоснованным⁴.

Возвращаясь к ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ, есть один интересный факт, что решение о государственной регистрации юридического лица, в том числе некоммерческой организации, принимает уполномоченный орган или его территориальное подразделение. Приказ Минюста России от 26.09.2022 № 199 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию

¹ Приказ ФНС России от 29.12.2022 № ЕД-7-14/1277@ «Об утверждении формы заявления о внесении сведений о юридическом лице в Единый государственный реестр юридических лиц и формы заявления о внесении сведений о юридическом лице в Единый государственный реестр юридических лиц в связи с приведением учредительных документов в соответствие с законодательством Российской Федерации, а также требований к их оформлению» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.02.2023 № 72299) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.02.2023.

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 68 «Об определении форм документов, представляемых в Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы для государственной регистрации некоммерческих организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 13.11.2020.

³ Определении Верховного Суда РФ от 11.12.2015 № 305-КГ15-15479 по делу № А41-5816/2015// <https://kad.arbitr.ru/Card/4b5758e6-e593-42cc-b167-58bb8246e2c7>(дата обращения 21.02.2024 г.).

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2018 № Ф05-1098/2018 по делу № А40-83702/17.

решения о государственной регистрации некоммерческих организаций»¹ дает четкое указание, что таким органом является Министерство Юстиции Российской Федерации и его территориальные органы (далее Минюст России). В 2008 году Указом Президента РФ от 12.05.2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» полномочия по принятию решения о регистрации некоммерческих организаций были переданы Минюсту РФ².

Существует перечень некоммерческих организаций, о создании которых Минюст России или его территориальный орган принимает решение. К таковым относятся: общероссийские и международные общественные организации, общественные объединения, политические партии, торгово-промышленные палаты, централизованные религиозные организации, межрегиональные, региональные и местные общественные организации и движения, а также другие организационно-правовые формы НКО, на которые распространяет свое действие ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³. Согласно пункту 3 статьи 1 ФЗ «О некоммерческих организациях» это не распространяется на потребительские кооперативы, товарищество собственников недвижимости, том числе товарищества собственников жилья, садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества.

То есть порядок регистрации некоммерческих организаций следующий: документы подаются в Минюст России или его территориальное подразделение по месту нахождения постоянного действующего органа управления некоммерческой организации для дальнейшего вынесения решения. Максимальный срок предоставления государственной услуги без учета ФНС может достигать шесть месяцев и три дня. Минюст или его территориальный орган рассматривает поданные документы на наличие или отсутствие причин для приостановления или отказа в регистрации. После вынесения положительного решения один экземпляр документов передается в ФНС в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью с использованием системы межведомственного взаимодействия. Для внесения сведения в государственный реестр в инспекцию также направляются распоряжение Минюста или его территориального подразделения, содержащее дату и номер⁴. ФНС России на основании вышеназванного распоряжения вносит соответствующую запись в государственный реестр о создании некоммерческой организации. При оказании услуги по государственной регистрации происходит взаимодействие с ФНС России согласно приказу Минюста России от 30.12.2022 № 440 «Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства юстиции Российской Федерации с Федеральной налоговой службой по вопросам государственной регистрации некоммерческих организаций»⁵.

¹ Приказ Минюста России от 26.09.2022 № 199 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.09.2022 № 70217) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.09.2022.

² Указ Президента РФ от 12.05.2008 № 724 (ред. от 20.11.2020) «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета, № 100, 13.05.2008.

³ Приказ Минюста России от 26.09.2022 № 199 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций».

⁴ п.16 Административный регламент по предоставлению государственной услуги по принятию решения о регистрации некоммерческих организаций утвержден Приказом Минюста России от 26.09.2022 № 199.

⁵ Приказ Минюста России от 30.12.2022 № 440 «Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства юстиции Российской Федерации с Федеральной налоговой службой по вопросам государственной регистрации некоммерческих организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2023 N 71951) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.01.2023.

После внесения записи налоговый орган направляет Минюсту России, от которого был ранее получен необходимый пакет документов, лист записи единого государственного реестра юридических лиц (далее ЕГРЮЛ), подтверждающий факт государственной регистрации. После этого оформляется свидетельство о государственной регистрации некоммерческой организации и устав, предназначенные для выдачи заявителю. Лист записи из ЕГРЮЛ можно получить в форме электронного документа. Однако в соответствии с законодательством по запросу самого заявителя может быть выдан документ на бумажном носителе, подтверждающий содержание электронных документов относительно факта государственной регистрации. Минюст России, в свою очередь, ведёт реестр зарегистрированных организаций, куда также вносится должностным лицом запись о государственной регистрации.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в нашей стране существует двухступенчатая модель регистрации некоммерческих организаций. Возложение обязанности по принятию решения о создании некоммерческих организаций объясняется тщательной проверкой Минюстом России или его территориальными органами представленных документов на соответствие законодательству и отсутствие признаков экстремистской деятельности.

Однако осуществление вышеназванной проверки не представляется целесообразным на рассматриваемом этапе создания юридического лица. Например, поскольку некоммерческие организации ежегодно сдают отчетность по формам, которые были утверждены приказом Минюста России от 30.09.2012 №185¹, о своей деятельности и источниках финансирования, что в достаточной степени позволяет осуществлять контроль за фактической деятельностью организаций. Очевидно, что для достижения цели в виде государственной регистрации любые предполагаемые учредителями противоправные цели создания некоммерческой организации будут скрыты от буквального прочтения в учредительном документе или в решении о создании. Незаконность какой-либо деятельности возможно будет лишь констатировать и обнаружить после начала ее осуществления.

Авторы считают, что «задвоенная» регистрация только усложняет для учредителей сам процесс регистрации, поскольку увеличивается в разы время для ее завершения. Для решения данной проблемы целесообразно было бы внести изменения в действующее законодательство и исключить двойственный характер регистрационных действий для большинства некоммерческих организаций.

В научной литературе можно встретить диаметрально противоположные взгляды в отношении рассматриваемого вопроса. Например, О. М. Кокорева предлагает сделать единым порядок регистрации коммерческих и некоммерческих организаций, тем самым упростив его для некоммерческих юридических лиц [3]. Однако другие авторы, такие как Шаклеина Е. В., предлагают сохранить сложный порядок государственной регистрации и причем сделать его общим для всех видов некоммерческих организаций [4, с. 20].

И здесь необходимо обратить внимание, что с 1 марта 2023 г. вступили в силу изменения относительно упрощения порядка регистрации некоммерческой организации. Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 535-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 20 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 14 Федерального закона «О некоммерческих организациях»² предоставил возможность некоммерческим организациям использовать типовые уставы. Для коммерческих организаций такая возможность существует с 2015 г. Во исполнение указной нормы Приказом Минюста России от 30.06.2023 № 163 «Об утверждении типовых

¹ Приказ Минюста России от 30.09.2021 №185 «О формах и сроках предоставления в Министерство юстиции Российской Федерации отчетности некоммерческих организаций».

² Федеральный закон от 19.12.2022 № 535-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 20 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 14 Федерального закона «О некоммерческих организациях» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19.12.2022.

уставов некоммерческих организаций»¹ были разработаны типовые уставы для девяти организационно-правовых форм некоммерческих организаций. И очевидно, что законодатель пойдет дальше по этому пути развития. Данное обстоятельство, по мнению авторов, еще больше укрепляет идею излишней регуляции процесса регистрации некоммерческой организации, особенной той, учредители которой приняли решение об использовании типовой формы. Логичнее было бы оставить исключительно ФНС полномочия по регистрации некоммерческих организаций, которые приняли решение об использовании типового устава в качестве своего учредительного документа. Фактически сведения о государственной регистрации таких юридических лиц могли бы поступать в Минюст РФ в порядке межведомственного взаимодействия. Такое положение дел позволило ли бы сократить сроки государственной регистрации, т.к. существующее законодательство устанавливает крайне длительные сроки до 6 месяцев. Полагаем, что законодателю следует вернуться к идее динамичности оборота и в отношении некоммерческих организаций, которая в свое время была успешно реализована в практике государственной регистрации коммерческих организаций.

В п. 3 ст. 61 Гражданского кодекса РФ², памятуя о формально-нормативном порядке регистрации коммерческих юридических лиц, установленном ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ, законодатель сместил контрольно-надзорный акцент с момента регистрации на возможность признания в последствии недействительной регистрации юридического лица и заявления требования о его ликвидации при наличии неустранимых нарушений, допущенных в ходе государственной регистрации, в судебном порядке. При этом кодекс не делает различий по порядку принудительной ликвидации коммерческих и некоммерческих юридических лиц, предусматривая единые основания. Однако при наличии двухэтапной регистрации и существующих сроков максимально до шести месяцев сложно представить неустранимые нарушения, не обнаруженные должностными лицами в ходе государственной регистрации.

В заключение также следует отметить, что фактор риска – исключение экстремисткой деятельности некоммерческих организаций, который преследуется в существующей законодательной модели, никоим образом не исключен для коммерческих организаций. Под видом цели – извлечение прибыли такие юридические лица с равным успехом могут быть созданы для отмыwania средств, уклонения от уплаты налогов, финансирования терроризма и экстремизма и пр. А потому авторы вновь приходят к выводу об отсутствии необходимости участия Минюста РФ в процессе государственной регистрации с целью обеспечения аналогичной динамичности процесса создания некоммерческих организаций и исключения факторов проявления коррупционного поведения отдельных должностных лиц. Ведь очень часто поводом для возникновения споров с регистрирующим органом является вопрос – где поставить запятую по тексту учредительного документа, указать или нет учредителя и пр.

Также удивительным выглядит усложненный порядок государственной регистрации лишь для отдельных организационно-правовых форм юридических лиц, о чем указывалось выше. В таком случае авторы не находят никаких методологических обоснований дифференцированному подходу в рамках одной групповой принадлежности юридических лиц.

Таким образом, подводя итог исследования, авторы приходят к выводам о том, что порядок государственной регистрации некоммерческих организаций подлежит реформированию. Целесообразным было бы на первоначальном этапе внести изменения в законодательство, исключив участие Минюста РФ в процессе государственной регистрации некоммерческих организаций, использующих типовые формы учредительных документов. Оценив эффективность

¹ Приказ Минюста России от 30.06.2023 № 163 «Об утверждении типовых уставов некоммерческих организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.06.2023 № 74076) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.06.2023.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

таких изменений, в последующем следует рассмотреть вопрос о едином порядке государственной регистрации вновь создаваемых юридических лиц, независимо от того, отнесена ли избранная организационная форма регистрируемого юридического лица к коммерческим или некоммерческим. Сведения о государственной регистрации некоммерческих юридических лиц следует направлять в Минюст РФ в порядке межведомственного взаимодействия, продолжая реализовывать успешно внедренную для коммерческих организаций идею «одного окна». Акцент контрольно-надзорных функций в части исключения проявления деятельности экстремистской направленности и прочих незаконных проявлений должен быть смещен на этап, следующий после создания юридического лица. Действующее законодательство, в частности, о финансовом контроле, иноагентах и пр., содержит достаточный арсенал приемов законодательной техники для предотвращения вышеуказанной незаконной деятельности.

Список источников

1. Саенко Л. В., Мичурина Е. С. О формах правового участия социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации государственной семейной и молодежной политики: на примере Саратовской области // Гражданское право. 2022. № 6. С. 31–34.
2. Мичурина Е. С. Перспективы применения единого типового устава некоммерческими организациями // Гражданское право. 2023. № 4. С. 36–38.
3. Кокорева О. М. Правовое регулирование государственной регистрации некоммерческой организации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 159 с.
4. Шаклеина Е. В. К вопросу о государственной регистрации некоммерческих организаций в России на современном этапе // Юридический мир. 2007. № 3.

References

1. Saenko L. V., Michurina E. S. On the forms of legal participation of socially oriented non-profit organizations in the implementation of state family and youth policy: on the example of the Saratov region. *Civil law*. 2022;(6):31–34. (In Russ.)
2. Michurina E. S. Prospects for the application of a single standard charter by non-profit organizations. *Civil law*. 2023;(4):36–38. (In Russ.)
3. Kokoreva O. M. *Legal regulation of state registration of a non-profit organization: Dis. ... cand. Jurid.* Moscow; 2010. 159 p. (In Russ.)
4. Shakleina E. V. On the issue of state registration of non-profit organizations in Russia at the present stage. *Legal World*. 2007;(3). (In Russ.)

Информация об авторах

Н. А. Сармин – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

А. С. Дороганова – преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. A. Sarmin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

A. S. Doroganova – Lecturer of the Department of Civil and Business Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Проблема возникновения обязательств по договору, заключенному с использованием переписки в социальных сетях

Татьяна Борисовна Гуляева¹, Карина Араиковна Кочарян²,
Рэна Окумдар кызы Байрамова³

^{1, 2, 3}Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия

¹gulyaeva-tb@ranepa.ru

²karinakocharian2@gmail.com

³renabajramova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье авторами был проведен анализ проблемы использования переписки в социальных сетях для предоставления ее в виде доказательства в судебных процессах в контексте исполнения обязательств по заключенному договору. Изучение научных взглядов и судебной практики показало различные точки зрения на определение признаков соблюдения договора в электронном взаимодействии, иногда противоречащие друг другу. Были выявлены проблемы и сложности, с которыми приходится сталкиваться при подтверждении фактов с использованием переписки в социальных сетях в качестве доказательства. В результате авторами сделан вывод о необходимости внесения изменений в гражданское законодательство РФ для более точного решения данной проблемы в судах, а также предложены рекомендации по закреплению этих правовых норм.

Ключевые слова: договорные отношения, гражданский процесс, судебная практика, информационные технологии, социальные сети, договорные обязательства

Для цитирования: Гуляева Т. Б., Кочарян К. А., Байрамова Р. О. Проблема возникновения обязательств по договору, заключенному с использованием переписки в социальных сетях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 109–115. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-109-115>. EDN NQQRJ

Problems of Civil Law

Original article

The problem of arising obligations under an agreement concluded with the use of correspondence on social networks

Tatyana B. Gulyaeva¹, Karina A. Kocharyan², Rena O. Bayramova³

^{1, 2, 3}Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia

¹gulyaeva-tb@ranepa.ru

²karinakocharian2@gmail.com

³renabajramova@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors analyzed the problem of using correspondence on social networks to provide it as evidence in court proceedings in the context of fulfilling obligations under the concluded contract. The study of scientific views and judicial practice has shown different points of view on the definition of signs of compliance with the contract in electronic interaction, sometimes contradicting each other. The problems and difficulties that have to be faced when confirming facts

using correspondence on social networks as evidence have been identified. As a result, the authors concluded that it is necessary to amend the civil legislation of the Russian Federation in order to more accurately solve this problem in the courts, and also proposed recommendations for consolidating these legal norms.

Keywords: contractual relations, civil procedure, judicial practice, information technology, social media, contractual obligations

For citation: Gulyaeva T. B., Kocharyan K. A., Bayramova R. O. The problem of arising obligations under an agreement concluded with the use of correspondence on social networks. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):109–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-109-115>. EDN NQQRJ

В современном мире под влиянием информационных технологий происходят значительные изменения во всех сферах жизни человека. И сфера договорного института гражданского права не является исключением. Использование и распространение технических составляющих при заключении, исполнении договоров позволяет ускорить и усовершенствовать процессы экономического взаимодействия за счет нивелирования проблемы территориальной удаленности сторон; снижения затрат, связанных с их взаимоотношениями при заключении договора; развития коммерческих отношений и т.д. [1] С учетом современного уровня технологического развития, стоит сказать об изменении гражданского процесса благодаря введению “электронных начал” [2].

Исходя из этого, необходимо упомянуть мнение С. В. Васильева, который высказывался об особенностях электронной торговли, представляющей собой, на его взгляд, улучшенный способ закрепления традиционных обязательств (возмездное оказание услуг, купля-продажа и т.д.). Помимо этого, Васильев утверждал, что главным отличием электронной торговли является специфический способ заключения договора без изменения содержания правоотношения [3].

Но, невзирая на перечисленные преимущества сделок, оформленных с помощью электронных технологий, на практике выявлено большое количество проблем, способствующих возникновению споров между исследователями данного вопроса. Так, по мнению, А. Ананько, одной из самых часто встречающихся проблем является определение места составления договора в цифровом виде. Сложности при рассмотрении дел такого характера возникают и по поводу доказывания самого факта наступления договорных отношений, сохранения конфиденциальности данных сторон, защиты информации от взлома. Все эти проблемы во многом обусловлены отсутствием единого законодательного акта, способного определять порядок заключения и исполнения договоров, заключенных с помощью электронных технологий. Как отмечает А. С. Микаева, совершенствование нормативной базы в области регулирования цифровых отношений на данный момент на начальном этапе. Именно поэтому возникают сложности при рассмотрении данного института [4].

В связи с этим появляется необходимость разработки эффективных правовых механизмов защиты участников договорных отношений, действующих в рамках электронной коммерции, и гармонизации соответствующих правовых норм для повышения результативности отношений между контрагентами.

Рассмотрение данной проблемы в настоящее время становится особенно актуальным в результате увеличения доли сделок, осуществляемых с использованием информационных технологий. Так, объем российского рынка электронной коммерции достиг 4,3 трлн руб. к 2023 г., что по отношению к 2022 г. отражает увеличение на 23 %. Удельный вес интернет-торговли составил 12,5 % от общего объема розничных продаж¹.

Несмотря на обширные исследования в области гражданского права, договорные отношения в сети Интернет все еще требуют дальнейшего изучения [5].

¹ АКИТ: ассоциация компаний интернет-торговли. – URL: <https://www.akit.ru/> (дата обращения: 23.11.2023).

Рис. 1. Доля интернет-торговли в общем объеме розничных продаж

Fig. 1. The share of online commerce in total retail sales

В контексте правового регулирования данных отношений в российском праве, в соответствии со статьей 158 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) формы сделок разделяются на устные и письменные. Однако электронная форма сделки не упоминается в данной норме. Но в статье 160 ГК РФ имеется уточнение по поводу заключения сделок в письменной форме с помощью электронных и иных технических средств при условии достоверного определения лица, которое выразило волю. А также законодатель предусмотрел оговорку для разновидности сделок – договоров.

Как установлено пунктом 2 статьи 434 ГК РФ, «договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными...». Иными словами, данная норма допускает заключение договоров в электронной форме¹.

Однако А. П. Вершинин подчеркивает, что приравнивать электронный договор к письменному не совсем корректно, поскольку для этого необходимо соблюсти определенные условия, такие как достоверное установление отправителя электронных документов и использование специальных средств подписания. Халиков Р. О. также выделяет специфику электронных договоров и сделок, отмечая их особенности в заключении и использовании в качестве доказательства [6].

Однако законодатель не конкретизирует, кто и как будет определять момент заключения договора или возникновения договорных отношений при использовании писем. Сторонам непонятно, что считать таким моментом: момент получения договора с использованием цифровых технологий, момент ознакомление одной стороны с текстом ответа другой и т.д. Нет и четкого понимания, относится ли обмен электронными письмами через социальные сети к электронной форме заключения договора. Также существует проблема достоверной идентификации субъектов при заключении договора таким способом. Поскольку есть возможность взаимодействовать удаленно из любой точки мира, информация о субъекте отношений может быть искажена или недостоверна [7].

Возникает проблема предоставления доказательств, подтверждающих электронное заключение договорных отношений. Поскольку у субъекта нет возможности предоставить материальный оригинал электронного документа или переписки в социальных сетях, он теряет

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 2/1994 года №51-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 23.11.2023).

простейший способ подтверждения заключения договора. В таком случае предоставленные копии данных материалов будут являться спорными для суда в качестве обеспечения доказательства наличия договорных отношений.

В то же время единого подхода в вопросе сущности доказательств возникновения договорных отношений при взаимодействии субъектов данным способом не содержит ни законодательство, ни судебная практика. Одним из спорных вопросов по поводу вынесения решения судами по соответствующим делам является проблема признания переписки в социальных сетях в качестве доказательства наличия договорных отношений между субъектами гражданского права.

С юридической точки зрения перепиской являются сообщения, передаваемые по информационно-коммуникационной сети [8].

Очень часто при ведении бизнеса стороны общаются посредством переписки с использованием электронных сообщений по электронной почте, в мобильных приложениях (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), в социальных сетях. Более того, по своему содержанию такие электронные сообщения могут включать в себя информацию о заключении договора и выполнении действий, направленных на его исполнение. Несмотря на то, что эти сообщения имеют письменную форму, соглашение, заключенное и исполненное в ходе обмена такими сообщениями, следует считать устным соглашением. В научной литературе на эту тему существуют противоречивые мнения.

Д. П. Стригунова не может определиться с формой электронных сообщений, указывая на то, что такие сообщения невозможно получить устно, поскольку они по своей сути невербальны, но, как правило, они не могут быть признаны письменными с соответствующим юридическим значением, поскольку на них часто отсутствуют подписи участников правоотношения.

При этом, А. И. Савельев отвергает устную форму таких договоров, ссылаясь на то, что в сфере электронной коммерции основной формой договора остается простая письменная форма, без использования переписки.

Таким образом, установленные законом требования по отнесению договоров, заключенных с использованием электронных средств связи, к письменной форме создают неясность правового регулирования и вызывают ряд практических проблем [9].

В связи с этим, представляется логичным рассмотреть судебную практику по данному вопросу.

В рамках судебного дела № А81-7660/2019 от 20.04.2020 ПАО «ГЕОТЕК Сейсморазведка» обратилось в Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа с исковым заявлением к ООО «Ямал» о взыскании неосновательного обогащения. Ответчик представил возражения по делу и в подтверждение своих доводов представил копии счетов по оплате, копию акта оказанных услуг и копии страниц, содержащих электронную переписку сторон.

От истца поступили возражения, согласно которым, он считает, что ответчиком не представлены доказательства, подтверждающие наличие правоотношений между сторонами. Оценив представленные доказательства и доводы сторон, суд считает исковые требования не подлежащими удовлетворению, так как из представленных доказательств усматривается наличие правоотношений между сторонами¹.

Также интересен опыт арбитражного суда Приморского края по делу № А51-9793/2019 от 30 января 2020 г., в котором отражено судебное разбирательство по иску ИП Максимова Г. А. на ОАО «Строитель» о взыскании долга по заключенному договору и встречному иску о взыскании неосновательного обогащения. Первое исковое требование мотивировано отсутствием

---

¹ Решение арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 апреля 2020 года по делу № А81-7660/2019. - Картотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1aab309a-af7b-4356-9d37-a24c9648a65c/b189a615-f39c-4dbc-99e3-de841e4d7d0e/A81-7660-2019_20200203_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.11.2023).

оплаты оказанных услуг в рамках заключенного договора, второе – отсутствием договорных отношений.

Судом было принято решение удовлетворить первый иск в части взыскания долга с акционерного общества, в удовлетворении встречного иска отказать. Из решения следует, что между сторонами существовали договорные отношения, что было подтверждено при предоставлении переписки в социальной сети WhatsApp в качестве доказательств. Судом в судебном заседании также обозревались представленные истцом электронные носители (мобильные устройства) – телефоны для ознакомления с оригиналом электронной переписки в социальной сети WhatsApp. Оценив доводы ответчика о том, что мобильный номер, по которому осуществлялась переписка между сторонами, ответчику не принадлежит, а также все предоставляемые материалы (выписки по банковским операциям) приходит к выводу, что факт эксплуатации номера телефона ответчиком подтвержден¹.

Примером отказа судом в рассмотрении электронной переписки в качестве доказательства наличия договорных отношений послужило судебное дело № А56-15402/2020 от 03.07.2020, в рамках которого ИП Чумаков Д. Е. обратился в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском к ИП Филипишену В. М. о взыскании неосновательного обогащения в результате невыполнения услуг по изготовлению мебели.

Ответчик, возражая против удовлетворения исковых требований, сослался на представленные фотографии мебели и переписку в мессенджере WhatsApp, несоблюдение истцом претензионного порядка. Доводы ответчика оказались несостоятельны ввиду того, что из представленных фотографий невозможно установить кем, кому и по какой стоимости изготовлена мебель, в то время как надлежащими доказательствами выполнения работ являются акты выполненных работ/оказанных услуг. Переписка в мессенджере не позволяет установить принадлежность номера юридическому лицу (истцу). Суды отклонили ссылки ответчика на переписку в мессенджере WhatsApp, не признав ее в качестве относимого и допустимого доказательства оказания услуг. В передаче кассационной жалобы ИП Филипишена для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ также было отказано².

Помимо рассмотренных примеров судебной практики, отражающих анализ дел по подтверждению наличия договорных отношений с использованием переписки в мессенджерах в качестве доказательства, представляется необходимым рассмотреть вопрос порядка предоставления переписки в суд в качестве материалов дела.

Есть два способа представить переписку в мессенджере в суд: самостоятельно сделать скриншоты переписки либо заверить переписку у нотариуса. Некоторые суды принимают скриншоты переписки в мессенджере, сделанные стороной самостоятельно. Однако чаще всего суды принимают только такую переписку, которую заверил нотариус. Это свидетельствует о том, что практика принятия решений в разных судах различается даже при рассмотрении идентичных по содержанию дел.

Так, в решении Арбитражного суда Кемеровской области от 18.04.2023 по делу № А27-13467/2022 суд принял скриншот переписки: «Оценив представленные в дело доказательства, в том числе переписку в мессенджере WhatsApp, учитывая постоянный характер переписки,

¹ Решение арбитражного суда Приморского края от 30 января 2020 года по делу № А51-9793/2019. - Картоотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9a507578-6c9b-4d6d-9eb3-75a116e9777e/5990b31d-abe6-4629-9ab5-03c0c08ef28e/A51-9793-2019_20200130_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.11.2023).

² Решение арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 3 июля 2020 года по делу № А56-15402/2020. - Картоотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/60821730-c88a-4def-b0d6-b373c33d72f0/6e682887-8c16-45ce-a91c-a88801d250fd/A56-15402-2020_20200703_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.11.2023).

содержание направляемой информации, отражающей волеизъявление его сторон, суд считает возможным принять такую переписку в качестве доказательства по делу»¹.

А в решении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2022 по делу № А56-35798/2021 суд напротив отказался принять скриншот переписки: «Представленные истцом распечатки переписки в мессенджере WhatsApp не могут являться относимыми и допустимыми доказательствами по делу, поскольку не заверены в нотариальном порядке; из распечаток не следует, что возможная переписка велась с уполномоченным лицом ответчика, как не представляется возможным определить, по каким номерам телефонов велась возможная переписка»².

По результатам анализа судебной практики авторами был сделан вывод о том, что разрешение проблемы доказательства существования договорных отношений, заключённый с помощью электронной переписки возможно путем четкого закрепления данного понятия в законодательстве, а также порядка предоставления переписки в социальных сетях в качестве доказательства при судебном разбирательстве.

Для этого авторами предлагается внести следующие изменения в пункт 1 статьи 160 ГК РФ: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных средств, в том числе с использованием электронной переписки в социальных сетях, либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю».

Это предполагает внесение изменений в статью 71 ГПК РФ. В пункт 1 данной статьи предлагается добавить следующее предложение: «К письменным доказательствам также относится электронная переписка в социальных сетях, при условии возможности идентификации участников переписки».

На основании выделенных авторами положений и проблемных аспектов, с которыми приходится сталкиваться в результате неизбежного влияния информатизации и цифровизации на экономические отношения, можно сделать вывод, что развитие такой важной составляющей гражданского права как институт договорных отношений, должно быть организовано с учетом актуализации действующего законодательства и судебной практики.

Список источников

1. Идрисов Х. В. Некоторые особенности заключения гражданско-правового договора в электронной форме и проблемные аспекты ответственности за нарушение его условий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. №36. С. 163–173.

2. Журавлева М. Д. Электронная переписка как доказательство в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. №4 (11). С. 31–38.

3. Кондратьева Е. М. Электронная торговля как концепция построения экономических отношений: правовой аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. №2. С. 132–137.

4. Зуева Е. Р., Митячкина Е. С. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет // Вестник науки. 2022. № 1 (46). С. 140–147.

5. Слукa Е.С. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с использованием сети интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №11-4. С. 144–149.

¹ Решение арбитражного суда Кемеровской области от 18 апреля 2023 по делу № А27-13467/2022. - Картоотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7ea70a64-3af8-427e-8e54-073b000e49d5/357e0dac-9f2f-44e1-89e0-eb7e60ce2fdc/A27-13467-2022_20230418_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.11.2023).

² Решение арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 февраля 2022 по делу № А56-35798/2021. - Картоотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0da22276-cccb-4cff-9a0b-1aa5bf5d395b/55df9c7e-351b-45e2-807c-993bf818e640/A56-35798-2021_20220204_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.11.2023).

6. Бондарь Л. Ю. Заключение договора посредством обмена электронными документами // Вестник Академии управления и производства. 2021. № 1. С. 133–140.
7. Бигалиева Я. Г. Место электронного договора в системе частноправовых отношений // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 103–107.
8. Гончарова М. С., Марков А. Р., Жевняк О. В. Использование переписки в мессенджерах в качестве доказательств по делам, вытекающим из договорных правоотношений // Весенние дни науки : сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2023. С. 1307-1310.
9. Баринов А. В., Кузнецова Н. В., Рябова О. А. К вопросу о форме гражданско-правового договора в условиях электронного взаимодействия сторон // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. №11. С. 130–136.

References

1. Idrisov H. V. Some features of concluding a civil contract in electronic form and problematic aspects of liability for violation of its terms. *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2020;(36):163-173. (In Russ.)
2. Zhuravleva M. D. Electronic correspondence as evidence in civil proceedings. *Humanitarian and political-legal studies*. 2020;(11):31-38. (In Russ.)
3. Kondratieva E. M. Electronic commerce as a concept of building economic relations: a legal aspect. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhniy Novgorod*. 2023;(2):132–137. (In Russ.)
4. Zueva E. R., Mityachkina E. S. Civil protection of transactions concluded via the Internet. *Bulletin of Science*. 2022;(46):140–147. (In Russ.)
5. Sluka E. S. Civil protection of transactions concluded using the Internet. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(11-4):144–149. (In Russ.)
6. Bondar L. Yu. Conclusion of an agreement through the exchange of electronic documents. *Bulletin of the Academy of Management and Production*. 2021;(1):133–140. (In Russ.)
7. Bigaliev Ya. G. The place of an electronic contract in the system of private law relations. *Legal science*. 2023;(7):103–107. (In Russ.)
8. Goncharova M. S., Markov A. R., Zhevnyak O. V. The use of correspondence in messengers as evidence in cases arising from contractual legal relations. In: *Spring Days of Science : a collection of reports of the International Conference of Students and Young Scientists*. Yekaterinburg; 2023:1307–1310. (In Russ.)
9. Barinov A. V., Kuznetsova N. V., Ryabova O. A. On the question of the form of a civil contract in the conditions of electronic interaction of the parties. *Modern science: actual problems of theory and practice*. 2021;(11):130–136. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. Б. Гуляева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного права НИУ РАНХиГС.

К. А. Кочарян – студент факультета управления НИУ РАНХиГС.

Р. О. Байрамова – студент факультета управления НИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. B. Gulyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and International Law of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА.

K. A. Kocharyan – Student of the Faculty of Management of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА.

R. O. Bayramova – Student of the Faculty of Management of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 21.01.2024.

The article was submitted 09.12.2023; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 21.01.2024.

Определение риска как гражданско-правовой категории

Дмитрий Геннадьевич Замай

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, zamayd@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию универсального определения такой гражданско-правовой категории, как риск. Актуальность данной темы обусловлена обширностью распространения рисков в гражданских правоотношениях при отсутствии их легального определения в гражданском законодательстве. В рамках тематики статьи автором рассматриваются подходы к определению понятия «риск» через призму лингвистического, общефилософского и гражданско-правового понимания. Особое внимание уделяется исследованию основных концепций гражданско-правового риска. Автором высказывается мысль о применимости сформированных внутри указанных концепций определений гражданско-правового риска в отношении отдельных его разновидностей, урегулированных нормами действующего гражданского законодательства. Статьей также затрагивается вопрос назначения правовых норм, регулирующих гражданско-правовые риски, подчеркивается их распределительный характер. В заключении автором представляется на рассмотрение сформулированное общее определение риска как гражданско-правовой категории. Кроме того, автор обращает внимание на необходимость справедливого распределения гражданско-правовых рисков с обязательным учетом частных и общественных (публичных) интересов.

Ключевые слова: риск, вероятность, неблагоприятные последствия, объективная теория риска, субъективная теория риска, дуалистическая теория риска, распределительная функция гражданского права

Для цитирования: Замай Д. Г. Определение риска как гражданско-правовой категории // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 116–125. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-116-125>. EDN MGRWPU

Problems of Civil Law

Original article

Definition of risk as a civil legal category

Dmitriy G. Zamay

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, zamayd@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of a universal definition of such a civil law category as risk. The relevance of this topic is due to the vastness of the spread of risks in civil legal relations in the absence of their legal definition in civil law. Within the scope of the article, the author considers approaches to the definition of the concept of «risk» through the prism of linguistic, general philosophical and civil law understanding. Particular attention is paid to the study of the basic theories of civil risk. The author expresses the idea of the applicability of the definitions of civil law risk formed within these concepts in relation to its individual varieties, regulated by the norms of the current civil legislation. The article also touches upon the issue of the appointment of legal norms governing civil

risks, emphasizing their distributive nature. In conclusion, the author presents for consideration the formulated general definition of risk as a civil law category. In addition, the author draws attention to the need for a fair distribution of civil law risks with the obligatory consideration of private and public (public) interests.

Keywords: risk, probability, adverse consequences, objective theory of risk, subjective theory of risk, dualistic theory of risk, distributive function of civil law

For citation: Zamay D. G. Definition of risk as a civil legal category. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):116–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-116-125>. EDN MGRWPU

Исследования риска как гражданско-правовой категории проводятся отечественными цивилистами еще с советского периода, и к настоящему времени интерес научного сообщества к данному вопросу нисколько не угас. Подобное объясняется тем, что риск в гражданском праве в своей сути представляет собой сложное, многоаспектное явление, которое затрагивает большое количество гражданских правоотношений. Более того, многие исследователи характеризуют риск в качестве базовой категории гражданского права, лежащей в его основе и определяющей направления его развития.

Актуальность исследований риска в гражданском праве подкрепляется также тем, что действующее гражданское законодательство не содержит в себе какого-либо единого понимания риска применительно к регулируемым им правоотношениям. При этом Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) включает в себя множество норм, в которых прямо или косвенно упоминается риск. Так, в ряде норм ГК РФ, посвященных юридическим лицам, риск определяется в контексте убытков, которые могут возникнуть в процессе деятельности юридического лица (п. 1 ст. 82, п. 1 ст. 87, п. 1 ст. 96 ГК РФ). Большой блок норм ГК РФ трактует риск через призму случайной гибели или случайного повреждения имущества с определением лица, на которого возлагаются негативные последствия указанных событий (например, ст. 211, ст. 344, ст. 669, ст. 705 ГК РФ). Риск является определяющей категорией для норм, посвященных осуществлению предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ), договору страхования (гл. 48 ГК РФ), обязательствам, вытекающим из организации и проведения игр и пари (гл. 58 ГК РФ); важную роль риск играет также в нормах о деликтной ответственности (гл. 59 ГК РФ).

Широкая распространенность норм, посвященных риску, в гражданском законодательстве при отсутствии легально закрепленного определения данной правовой категории ставит перед отечественной наукой гражданского права задачу по его формированию. Однако стоит отметить, что не все исследователи солидарны с необходимостью достижения данной цели. В научном сообществе существует мнение о нецелесообразности обязательного наличия определения риска как правовой категории. Аргументация данной позиции строится на том же основании, на которое опираются противоположные утверждения о необходимости существования общей дефиниции гражданско-правового риска, а именно на многообразии рисков в современных гражданских правоотношениях. Так, противниками целесообразности формирования общего определения гражданско-правового риска отмечается, что в настоящее время рисков в гражданском праве настолько много и в некоторых случаях они настолько сильно различаются между собой, что формирование при таких условиях общего легального определения риска, которое бы стремилось охватить все разнообразие рискованных правоотношений, приведет лишь к большим вопросам и проблемам в области гражданско-правового регулирования риска [1, с. 789].

Однако, по мнению автора, с такой позицией сложно согласиться, ведь при всех особенностях, которыми обладают отдельные виды рисков в гражданско-правовых отношениях, они, безусловно, имеют общие признаки, на основе которых можно сформулировать единое определение риска как гражданско-правовой категории (что подтверждается многочисленными

определениями риска, предлагаемыми учеными-цивиристами, часть из которых будет представлена в данной статье), что позволит лучше уяснить сущность рисков в гражданских правоотношениях. Кроме того, гражданскому законодательству известны правовые категории, отдельные виды которых существенно отличаются друг от друга, что, между тем, не помешало законодателю закрепить их легальные дефиниции, необходимость наличия которых научным сообществом не оспаривается; ярким тому примером являются сделки, которые в разных проявлениях фигурируют в большинстве норм гражданского законодательства и при этом имеют единое определение, установленное законодателем.

Итак, для формирования определения риска в гражданском праве необходимо исследовать сущность данной гражданско-правовой категории, выделить характерные для нее признаки. Указанные действия имеет смысл начать с лингвистического значения самого слова «риск». В настоящее время существует несколько теорий возникновения данного слова в русском языке. Согласно одной из них слово «риск» имеет итальянские корни, а именно произошло от древнеитальянского слова «risico», имеющего значение «скала», «утес». От данного слова в итальянском языке образовалось другое слово – «risicare», первоначальное значение которого определялось как «лабиринт между скал» «отважиться», трансформировавшееся впоследствии в глагол «рисковать». По другой теории слово «риск» пришло к нам из арабского языка, в которого оно имело значение «в поисках лучшей доли» [2, с. 5].

Перейдя и окончательно закрепившись в русском языке, слово «риск» и производные от него слова начали обогащаться новыми значениями. В частности, в толковом словаре В. И. Даля содержится следующее определение глагола «рисковать»: «Рисковать, рискнуть (франц.) – пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, делать что без верного расчета, подвергаться случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье, ставить на кон (от игры); рисковать что или чем, подвергаться чему, известной опасности, превратности, неудаче» [3]. В свою очередь, в толковом словаре С. И. Ожегова слово «риск» трактуется как «возможность опасности, неудачи», а также как «действие наудачу в надежде на счастливый исход» [4].

На основе лингвистического значения слова «риск» сформированы определения риска как явления объективной действительности. Так, Стэнфордская философская энциклопедия включает в себя разные варианты определения риска, в соответствии с которыми риск понимается в качестве нежелательного события или возможности возникновения нежелательного события, которое как может произойти, так может и не произойти; источника вероятного появления нежелательного события; некоего усредненного значения из неблагоприятного события, которое как может произойти, так может и не произойти; как факт, что решение будет принято в условиях известных вероятностей [5].

Исходя из вышеизложенного, можно заметить, что в лингвистическом и общеправовом смысле риск соотносится с вероятностью возникновения опасностей, угроз, приводящих к неблагоприятным последствиям, а, в свою очередь, рисковать означает осмелиться, отважиться осуществить какие-либо действия либо бездействовать вопреки данным опасностям, надеясь на благоприятный исход. Собственно, в таком виде понимание риска перешло и в отечественную цивилистику.

К настоящему времени многие ученые при изучении риска как гражданско-правовой категории отмечают его вероятностный и негативный характер, а также указывают на возникновение ущерба как следствия воздействия рискованной ситуации на конкретное гражданское правоотношение. В частности, достаточно подробно вероятность наступления неблагоприятных последствий как основную составляющую сущности риска раскрыл Д. А. Архипов: «Под риском в общеправовом значении следует понимать известную вероятность наступления неблагоприятных имущественных последствий, за наступление которых ни одно лицо не несет ответственности, находящих свое выражение в расходах, которые лицо,

в чьей имущественной сфере наступило указанное событие, должно будет произвести для восстановления нарушенного права, в утрате или повреждении его имущества, а также в неполучении доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено» [6, с. 57].

Следует сказать, что в отечественной цивилистике существует мнение, в соответствии с которым с риском связывают не только наступление неблагоприятных последствий, но и наоборот – последствий, которые являются положительными для лица, в отношении которого действует риск. Указанное мнение имеет глубокие корни и было известно еще римскому частному праву.

Так, при заключении договоров купли-продажи применялась юридическая конструкция «*periculum est emptoris*», суть которой заключалась в том, что после заключения договора купли-продажи риск случайной гибели вещи переходит на покупателя, даже при условии, что сама вещь еще не передана ему от продавца. Конкретизируя содержание данной правовой конструкции, И. С. Перетерский и И. Б. Новицкий отмечали, что «если по заключении договора купли-продажи проданная вещь погибнет по случайной причине, т.е. без вины в том как продавца, так и покупателя, то неблагоприятные последствия этого факта ложатся на покупателя. Это значит, что покупатель обязан платить покупную цену (а если уже уплатил ее, не имеет права требовать ее возвращения), несмотря на то, что продавец вследствие случайной причины не может исполнить лежащей на нем обязанности предоставления вещи» [7]. Но при этом на покупателя возлагался не только риск случайного наступления неблагоприятных последствий на приобретенную, но не переданную ему вещь, но и наоборот – всякие случайные приращения приобретенного имущества, улучшение его свойств и иные благоприятные изменения, связанные с вещью (получение плодов от приобретенной вещи, увеличение размера приобретенного земельного участка вследствие отхода воды с реки, и т.п.) относились к покупателю. Некоторые исследователи видят в данном подходе попытку римского права компенсировать покупателю тот риск, который лежит на приобретенной им вещи до момента фактического обладания ей.

В настоящее время вероятность наступления благоприятных последствий активно исследуется в таких областях научного знания, как экономика и менеджмент, и именуется термином «позитивный риск». Однако в области правовой науки данное видение риска не получило широкого распространения, что, по мнению автора, является вполне справедливым. Так, приведенный выше анализ лингвистического и общефилософского определений риска явно указывает на негативный характер его сущности. Кроме того, позитивный смысл в понимании риска не вкладывается и действующим гражданским законодательством. Все нормы ГК РФ, посвященные риску, связывают его с неблагоприятными последствиями. Поэтому, представляется, что корректнее обозначать вероятность наступления благоприятных последствий иными терминами, например, «возможность», «вероятная выгода», и пр.

Таким образом, соотношение риска с вероятностью возникновения неблагоприятных последствий в отечественной цивилистике преимущественно не оспаривается. Однако в остальных аспектах проявления риска в гражданском праве такого единодушия не наблюдается. Собственно говоря, к настоящему времени в научном сообществе сформировалось большое количество мнений относительно того, каким образом должен определяться гражданско-правовой риск с учетом его сущности и особенностей. Путем обобщения указанных мнений традиционно выделяются три концепции (теории) риска в гражданском праве: объективная, субъективная и дуалистическая (смешанная).

Представители объективной концепции риска, следуя лингвистическому и общефилософскому пониманию риска, соотносят его с такими понятиями, как опасность, угроза, страх. Так, один из известных сторонников объективной концепции риска А. А. Собчак понимал под риском опасность проявления неблагоприятных последствий как имущественного, так

и неимущественного характера, о которых с полной степенью достоверности нельзя сказать, наступят ли они или нет [8, с. 55]. В свою очередь О. А. Красавчиков понимал под риском угрозу ущемления имущественных или личных неимущественных благ, принадлежащих участникам гражданских правоотношений [9].

Кроме того, риск в рамках объективной теории определяется как явление объективной действительности, не соотносящееся с факторами внутреннего, психологического характера. В контексте данного положения О.А. Пастухий отмечал, что в силу своего объективного характера риск существует вне зависимости от воли и сознания человека и не может существовать в виде его психологического отношения к действиям, порождающим гражданско-правовые последствия [10, с. 57–58].

Видение риска с позиций представителей объективной концепции характерно для ряда норм ГК РФ, посвященных риску убытков юридических лиц, риску случайной гибели или случайного повреждения имущества, риску изменения обстоятельств, риску невозможности исполнения договоров в связи с обстоятельствами, не зависящими от воли сторон. Указанные нормы связаны с наличием обстоятельств, грозящих лицу имущественными потерями, опасностями.

Субъективная концепция риска, не отрицая связи риска с опасностью, угрозой и неблагоприятными последствиями, в то же время видит его сущность в совсем иной плоскости – во внутреннем, психологическом отношении лица к действиям, которые совершает он либо иные лица. Другими словами, лицо осознает, что его собственные действия, действия иных лиц либо случайные события могут привести к негативному результату. Осознание же влечет за собой допущение данным лицом неблагоприятных последствий, что, в свою очередь, говорит о необходимости возложения на него ответственности за их возникновение [11, с. 68]. Данная позиция была сформирована В.А. Ойгензихтом, который, собственно, и является основателем субъективной концепции риска, и в дальнейшем была поддержана многими другими учеными.

Стоит отметить, что положения субъективной концепции риска в последнее время подвергаются критике в научной среде. Например, Н. И. Жунина указывает на то, что подходы к определению сущности риска, предлагаемые в рамках субъективной концепции, не отражают все многообразие проявлений риска, регулируемое действующим гражданским законодательством [1, с. 790]. Кроме того, многими исследователями подвергается сомнению позиция сторонников субъективной концепции об отнесении риска к основаниям гражданско-правовой ответственности (в частности, безвиновной ответственности), как и в целом подход к изучению риска через призму гражданско-правовой ответственности. Так, О. Н. Садиков, отмечая схожесть риска и института гражданско-правовой ответственности, при этом указывает на их принципиальные различия в правовой направленности и последствиях, а также на то, что риски на современном этапе правового регулирования вышли далеко за пределы имущественной ответственности [12, с. 11]. В свою очередь Д. А. Архипов, рассматривая специфику договорных рисков, полагает неверным определять гражданско-правовую ответственность, возникающую без вины должника, с позиции субъективизма, так как отличительной чертой ответственности в гражданском праве является легально закрепленная возможность ее наступления вне зависимости от факторов субъективного характера, что дает возможность решать вопросы возложения неблагоприятных последствий, наступивших вне зависимости от действий и воли должника. В таком случае ставить субъективный фактор в основу ответственности должника, по его мнению, бесполезно и бессмысленно, так как психологическое отношение должника к возникшему случайному неблагоприятному последствию не могло бы данное последствие предотвратить [13, с. 16–18].

Стоит отметить обоснованность критических замечаний, высказанных исследователями в адрес субъективной концепции риска. В настоящее время в условиях рыночных

взаимоотношений риск действительно регулируется гражданским законодательством в весьма разнообразных проявлениях, не ограничиваясь лишь нормами, посвященными гражданско-правовой ответственности. Однако, по мнению автора, не стоит признавать субъективную концепцию риска полностью ошибочной. Действительно, было бы неправильным признавать ее в качестве универсальной, учитывая все многообразие рисков. Но для некоторых гражданско-правовых институтов субъективная концепция риска в какой-то степени является вполне себе применимой и уместной. В частности, это касается основанных на риске правоотношений, возникающих из организации и проведения азартных игр и пари.

Как известно, общая суть азартных игр или пари состоит в том, что одно лицо (участник) заключает соглашение с другим лицом (организатор) путем передачи ему денежных средств или иного имущества (ставка) с целью приобретения участником вероятности получения дохода, превышающего стоимость внесенной им ставки, при этом указанная вероятность зависит исключительно от случайных событий, которые находятся вне контроля сторон сделки. В данном случае над участником игры или пари висит риск понесения им имущественных убытков, выражающийся в потере внесенной им ставки, при этом опасность возникновения указанных убытков носит объективный характер. Однако участник игры и пари, заключая соответствующее соглашение, осознает вероятность наступления для него неблагоприятных последствий имущественного характера и допускает вероятность их возможного возникновения. Таким образом, сущность риска в играх и пари в целом соответствует ее описанию, предлагаемому представителями субъективной концепции риска.

И, наконец, существует дуалистическая (смешанная) концепция риска, возникшая в результате попыток примирения между собой позиций и мнений, изложенных в рамках объективной и субъективной концепций. Риск в видении сторонником данной концепции представляет собой существующую в объективной действительности опасность наступления вреда, в то же время соединенную с внутренним, субъективным осознанием наступления неблагоприятных последствий.

Так, согласно позиции И. А. Волковой риск есть «опасность, объективно существующая возможность наступления вредных последствий в результате объективного случая, выражающаяся в осознанном предвидении отрицательных, в том числе невозместимых, имущественных последствий. Предвидение невыгодных последствий от возможного результата таких действий (событий) означает принятие последствий этих действий на себя» [14, с. 20].

Объединение объективного и субъективного в сущности риска также провозглашается Д. А. Архиповым, который, говоря о так называемых «договорных» рисках, видит их как основанную на договоре возможность появления у какой-либо из сторон договорного правоотношения убытков либо же других негативных последствий имущественного характера, которые не могут быть предотвращены при проявлении той степени заботливости и осмотрительности, какая требуется от обеих сторон по характеру договора и условиям оборота [13, с. 16–18].

О. Г. Кораблев полагает, что риск связан с расчетом вероятности исхода выбора субъекта гражданских правоотношений, что отражает субъективную сущность риска, но при этом риск обладает и чертами объективности, так как через него отображаются имеющиеся в окружающей действительности явления и действия. В свою очередь, отрицание субъективного или объективного начала в сущности риска, по его мнению, нецелесообразно. Так, если рассматривать риски исключительно в качестве обстоятельств, наступление которых никоим образом не зависит от воли субъектов гражданских правоотношений, то в таком случае не будут учтены действия указанных субъектов, способствующие появлению неблагоприятных последствий. Кроме того, гражданскому законодательству известно немного рисков, возникновение которых не связано с субъективными факторами. Игнорирование же объективных начал в сущности риска также не представляется правильным, ведь неблагоприятные

последствия воплощаются в объективной действительности и имеют вполне себе выраженную форму [15, с. 14-16].

По итогам изучения концепций гражданско-правового риска можно убедиться в том, что определения риска, предлагаемые объективной и субъективной концепциями, могут характеризовать отдельные виды гражданско-правовых рисков, представленные в нормах гражданского законодательства. Однако использование их в качестве общего определения риска в целом, по мнению автора, не является корректным. Позиции, изложенные как в рамках объективной, так и в рамках субъективной концепции, представляют риск лишь в одной плоскости (объективно существующей опасности, внутреннего отношения субъекта к совершаемым им действиям), не учитывая в полной мере его содержательного наполнения. Поэтому наиболее обоснованной и подходящей для формирования общего определения риска является дуалистическая концепция, которая учитывает в себе воззрения двух других концепций, гармонично соединяя их внутри себя, что в конечном итоге позволяет всесторонне и глубже исследовать сущность риска в гражданском праве.

Наконец, при формировании определения риска в гражданском праве нельзя не коснуться вопроса назначения правовых норм, регулирующих рискованные правоотношения. К настоящему времени в отечественной цивилистике существует позиция, в соответствии с которой целью правового регулирования гражданско-правовых рисков является их распределение между участниками гражданских правоотношений. При этом, учитывая, что при указанном распределении негативные последствия обычно возлагаются на одну из сторон гражданского правоотношения, распределение должно осуществляться в соответствии с критериями справедливости и соблюдения равновесия между общественными и частными интересами. Так, В.В. Абрамов отмечает, что задачей гражданского права при разрешении вопросов, связанных с риском, является выявление и правильное правовое регулирование его последствий, что, в свою очередь, позволяет достичь таких целей, как закрепление баланса частных и социальных интересов в имущественных правоотношениях, обеспечение комфортных условий для осуществления экономической деятельности, повышение стабильности гражданского оборота [16, с. 34].

Д.В. Лубягина, в свою очередь, отмечает необходимость признания за отечественным гражданским правом дистрибутивной (распределительной) функции, аргументируя это повсеместным присутствием риска практически во всех общественных отношениях, регулируемых нормами гражданского права, а также тем, что входящие в состав предмета гражданского права имущественные правоотношения потенциально подвержены вероятности возникновения убытков, поэтому право не может игнорировать вопросы регулирования потенциальной вероятности возникновения имущественных потерь [2, с. 20].

В контексте данной мысли А.Г. Мартиросян разработал целую теоретико-правовую концепцию распределения рисков в праве. В общих чертах она заключается в том, что методы воздействия норм гражданского права, распределяющих риски, носят императивно-диспозитивный характер в силу прочной связи частных и публичных интересов, на которые воздействуют риски. Императивное регулирование реализуется посредством таких способов, как возложение неблагоприятных последствий на конкретное лицо, установление обязательного страхования, закрепление повышенной или ограниченной ответственности. Диспозитивность же выражается с помощью установления в законе возможности договорного урегулирования вопросов распределения риска, а также возможности использования таких абстрактных категорий, как справедливость, заботливость, добросовестность [17, с. 101-102].

Стоит отметить, что содержание правовых норм, регулирующих гражданско-правовые риски, действительно указывает на их распределительный характер. При этом преимущественно указанное распределение выражается в возложении риска на конкретного участника гражданских правоотношений. Так, общими правилами о переходе риска случайной гибели

товара (п. 1 ст. 459 ГК РФ) установлено, что с момента исполнения продавцом обязанности по передаче товара на покупателя возлагаются все риски, связанные с возможным случайным ущербом или гибелью товара. В данном случае риск распределен путем его переключивания в полном объеме на покупателя при условии передачи ему товара.

Более наглядное подтверждение распределительной функции правовых норм, регулирующих риски, можно найти в нормах ГК РФ, посвященных подрядным правоотношениям, где статья 705 ГК РФ, регулирующая вопросы несения риска случайной гибели результата работы или материалов, оборудования, используемых при создании результата работы, носит название «Распределение рисков между сторонами». Аналогичное название имеет статья, регламентирующая распределение рисков при исполнении договора строительного подряда (ст. 741 ГК РФ).

Возложение риска на кого-либо из участников гражданского правоотношения также применяется в нормах ГК РФ о риске последствий несообщения лицом своим кредиторам и (или) должникам о перемене своего имени (п. 2 ст. 19 ГК РФ), неполучения юридическим лицом юридически значимых сообщений (п. 3 ст. 54 ГК РФ), убытков участников юридических лиц (параграф 2 ГК РФ) и др.

Подводя итог, следует сказать, что при всем многообразии рисков, воздействующих на различные правоотношения, урегулированные нормами гражданского права, все они при этом обладают общими признаками, на основе которых возможно формирование общего определения риска как гражданско-правовой категории. По мнению автора, в целом под риском в гражданском праве следует понимать вероятность возникновения объективно существующих и (или) допускаемых субъектом гражданских правоотношений неблагоприятных последствий, посягающих на его имущественные и (или) личные неимущественные отношения. При этом задачей права в данном случае является справедливое распределение рисков, учитывающее как частные интересы субъектов конкретных правоотношений, так и общественные интересы участников гражданского оборота в целом.

Стоит сказать, что помимо вопроса об определении гражданско-правового риска в настоящее время существует еще много других неразрешенных проблем в области изучения риска в гражданском праве. Не в полной мере ясным остается вопрос соотношения риска с ответственностью и категорией вины в гражданском праве. В дополнительном изучении нуждается специфика отдельных видов гражданско-правовых рисков. Дальнейшее теоретико-правовое осмысление необходимо и в отношении заложенного в действующее гражданское законодательство механизма распределения рисков, критериев и способов указанного распределения. Разрешение указанных вопросов на теоретическом уровне в дальнейшем может привести к соответствующим изменениям в гражданском законодательстве, что в конечном итоге приведет к повышению уровня защищенности участников гражданских правоотношений от последствий риска, и, соответственно, к большей стабильности гражданского оборота.

Список источников

1. Жунина Н. И. Основные подходы к определению категории «риск» в гражданском праве // Право и политика. 2012. № 4. С. 788–793.
2. Лубягина Д. В. Риск в гражданском праве: Монография. М.: Проспект. 2016. 65 с.
3. Толковый словарь Даля / URL: <https://enc-dic/com/dal/Riscovat-36150.html> (дата обращения: 29.08.2023).
4. Толковый словарь Ожегова / URL: <https://enc-dic/com/ozhegov/Riscovat-30339.html> (дата обращения: 29.08.2023).

5. Stanford Encyclopdia of Philosophy / URL: <http://plato.stanford.edu> (дата обращения: 29.08.2023).
6. Архипов Д.А. Возложение на предпринимателя неблагоприятных последствий случая в обязательствах из договора (теоретическое осмысление новеллы п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ) // *Хозяйство и право*. 2002. № 12. С. 46–61.
7. Перетерский И. С., Новицкий И. Б. Римское частное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2023. 442 с.
8. Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах юридической ответственности // *Правоведение*. 1968. № 1. С. 49–57.
9. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Госюриздат. 1966. 200 с.
10. Пастухий О. А. Категория риска в советском гражданском праве // *Гражданское право и способы его защиты*. Свердловск: СГУ. 1974. Вып. 33. С. 47–65.
11. Ойгензихт В. А. Категория «риска» в советском гражданском праве // *Правоведение*. 1971. № 5. С. 64–70.
12. Садилов О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации М.: Статут, 2009. 219 с.
13. Архипов Д. А. Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
14. Волкова И. А. Страхование предпринимательского риска в гражданском праве России: монография. Волгоград. 2006. 146 с.
15. Кораблев О. Г. Риск в предпринимательской деятельности: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.
16. Абрамов В. В. Категория «риск» в гражданском праве // *Гражданское право*. 2013. № 6. С. 30–34.
17. Мартиросян А. Г. Категория риска в гражданском праве Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2014. 214 с.

References

1. Zhunina N. I. The main approaches to the definition of the category «risk» in civil law. *Law and politics*. 2012;(4):788–793. (In Russ.)
2. Lubyagina D. V. *Risk in Civil Law: Monograph*. Moscow: Prospect; 2016. 65 p. (In Russ.)
3. *Explanatory Dictionary by Dahl*. Available from: <https://enc-dic/com/dal/Riscovat-36150.html> [Accessed 29 August 2023]. (In Russ.)
4. *Explanatory Dictionary by Ozhegov*. Available from: <https://enc-dic/com/ozhegov/Riscovat-30339.html> [Accessed 29 August 2023]. (In Russ.)
5. *Stanford Encyclopdia of Philosophy*. Available from: <http://plato.stanford.edu>. [Accessed 29 August 2023]. (In Russ.)
6. Arkhipov D. A. Imposition on the entrepreneur of the adverse consequences of the event in obligations from the contract (theoretical understanding of the novel, clause 3, article 401 of the Civil Code of the Russian Federation). *Economy and Law*. 2002;(12):46–61. (In Russ.)
7. Peretersky I. S., Novitsky I. B. *Roman private law: textbook for universities*. Moscow: Yurait Publishing House; 2023. 442 p. (In Russ.)
8. Sobchak A. A. On some controversial issues of legal responsibility. *Jurisprudence*. 1968;(1):49–57. (In Russ.)
9. Krasavchikov O. A. *Compensation for damage caused by a source of increased danger*. Moscow: Gosjurizdat; 1966. 200 p. (In Russ.)
10. Pastukhy O. A. Category of risk in Soviet civil law. In: *Civil law and methods of its protection*. Sverdlovsk: SGU; 1974. Issue 33:47–65. (In Russ.)

11. Eugenzicht V. A. The category of "risk" in Soviet civil law. *Jurisprudence*. 1971;(5):64–70. (In Russ.)
12. Sadikov O. N. *Losses in the civil law of the Russian Federation*. Moscow: Statute; 2009. 219 p. (In Russ.)
13. Arkhipov D. A. *Legal criterion for the distribution of contractual risks in civil law*: Abstract of the thesis. dis. cand. legal sciences. Moscow; 2011. 29 p. (In Russ.)
14. Volkova I. A. *Business risk insurance in civil law of Russia*: monograph. Volgograd; 2006. 146 p. (In Russ.)
15. Korablev O. G. *Risk in entrepreneurial activity*: Abstract of the thesis. dis. cand. legal sciences. Moscow; 2010. 28 p. (In Russ.)
16. Abramov V. V. Category "risk" in civil law. *Civil law*. 2013;(6):30–34. (In Russ.)
17. Martirosyan A. G. *Category of risk in the civil law of the Russian Federation*: dis. cand. legal sciences. Moscow; 2014. 214 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Г. Замай – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. G. Zamay – Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 21.12.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 21.12.2023.

Аксиология гражданско-правовой субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица при его несостоятельности (банкротстве) в парадигме философии права

Георгий Сергеевич Шурляков

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, eg.shurlyakov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-6518-3076>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена сложностью его предмета, в качестве которого выступают ценностные аспекты субсидиарной ответственности контролирующих лиц при несостоятельности (банкротстве) должника-юридического лица.

Целью является определение социальной значимости указанной гражданско-правовой субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица при его несостоятельности с точки зрения аксиологии.

Методология исследования – диалектический метод познания в рамках материалистического подхода в сочетании с частнонаучными методами познания социальных и правовых явлений: анализа и синтеза, наблюдения и сравнения.

Результаты исследования – на основании проведенного исследования определены и охарактеризованы внешние и внутренние ценности субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве юридического лица.

Область применения результатов: положения и выводы анализа данной проблемы могут использоваться в правотворческой и правоприменительной практике соответствующих правоположений, деятельности коммерческих юридических лиц, а также учебном процессе подготовки юристов, в том числе в системе повышения квалификации практических работников.

Новизна исследования заключается в предметном анализе ценностно-правового аспекта субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве юридического лица.

Выводы: в результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: в ценностном аспекте, с точки зрения внутренних ценностей, при применении субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица в ракурсе его банкротства на первый план выступают имущественные интересы кредиторов должника, а внешним выражением её ценности выступает достижение ряда целей, среди которых, в том числе предупреждение противоправной деятельности, наказание виновного лица и восстановление нарушенного правопорядка.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, субсидиарная ответственность, должник – юридическое лицо, контролирующее должника лицо, несостоятельность, банкротство, правовая природа субсидиарной ответственности, виды гражданско-правовой субсидиарной ответственности, аксиологический подход

Для цитирования: Шурляков Г. С. Аксиология гражданско-правовой субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица при его несостоятельности (банкротстве) в парадигме философии права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 126–132. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-126-132>. EDN LCIDDX

Axiology of civil subsidiary liability controlling persons of a debtor – a legal entity in the event of its insolvency (bankruptcy) in the paradigm of legal philosophy

Georgy S. Shurlyakov

Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia, eg.shurlyakov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-6518-3076>

Abstract. The relevance of the research is conditioned by the complexity of its subject, which is the value aspects of subsidiary liability of controlling persons in insolvency (bankruptcy) of a legal debtor; the goal is to determine the social significance of the specified civil subsidiary liability of the controlling persons of the debtor – a legal entity in the event of its insolvency from an axiological point of view; research methodology – a dialectical method of cognition within the framework of a materialistic approach in combination with private scientific methods of cognition of social and legal phenomena: analysis and synthesis, observation and comparison; research results – based on the research, the external and internal values of subsidiary liability of controlling persons in the event of bankruptcy of a legal entity were identified and characterized; scope of application of the results – the provisions and conclusions of the analysis of this problem can be used in the law-making and law enforcement practice of the relevant legal provisions, the activities of commercial legal entities, as well as the educational process of training lawyers, including in the system of advanced training for practitioners; the novelty of the study lies in the substantive analysis of the value-legal aspect of the subsidiary liability of controlling persons in the event of bankruptcy of a legal entity; conclusions – as a result of the study, the author came to the following conclusions: in the value aspect, from the point of view of internal values, when applying the institution of subsidiary liability of the controlling persons of the debtor – a legal entity from the perspective of its bankruptcy, the property interests of the debtor's creditors come to the fore, and external the expression of its value is the achievement of a number of goals, including the prevention of illegal activities, the punishment of the guilty person and the restoration of broken law and order.

Keywords: civil liability, subsidiary liability, debtor – a legal entity, a person controlling the debtor, insolvency, bankruptcy, legal nature of subsidiary liability, types of civil subsidiary liability, axiological approach

For citation: Shurlyakov G. S. Axiology of civil subsidiary liability controlling persons of a debtor – a legal entity in the event of its insolvency (bankruptcy) in the paradigm of legal philosophy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):126–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-126-132>. EDN LCIIDX

Научное познание определяется как процесс, развивающаяся система знаний, которая имеет два основных уровня – теоретический и эмпирический [1, с. 122]. Однако по мнению С. А. Лебедева, сегодня нужно говорить о третьем уровне научного знания – «метатеоретическом уровне», который содержит в себе «философские основания науки» и «общенаучное знание» [2, с. 70].

Общенаучное знание, как отмечает профессор Ю.Г. Ершов, образуется «общенаучной картиной мира» и рядом принципов, в число которых входят и «аксиологические принципы». При этом уровень аксиологических принципов включает в себя «внутренние» и «внешние ценности её практической полезности» [1, с. 134]. Значение данного уровня состоит в том, что благодаря нему мы можем проанализировать, понять и оценить научное исследование.

Изучение субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам должника – юридического лица при его несостоятельности (банкротстве) имеет важное аксиологическое значение. Дополнительная ответственность является одним из выражений юридической ответственности, которая представляет собой один из системообразующих элементов правовой системы в целом. По верному замечанию С. И. Коданевой, юридическая ответственность «находит свое отражение на всех ее уровнях [уровнях правовой системы] и выступает в качестве базового начала для правовой реальности, эффективным механизмом ее существования (статике) и функционирования (динамики)» [3, с. 29], в том числе гражданского права. «Система... мер юридической ответственности, степень их адекватности и конкретности... являются показателем существующего уровня правовой культуры и правосознания... государства», – пишут А. В. Малько и Р. С. Маркунин [4, с. 12].

В российском праве субсидиарная ответственность является дополнительной по отношению к ответственности, которую несёт перед потерпевшим основной правонарушитель. Она призвана дополнить его ответственность, усиливая защиту интересов потерпевшего. Субсидиарная гражданско-правовая ответственность может возникать вследствие неисполнения должником как договорного, так и внедоговорного обязательств. Говоря о субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц, Е. А. Суханов, по сути, относит ее к внедоговорной или, другими словами, к ответственности по внедоговорным обязательствам [5, с. 451]. Между тем, по классификации Е. Е. Богдановой, субсидиарная ответственность при несостоятельности (банкротстве) является статутной [6, с. 51], поскольку она связана с ответственностью учредителей (участников) либо собственника имущества юридического лица по обязательствам такого юридического лица.

Несмотря на то, что Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) в основе субъектного состава лиц, именуемых контролирующими должника, в ст. 61.10 указывает на учредителей и руководителя должника, имеющих фактическую возможность влиять на принятие должником решений или, иными словами, давать обязательные к исполнению указания, не каждый учредитель (участник) может реально влиять на деятельность должника. Очевидно, что влияние участника, обладающего более чем 50 процентами доли в уставном капитале должника с формальной точки зрения куда выше нежели степень влияния участника, обладающего всего 5-10 процентами голосов. При этом возможна и обратная ситуация, когда лицо, в принципе не входящее в состав учредителей (участников) должника осуществляет фактический контроль над должником через номинального руководителя должника. В связи с этим термин «статутная ответственность», о которой говорит Е. Е. Богданова, не отражает сущности субсидиарной ответственности при банкротстве должника, так как сужает круг потенциальных контролирующих должника лиц. Ведь правовую основу деятельности юридических лиц могут составлять разные виды учредительных документов: устав, учредительный договор, типовой устав (п. 1, 2 ст. 52 ГК РФ). Поэтому «решить вопрос о виде субсидиарной ответственности участников юридических лиц можно традиционно – учитывая только характер «внутренних» отношений: она будет иметь договорный характер – при наличии соглашения или внедоговорный – при его отсутствии» [7, с. 53].

Определяя правовую природу гражданско-правовой субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника – юридического лица, её можно отнести к деликтной ответственности, так как в основе субсидиарной ответственности лежат составы правонарушений, предусмотренных ст. 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве.

В то же время в отличие от ответственности за деликт размер субсидиарной ответственности при банкротстве может, как отмечает Е. Е. Евтеев, быть установлен как в полном

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.05.2023). Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2023. № 24. Ст. 4388.

объёме, так и в частичном в зависимости от иных обстоятельств дела о несостоятельности (банкротстве) должника-юридического лица [8, с. 179]. Изложенная позиция соответствует норме, закрепленной в п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве, предусматривающей возможность уменьшить размер субсидиарной ответственности в том случае, если «размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине этого лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого контролирующего должника лица».

Однако независимо от доктринального определения правовой природы субсидиарной ответственности, основной целью субсидиарной ответственности при банкротстве юридического лица, как неоднократно отмечал Верховный Суд Российской Федерации, является возмещение вреда, причиненного кредиторам несостоятельного должника-юридического лица действиями контролирующих должника лиц¹. Поэтому неудивительно, что в определении Верховного Суда РФ от 22.05.2017 № 304-ЭС17-1258 по делу № А03-6689/2016 сформирована следующая позиция: «По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на способствование достижению названной цели»².

В связи с этим здесь уместно привести выражение И. Канта о том, что «... без людей все творение было бы пустыней, существующей напрасно и без конечной цели» [9]. Именно поэтому нормы Закона о банкротстве и позиция Верховного Суда РФ о субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица при его несостоятельности (банкротстве) в качестве основной цели ее реализации определяют защиту прав и интересов кредитора(ов).

В ценностном аспекте при применении субсидиарной ответственности на первый план выдвинуты имущественные интересы кредиторов должника, как наиболее пострадавших субъектов от действий или бездействия контролирующих должника лиц. При этом, разделяя подход Ю. Г. Ершова к вычленению отдельных уровней аксиологических принципов, есть основания полагать, что ценность субсидиарной ответственности является «внутренней» с точки зрения направленности на регулирование интересов внутри группы лиц «должник-кредитор-контролирующее должника лицо».

Вместе с тем не следует забывать о том, что наличие цели по восстановлению нарушенных прав кредиторов, не нарушает и базовых конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью общества (ст. 2 Конституции России). На это обстоятельство указывают «Общие принципы привлечения контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», представленные в первом разделе Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53: «Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов»³.

При этом, как верно, со ссылкой на судью Конституционного суда России Н. С. Бондаря, отмечает А.И. Иванников: «Аксиология конституционных норм в России проецируется и на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.» [10, с. 68], предопределяющая

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 (2) дело № А40-203647/2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.05.2017 № 304-ЭС17-1258 дело № А03-6689/2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

³ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53. [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

аксиологию субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц. Так, Конституционный Суд РФ в определении от 23.03.2010 № 380-О-О указывал, что «сами по себе положения статьи 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» об обязанности руководителя должника в случае наличия установленных законом оснований обратиться с заявлением должника в арбитражный суд направлены на защиту интересов кредиторов в деле о банкротстве и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права граждан»¹.

Говоря о «внешнем» выражении ценностей (практической полезности, роли в экономике и т. д.), следует отметить, что существование субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве направлено на достижение ряда целей: «предупреждение противоправной деятельности [в экономической сфере жизни общества], наказание виновного, восстановление нарушенного правопорядка, воспитание, взаимный контроль за поведением граждан и должностных лиц» [3, с. 33], что в итоге обеспечивает стабильность правопорядка в стране. В частности, в Постановлении от 19.12.2005 № 12-П Конституционный Суд РФ отметил, что «в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и служит публично-правовой целью института банкротства. В целом правовое регулирование отношений в области банкротства основывается, помимо прочего, на положениях статей 8, 17, 19, 34 и 35 Конституции Российской Федерации, а сам этот институт выступает рыночным механизмом оздоровления российской экономики»².

Следовательно, субсидиарная ответственность контролирующих лиц в рамках дела о банкротстве должника-юридического лица с точки зрения аксиологического подхода подразумевает, с одной стороны, направленность на защиту имущественных интересов группы лиц, именуемых кредиторами, а, с другой стороны, не нарушая личных прав и интересов контролирующих должника лиц, гарантированных Конституцией России, для предупреждения нарушений в сфере экономической деятельности субъектов предпринимательской деятельности и оздоровления экономики в целом.

Нельзя не обратить внимание на то, что ряд исследователей [11, с. 13] утверждает, что отечественная модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам должника – юридического лица при его несостоятельности является аналогом западной доктрины «снятия корпоративной вуали», сущность которой заключается в игнорировании самой по себе конструкции юридического лица, которая предполагает ограничение личной ответственности его учредителей и участников, признание юридического лица в качестве юридической фикции или альтер-эго учредителей (участников) [8, с. 21]. В этой связи необходимо, однако, отметить, что, несмотря на внешнее сходство, отечественная модель в целом не переняла западных ценностей, имеет свою собственную ценностную основу, заложенную в Конституции Российской Федерации, положения которой, в том числе о защите прав, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ³ и доктрине отечественной юриспруденции [12–17], распространяются на юридические лица сообразно их социальной природе.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 380-О-О. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

² По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2005 № 12-П. [Электронный ресурс]. URL: <https://ksrf.ru/ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

³ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 № 17-П, от 17.12.1996 № 20-П, от 12.10.1998 № 24-П, от 18.07.2012 № 19-П, от 20.02.2001 № 3-П. [Электронный ресурс]. URL: <https://ksrf.ru/ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

В России защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется; каждый вправе их защищать всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ). В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Требование о привлечении к субсидиарной ответственности, в том числе контролирующих лиц должника – юридического лица является типизированным иском о возмещении причиненного вреда, на что прямо указывает Верховный Суд России в Определении от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 (2)¹.

Список источников

1. Ершов Ю. Г. Введение в философию и методологию науки: учебное пособие. Екатеринбург, УИУ РАНХиГС при Президенте РФ. Изд. 3-е., исправленное и дополненное / Под общей ред. проф. Ю. Г. Ершова; Ю. Г. Ершов, В. А. Антошин, В. А. Ашимова, Д. В. Нежданов. Екатеринбург, 2018. 368 с.
2. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62–75.
3. Коданева С. И. Юридическая ответственность в современной юридической доктрине // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. 2020. № 4. С. 28–32.
4. Малько А. В., Маркунин Р. С. Правовая система общества и юридическая ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень, 2020. № 2(52). С. 6-13.
5. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.
6. Богданова Е. Е. Субсидиарная ответственность // Проблемы теории и практики. М.: Приор-издат. 2003. 112 с.
7. Вдовин И.О. Проблемы классификации субсидиарной ответственности в доктрине гражданского права // Вестник магистратуры. 2020. № 1-4 (100). С. 53–55.
8. Евтеев Е.И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дис. ...канд. юрид. наук. Специальность 12.00.03. М., 2017. 190 с.
9. Кант И. Сочинения: в 8 т. М.: Мысль, 1994. Т. 5. 560 с.
10. Иванников А. И. Аксиологический аспект юридической ответственности // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. 2017. Т. 4. № 1. С. 64–70.
11. Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.
12. Фогельсон Ю.Б. О конституционной защите прав юридических лиц // Государство и право. 1996. № 6. С. 37–41.
13. Кузнецов В. Конституция и права юридических лиц // Российская юстиция. 1997. № 4. С. 38-41.
14. Солдатов В. В. Конституционные права юридических лиц как предмет защиты в Конституционном Суде РФ // Современное право. 2007. № 9(1). С. 31-32.
15. Рывкин К. А. Юридические лица как носители основных прав: российская и европейская практика // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 30–39.
16. Кузьмин А. Г. Юридические лица как субъекты конституционно-правовых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: ЮУрГУ, 2011. 31 с.
17. Зыкова И.В. Особенности юридического лица, как субъекта конституционных правоотношений // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 13–15.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 (2) дело № А40-203647/2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

References

1. Ershov Y. G. *Introduction to the philosophy and methodology of science: study guide. Ekaterinburg, UIU RANHIGS under the President of the Russian Federation. Ed. 3rd, corrected and supplemented.* [under the general editorship of Prof. Y.G. Ershov; Y.G. Ershov, V.A. Antoshin, V.A. Ashimova, D.V. Nezhdanov]. Yekaterinburg; 2018. 368 p. (In Russ.)
2. Lebedev S. A. Levels of scientific knowledge. *Voprosy filosofii.* 2010;(1):62–75. (In Russ.)
3. Kodaneva S. I. Juridical responsibility in modern legal doctrine. *Social and humanitarian sciences. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Series 4, State and Law.* 2020;(4):28–32. (In Russ.)
4. Malko A. V., Markunin R. S. Legal system of society and juridical responsibility. *Juridical science and law enforcement practice.* Tyumen; 2020(2(52)):6–13. (In Russ.)
5. *Russian civil law: Textbook: In 2 vol. Vol. I: General part. Proprietary law. Inheritance law Intellectual rights. Personal non-property rights.* - Edited by E.A. Sukhanov, 2nd edition, stereotype, Moscow: Statut; 2011. 958 p. (In Russ.)
6. Bogdanova E.E. *Subsidiary responsibility. Problems of theory and practice.* Moscow: Prior-Izdat; 2003. 112 p. (In Russ.)
7. Vdovin I. O. Problems of classification of subsidiary liability in the doctrine of civil law. *Bulletin of the magistracy.* 2020;(1-4 (100)):53–55. (In Russ.)
8. Evteev E. I. *Subsidiary liability of controlling debtor in cross-border insolvency (bankruptcy): Cand. of Juridical Sciences. Specialty 12.00.03.* Moscow; 2017. 190 p. (In Russ.)
9. Kant I. *Works: in 8 vol. Vol. 5.* Moscow; 1994. 560 p. (In Russ.)
10. Ivannikov A. I. Axiological aspect of legal responsibility. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University.* 2017;4(1):64–70. (In Russ.)
11. Egorov A.V., Usacheva K.A. Subsidiary responsibility for bringing to bankruptcy - an unsuccessful equivalent of the western doctrine of removal of corporate cover. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.* 2013;(12):6-61. (In Russ.)
12. Fogelson Y. B. On the constitutional protection of the rights of legal entities. *State and Law.* 1996;(6):37-41. (In Russ.)
13. Kuznetsov V. Constitution and rights of legal entities. *Russian Justice.* 1997;(4):38-41. (In Russ.)
14. Soldatov V. V. Constitutional rights of legal entities as a subject of protection in the Constitutional Court of the Russian Federation. *Modern Law.* 2007;9(1):31–32. (In Russ.)
15. Ryvkin K. A. Legal entities as bearers of fundamental rights: Russian and European practice. *Journal of Russian law.* 2007;(11):30–39. (In Russ.)
16. Kuzmin A. G. Legal entities as subjects of constitutional-legal relations: Abstract. dis. .... Cand. Sci. (Law). Chelyabinsk; 2011. 31 p. (In Russ.)
17. ; Zytkova I. V. Features of a legal entity as a subject of constitutional legal relations. *Gaps in Russian legislation.* 2013;(5):13-15. (In Russ.)

Информация об авторе

Г. С. Шурляков – аспирант кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

G. S. Shurlyakov – Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Process of the Ural Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

Проблемы института дознания в сокращенной форме: современное состояние и перспективы развития

Ольга Николаевна Лазаренко¹, Оксана Николаевна Лаврова^{2,3}

¹Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск, Россия, lazarenko-on@ranepa.ru

²Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, ok.selednikova@rambler.ru

³Международный юридический институт, Москва, Россия

Аннотация. В настоящее время актуальным является вопрос о рационализации и оптимизации уголовного судопроизводства, усовершенствования правовых норм, регулирующих производство дознания в сокращенной форме. Учеными продолжается научная дискуссия о восприятии сокращенного дознания как самостоятельной процессуальной формы. В статье рассмотрены различные точки зрения на порядок проведения дознания в сокращенной форме при условии признания подозреваемым своей вины, а также мнения ученых на отказ от сокращенного дознания и введения вместо него протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Ключевые слова: дознание, сокращенная форма, подозреваемый, уголовное дело, процессуальная форма, стадия возбуждения уголовного дела, сроки производства дознания в сокращенной форме

Для цитирования: Лазаренко О. Н., Лаврова О. Н. Проблемы института дознания в сокращенной форме: современное состояние и перспективы развития // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 133–141. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-133-141>. EDN WXSFSF

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

Problems of the institute of inquiry in abbreviated form: current state and prospects of development

Olga N. Lazarenko¹, Oksana N. Lavrova^{2,3}

¹Smolensk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Smolensk, Russia, lazarenko-on@ranepa.ru

²Moscow Regional branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, ok.selednikova@rambler.ru

³International Law Institute, Moscow, Russia

Abstract. Currently, the issue of rationalization and optimization of criminal proceedings, improvement of legal norms regulating the production of inquiry in an abbreviated form is relevant. Scientists continue a scientific discussion about the perception of a shortened inquiry as an independent procedural form. The article discusses various points of view on the procedure for conducting an inquiry

in an abbreviated form, provided that the suspect admits his guilt. As well as the opinions of scientists on the rejection of a shortened inquiry and the introduction of a protocol form of pre-trial preparation of materials instead.

Keywords: inquiry, abbreviated form, suspect, criminal case, procedural form, stage of initiation of criminal proceedings, terms of inquiry in abbreviated form

For citation: Lazarenko O. N., Lavrova O. N. Problems of the institute of inquiry in abbreviated form: current state and prospects of development. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):133-141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-133-141>. EDN WXSFSFSP

В связи с реформированием системы уголовно-процессуального права актуальным остается вопрос о рационализации и оптимизации уголовного судопроизводства, решение которого заключается, в том числе, в полноценной реализации правового института дознания в сокращенной форме, который позволяет правоприменителям избежать излишней формальности уголовно-процессуальной деятельности и нецелесообразной траты времени и ресурсов [1].

Так, к моменту введения ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ¹ в УПК РФ главы 32¹ продолжается научная дискуссия о восприятии сокращенного дознания как самостоятельной процессуальной формы, которую А. А. Сумин считает обусловленной потребностями практики [2, с. 6]. В то же время, Е. А. Доля полагает, что мотивы ее введения в уголовное судопроизводство неясны [3].

И. Г. Хисматуллин, А. В. Мурузиди, Д. С. Мужжавлева склоняются к необходимости полной ликвидации данной сокращенной дознания и введения вместо него протокольной формы досудебной подготовки материалов [4, с. 127–130; 5; 6, с. 303–307].

Л. М. Васильева, Б. Я. Гаврилов, Л. Ю. Канокова, Е. Ю. Самолаева считают существующую систему целесообразной, предлагая изменить в ней отдельные аспекты [7, с. 55–57; 8; 9; 10, С. 184–187].

Другая проблема, вызывающая научные споры, связана с проведением дознания в сокращенной форме при условии признания подозреваемым своей вины. А. Р. Белкину это представляется «странным». По мнению ученого, решение вопроса «о возбуждении сокращенного дознания зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [1, с. 19–22].

Т. А. Ильяшевич отмечает, что на первоначальном этапе расследования дознавателю может быть не очевиден факт признания подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, согласия с правовой оценкой деяния, указанной в постановлении о возбуждении уголовного дела [11].

А. А. Косых указывает на актуальность вопроса «о признании тех или иных действий убеждением, а не принуждением, и наоборот» [3].

Н. М. Журавлева обращает внимание на отсутствие правовой регламентации случаев, связанных с изменением правовой оценки деяния в условиях упрощенного порядка производства по уголовному делу, предлагая ликвидировать ее «привязку» к постановлению о возбуждении уголовного дела. В настоящее время в ситуации, когда по результатам проверки сообщения о преступлении невозможно однозначно описать и определить квалификацию совершенного преступления, правоприменители вынуждены прекращать дознание в сокращенной форме и продолжать его уже в общем порядке. Для разрешения указанной проблемы

---

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 19 февраля 2013 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 20 февраля 2013 г. // Российская газета. 2013. 6 марта.

автор предлагает изложить п. 2 ч. 1 ст. 226¹ УПК РФ в следующей редакции: «Подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает уголовно-правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела или измененную с учетом установленных в ходе дознания в сокращенной форме обстоятельств дела» [12].

А. Л. Аристархов полагает, что исключение из уголовно-процессуального законодательства обязанности дознавателя устанавливать все указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства является пробелом в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, поскольку подозреваемый, зачастую являясь юридически неграмотным, вынужден сам устанавливать обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания или исключить преступность и наказуемость деяния. В противном случае он будет привлечен к уголовной ответственности даже при наличии таковых [13].

А. В. Земскова и Т. А. Ильяшевич указывают на противоречие ч. 2 ст. 51 УПК РФ, в соответствии с которой участие защитника является обязательным с момента заявления подозреваемым ходатайства о производстве по уголовному делу в порядке главы 32¹ УПК РФ. При этом подозреваемый, не владеющий юридическими познаниями, не в состоянии самостоятельно объективно оценить вынесенное в отношении него постановление о возбуждении уголовного дела и может заявить такое ходатайство вопреки своим интересам [14].

А. Н. Колычева к существенным недостаткам дознания в сокращенной форме относит то обстоятельство, что при производстве дознания в сокращенной форме, формируя доказательственную базу по уголовному делу, дознаватель вправе опираться на сведения, полученные при проверке сообщения о преступлении (в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ), а это может повлечь смешивание процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [15].

Несмотря на убеждение А. П. Кругликова в том, что «стадия возбуждения уголовного дела превратилась в самое настоящее предварительное расследование, причем с участием адвоката и другими атрибутами» [16], Л. А. Ярыгина пишет о том, что это «не повод не допрашивать подозреваемого и ограничиваться получением от него объяснений в ходе процессуальной проверки» [17].

О. В. Мичурина высказывает опасение относительно того, что «право подозреваемого не проверять доказательства, в том числе признательные показания подозреваемого, является серьезным упущением законодателя и должно быть скорректировано надлежащим образом» [18].

Кроме того, авторы критикуют уголовно-процессуальную норму, предоставляющую потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому право на отказ от производства дознания в сокращенной форме как в ходе досудебного производства, так и в ходе судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, отмечая возможность умышленного затягивания участниками уголовного процесса сроков производства по делу [15; 19].

Необходимость получения согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме также вызывает возражение среди ученых-процессуалистов, поскольку право потерпевшего ограничивает право подозреваемого. Последний теряет преимущества, предоставляемые ему данной правовой формой (сокращение сроков предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, снижение максимального размера наказания) [19, с. 63–66].

В ходе проведенного Н. В. Лантух и А. Г. Рыжковым исследования установлено, что более ¼ случаев отказа в производстве дознания в сокращенной форме связаны с несогласием потерпевшего [20].

Кроме того, в ч. 1 ст. 226² УПК РФ содержится ограничение права самого потерпевшего, поскольку в ней отсутствует указание на право высказать такое согласие его законным представителем, что вступает в противоречие с ч. 3 ст. 226³ УПК РФ.

А. С. Александров и М. В. Лапатников видят в данной правовой норме ущемление публичного начала уголовного судопроизводства [21].

В связи с вышеизложенным, представляется обоснованным предложение Ю. В. Францифорова о необходимости заблаговременно сообщать потерпевшему об его праве высказать свою позицию по проведению производства сокращенного дознания, что будет способствовать защите прав и законных интересов как потерпевших, так и других участников уголовного процесса [22].

Неисполнение дознавателем обязанности собирать доказательства того, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104¹ УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) может привести к тому. Что по ряду уголовных дел, отнесенных законодателем к подсудности органов дознания, сделает невозможным применение судом конфискации имущества [23].

Еще одним из недостатков, отмечаемых исследователями, следует указать срок производства дознания в сокращенной форме. УПК РФ устанавливает срок сокращенного дознания в течение 15 суток. В тоже время, срок, в течение которого должно быть составлено обвинительное постановление по уголовному делу, ограничен 10 сутками. А. С. Иванова, отмечая нерациональное законодательное закрепление срока составления обвинительного постановления, пишет, что, исходя из буквального толкования уголовно-процессуального закона, оставшиеся 5 суток связаны с организационной и процессуальной деятельностью дознавателя (ознакомление обвиняемого, его защитника с материалами уголовного дела, направление материалов уголовного дела прокурору для принятия решения в порядке ст. 226⁸ УПК РФ). Автор полагает, что дознаватель должен сам разумно распределять время производства дознания в сокращенной форме [24].

Н. С. Диденко, Я. А. Шараева, Ю. П. Якубина отмечают, что приведенная в ст. 226⁹ УПК РФ регламентация судебного разбирательства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, противоречива. Так, приобщаемые к материалам уголовного дела в порядке ч. 3 ст. 226⁹ УПК РФ дополнительные данные о личности подсудимого могут учитываться только в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, однако ст. 60 УК РФ обязывает учитывать как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства. Указанное противоречие затрудняет вынесение судом законного, обоснованного и справедливого приговора [23, с. 34–38].

При рассмотрении проблем нормативного регулирования института сокращенного дознания следует отметить, что в главе 32¹ УПК РФ начальник подразделения дознания не указан в качестве субъекта, причастного к этому упрощенному производству по уголовному делу. Следовательно, можно предположить, что его полномочия реализуются только в рамках осуществления ведомственного процессуального контроля. Однако возникает вопрос о том, вправе ли он возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести по нему дознание в сокращенной форме, обладая при этом полномочиями дознавателя? Решение указанной проблемы возможно в уточнении редакции ч. 2 ст. 40¹ УПК РФ, в которой указать на возможность производства данным участниками уголовного процесса дознания в сокращенной форме.

Исследователи делают вывод о противоречивости правовой регламентации дознания в сокращенной форме, снижающих ее эффективность, и о необходимости изменения отдельных положений главы 32¹ УПК РФ, касающихся, в первую очередь, регулирования вопросов доказывания [25, с. 174–192].

Б. Я. Гаврилов указывает на необходимость возвращения протокольной формы досудебной подготовки материалов, что обусловлено необходимостью реализации осуществляемых государством законодательных мер по гуманизации уголовного закона, направленных на либерализацию ответственности за совершение отдельных видов преступлений, не представляющих значительной общественной опасности, включая возвращение в отечественное законодательство понятия уголовного проступка [26].

Н. Н. Гаас полагает, что перспектив развития у сокращенной формы дознания нет, поскольку для это придется подвергнуть изменению практически каждую правовую норму. Автору видится решение проблемы в интеграции сокращенного дознания в дознание, производимое в общем порядке, где целесообразно предусмотреть ускоренное производство лишь с небольшими особенностями в процессе дознания, не изменяя концепции в целом [27].

Т. К. Рябинина, отмечая нечеткость границ между дознанием и предварительным следствием, приходит к выводу о том, что дознание должно приближаться к розыскному виду деятельности, что позволит оперативно и эффективно решать возложенные на него задачи [28].

По мнению Т. А. Ильяшевич, в основу вносимых изменений должны быть положены принцип исключительности, позволяющий проводить упрощение только в отношении категории преступлений небольшой тяжести, принцип компенсации подозреваемому за упрощение процесса доказывания, реализующийся через рассмотрения уголовного дела судом в общем порядке, но с возможностью снижения наказания на 1/3 при добровольном возмещении причиненного им вреда, принцип компенсации потерпевшему за снижение размера наказания за счет полноценного возмещения причиненного ему вреда, установив срок такого производства до 10 суток со дня поступления сообщения о преступлении до направления уголовного дела прокурору [29, с. 296–297].

В заключение отметим, что С. И. Гирько, отвечая на вопрос о том, что происходит с уголовной-процессуальной формой дознания – прогресс или регресс, полагает, что в сравнении с протокольной формой досудебной подготовки материалов процедура дознания в сокращенной форме является новацией. В то же время, она не идеальна и нуждается в дальнейшей доработке и приведении в состояние, адекватное тем общественным отношениям и «вызовам», которые будут формироваться в России в перспективе [30, с. 75].

В связи с вышеизложенным, отметим, что перед наукой и практикой стоит важная задача усовершенствования правовых норм, регулирующих производство дознания в сокращенной форме, посредством системного подхода к его законодательному регулированию и практической реализации.

Список источников

1. Белкин А. Р. УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Часть VII. Возбуждение уголовного дела. 2-е изд., доп. М. : МГУПИ. 2013.
2. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 6.
3. Косых А. А. Убеждение в правовом регулировании общественных отношений: монография. Воронеж : Научная книга, 2017. 165 с.
4. Хисматуллин И. Г. Является ли дознание упрощенной формой расследования? // Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности : сб. науч. тр. по материалам междунар. научно-практ. конф., под общ. ред. Е. П. Ткачевой. В 4-х частях. Часть III. Белгород : ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. 160 с.
5. Мурузиди А. В. Протокольная форма дознания как возможная процессуальная форма производства при рассмотрении дел, подпадающих под категорию уголовных проступков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4(39). С. 51–56.

6. Мужжавлева Д. С. Реализация протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела в современных условиях // Актуальные проблемы публичного права : сб. науч. тр. всероссийской научно-практ. конф., гл. ред. О. Н. Дядькин. Владимир : ООО «Издательство «Шерлок-Пресс», 2020. 496 с.
7. Васильева Л. М. Плюсы и минусы существования дознания в сокращенной форме // Юридическая наука : традиции и инновации: сб. материалов междунар. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей; сост. Е. А. Макарова и др. Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2019. 313 с.
8. Гаврилов Б. Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 24–30.
9. Каноква Л. Ю. Дознание в сокращенной форме: проблемы и способы их решения // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1(140). С. 290–292.
10. Самолаева Е. Ю. О некоторых проблемах применения сокращенного дознания // Уголовно-процессуальное законодательство : связь времен : сб. науч. тр. всероссийской конф., гл. ред. А. В. Миронова. М : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. 248 с.
11. Ильяшевич Т. А. Разъяснение подозреваемому права на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме : убеждение или принуждение // Перспективы науки. 2016. № 7(82). 58–60.
12. Журавлева Н. М. Дознание в сокращенной форме: некоторые законодательного регулирования и возможные пути их решения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 89–90.
13. Аристархов А. Л. Трудности применения института дознания в сокращенной форме // Законность. 2016. № 12. С. 58–61.
14. Земскова А. В, Ильяшевич Т. А. Заявление ходатайства подозреваемым и потерпевшим при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 152–154.
15. Колычева А. Н. Производство дознания в сокращенной форме : учеб. пособие. Орел : Орловский юридический институт МВД России, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/07000482040> (дата обращения: 31.01.2024).
16. Кругликов А. П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–49.
17. Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ярыгина Лидия Александровна; М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева. Самара, 2017.
18. Мичурина О. В. Предварительное расследование: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 134–136.
19. Самолаева Е. Ю. К вопросу о реализации прав потерпевшего при производстве дознания в сокращенной форме // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сб. матер. междунар. научно-практ. конф., Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. 152 с.
20. Лантух Н. В., Рыжков А. Г. Дознание в сокращенной форме : монография. СПб. : Санкт-Петербургский университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. 132 с.
21. Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12–19.

22. Францифоров Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 146–150.

23. Диденко Н. С., Шараева Я. А., Якубина Ю. П. Некоторые проблемы, возникающие при применении упрощенных производств по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сб. материалов междунар. научно-практ. конф., отв. ред. Н. С. Диденко. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 224 с.

24. Иванова А. С. Дознание в сокращенной форме: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 179–182.

25. Зайцева Е. А., Митькова Ю. С., Сеидов М. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий : монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020. 300 с.

26. Гаврилов Б. Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 24–30.

27. Гаас Н. Н. Перспективы развития сокращенной формы дознания // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 44–46.

28. Рябинина Т. К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Российский следователь. 2013. № 19. С. 44–45.

29. Ильяшевич Т. А. Актуальные вопросы развития дознания в сокращенной форме // Уголовное судопроизводство : современное состояние и тенденции развития : сб. науч. тр. X ежегод. всероссийской конф. Сост. О. В. Химичева. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. 441 с.

30. Гирько С. И. Современное ускоренное дознание – шаг вперед или назад // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. № 1(3). Том 1. С. 68–76.

References

1. Belkin A. R. *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : constructive criticism and possible improvements*. Part VII. Initiation of a criminal case. 2nd ed., additional. Moscow: MGUPI; 2013. (In Russ.)

2. Sumin A. A. Shortened inquiry: the stillborn child of the reformers of the criminal process. *Advocate*. 2013;(6). (In Russ.)

3. Kosykh A. A. *Conviction in the legal regulation of public relations: monograph*. Voronezh: Scientific Book; 2017. 165 p. (In Russ.)

4. Khismatullin I. G. Is the inquiry a simplified form of investigation? In: *Modern problems of science, technology, innovation* : collection of scientific tr. based on the materials of the international scientific and practical conference, under the general editorship of E. P. Tkacheva. In 4 parts. Part III. Belgorod: LLC "Agency for Advanced Scientific Research"; 2017. 160 p. (In Russ.)

5. Muruzidi A. V. The protocol form of inquiry as a possible procedural form of production when considering cases falling under the category of criminal offenses. *Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences*. 2019;4(39):51–56. (In Russ.)

6. Muzhzhavleva D. S. Implementation of the protocol form of pre-trial preparation of criminal case materials in modern conditions. In: *Actual problems of public law : collection of scientific tr. of the All-Russian scientific and practical conference*, ch. ed. O. N. Dyadkin. Vladimir : LLC "Publishing house "Sherlock-Press"; 2020. 496 p. (In Russ.)

7. Vasilyeva L. M. The pros and cons of the existence of inquiry in an abbreviated form. In: *Legal science : traditions and innovations: collection of materials of the international scientific and practical conference of students, postgraduates and teachers*; comp. E. A. Makarova et al. Veliky Novgorod : Novgorodsky State University named after Yaroslav the Wise; 2019. 313 p. (In Russ.)

8. Gavrilov B. Ya. Shortened pre-trial proceedings: current state and ways of improvement. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(3):24–30. (In Russ.)
9. Kanokova L. Y. Inquiry in abbreviated form: problems and ways to solve them. *Eurasian Law Journal*. 2020;1(140):290–292. (In Russ.)
10. Samolaeva E. Yu. On some problems of using abbreviated inquiry. In: *Criminal procedure legislation : connection of times* : collection of scientific tr. of the All-Russian Conference, ch. ed. A.V. Mironov. Moscow : V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019. 248 p. (In Russ.)
11. Ilyashevich T. A. Explanation to the suspect of the right to apply for an inquiry in an abbreviated form: persuasion or coercion. *Prospects of Science*. 2016;7(82):58–60. (In Russ.)
12. Zhuravleva N. M. Inquiry in abbreviated form: some legislative regulations and possible solutions. *Actual problems of combating crimes and other offenses*. 2020;(20-1):89–90. (In Russ.)
13. Aristarkhov A. L. Difficulties of using the institute of inquiry in an abbreviated form. *Legality*. 2016;(12):58–61. (In Russ.)
14. Zemskova A. V., Ilyashevich T. A. Statement of petition to suspects and victims during the investigation in an abbreviated form. *Bulletin of Economic Security*. 2021;(2):152–154. (In Russ.)
15. Kolycheva A. N. *Production of inquiry in an abbreviated form* : textbook. stipend. Orel : Orlovsky Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021 [Electronic resource]. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/07000482040> [Accessed 31 January 2024]. (In Russ.)
16. Kruglikov A. P. Addition of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a new chapter on inquiry in an abbreviated form and some problems of differentiation of criminal proceedings. *The Russian justice system*. 2013;(7):45–49. (In Russ.)
17. Yarygina L. A. *Evidence in the production of an inquiry in an abbreviated form* : dis. ... cand. Jurid. Sciences : 12.00.09 / Yarygina Lidiya Alexandrovna; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Samara National University. research. S. P. Korolev University. Samara; 2017. (In Russ.)
18. Michurina O. V. Preliminary investigation: current state and prospects of development. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):134–136. (In Russ.)
19. Samolaeva E. Yu. On the issue of the realization of the rights of the victim during the investigation in an abbreviated form. In: *Actual problems of theory and practice of criminal procedure : collection of materials. International Scientific and Practical Conference*, Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2018. 152 p. (In Russ.)
20. Lantukh N. V., Ryzhkov A. G. *Inquiry in an abbreviated form* : monograph. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2016. 132 p. (In Russ.)
21. Alexandrov A. S., Lapatnikov M. V. Abbreviated inquiry: novelties of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the difficulties of their application. *Criminal procedure*. 2013;(4):12–19. (In Russ.)
22. Franciforov Yu. V. Ensuring the rights and legitimate interests of participants in the process of conducting an inquiry in an abbreviated form. *Judicial power and criminal procedure*. 2015;(4):146–150. (In Russ.)
23. Didenko N. S., Sharaeva Ya. A., Yakubina Yu. P. Some problems arising in the application of simplified proceedings under the criminal procedure legislation of the Russian Federation. In: *Actual problems of theory and practice of criminal procedure* : collection of materials of the international scientific and practical conference, ed. N. S. Didenko. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2021. 224 p. (In Russ.)
24. Ivanova A. S. Inquiry in an abbreviated form: problems and prospects. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(23):179–182. (In Russ.)
25. Zaitseva E. A., Mitkova Y. S., Seidov M. M. *Criminal procedural activity of the bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a sphere of implementation of control and supervisory functions* : monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020. 300 p. (In Russ.)
26. Gavrilov B. Ya. Shortened pre-trial proceedings: current state and ways of improvement. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(3):24–30. (In Russ.)

27. Gaas N. N. Prospects for the development of an abbreviated form of inquiry. *Actual problems of combating crimes and other offenses*. 2022;(22-1):44–46. (In Russ.)
28. Ryabinina T. K. Inquiry is an independent form of pre-trial proceedings. *A Russian investigator*. 2013;(19):44–45. (In Russ.)
29. Ilyashevich T. A. Topical issues of the development of inquiry in an abbreviated form. In: *Criminal proceedings : current state and development trends : collection of scientific works*. Comp. O. V. Khimicheva. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; 2021. 441 p. (In Russ.)
30. Girko S. I. Modern accelerated inquiry – a step forward or backward. *Modern criminal procedure law – lessons of history and problems of further reform*. 2021;(1(3)1):68–76. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Н. Лазаренко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала РАНХиГС.

О. Н. Лаврова – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института.

Information about the authors:

O. N. Lazarenko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Smolensk branch of RANEPА.

O. N. Lavrova – Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Способы приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, как элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ

Андрей Владимирович Шевченко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье исследованы способы приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, как элемент криминалистической характеристики и составляющей криминалистического обеспечения. Рассмотрены вопросы разграничения посткриминального пользования и противоправного распоряжения имуществом, заранее добытого преступным путем. Изучены особенности приобретения или сбыта (подготовки, совершения, сокрытия), в том числе дистанционного характера.

Ключевые слова: криминалистика, сбыт похищенного имущества, деньги, ценности, криминалистическое обеспечение, раскрытие преступления, субъект преступления

Для цитирования: Шевченко А. В. Способы приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, как элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 142–149. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-142-149>. EDN FXHFLR

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

Methods of acquiring or selling property obtained in advance by criminal means, as an element of the criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation

Andrey V. Shevchenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article explores methods of acquiring or selling property obtained in advance by criminal means, as an element of forensic characteristics and a component of forensic support. The issues of distinguishing between post-criminal use and unlawful disposal of property previously obtained by criminal means, the specifics of acquisition or sale (preparation, commission, concealment), including those of a remote nature, are considered.

Keywords: criminalistics, sale of stolen property, money, valuables, forensic support, crime detection, the subject of the crime

For citation: Shevchenko A. V. Methods of acquiring or selling property obtained in advance by criminal means, as an element of the criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):142–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-142-149>. EDN FXHFLR

Проведенный нами анализ показывает, что, несмотря на незначительные изменения показателей преступности в России в 2022–2023 гг., преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности более тридцати лет наиболее часто регистрируются и имеют высокий уровень латентности и рецидивоопасности. Количественные показатели выявленных и расследованных преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», крайне низки и никак не согласуются с количеством хищений и ряда других преступлений. Проблемы познания закономерностей подготовки, совершения и сокрытия приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, а также их расследования рассмотрены в науке криминалистике недостаточно полно.

Наличие восьми сотен тысяч нераскрытых хищений (в первую очередь, как и ряда других преступлений) свидетельствует, с одной стороны, не только о недостатках борьбы с ними, но и объективно скрытыми преступлениями, порой дигитализированного характера [1], предусмотренными ст. 175 УК РФ, а с другой стороны, приобретение или сбыт похищенного имущества, заранее добытого преступным путем, выступает фактором, противодействующим раскрытию и расследованию преступлений, предшествующих ему. Прежде чем рассмотреть вопрос об имуществе, заранее добытом преступным путем, как элементе криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ, рассмотрим ряд теоретических аспектов, относящихся к криминалистической характеристике преступления, ее структуре применительно к теме.

Мы полностью разделяем точку зрения А. А. Бессонова о том, что «криминалистическая сущность преступлений того или иного вида познается через призму сущности криминалистической характеристики, по своей сути, криминалистическая характеристика – «зеркало» криминалистической сущности преступлений определенного вида» [2, с. 19].

Способ преступления (и его составляющие) как элемент любой криминалистической характеристики является обязательным, в том числе и для ст. 175 УК РФ. Способ преступления в науке криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности является одним из разрабатываемых теоретических конструкторов [3].

Анализируя уголовные дела, мы пришли к выводу, что в криминалистическом понимании, несмотря на многообразие предшествующих преступлений, способы приобретения или сбыта имущества достаточно типичны.

Для раскрытия такого криминалистического элемента криминалистической характеристики, как способы приобретения или сбыта, необходимо рассмотреть вопросы пользования и распоряжения имуществом после его изъятия [4].

Посткриминальное пользование и распоряжение вещами, деньгами и иным имуществом, заведомо добытого преступным путем, по сути, произвол субъекта преступления и связанных с ним лиц.

Произвол с имуществом таких субъектов (как средство достижения рутинных/жизненных (при пользовании) или корыстных и иных целей при распоряжении (приобретение или сбыт, ст. 175 УК РФ)) выражается в противозаконности предшествующих действий и реализацией последующих (ст. 175 УК РФ), а также некоторой случайностью или непредсказуемостью, когда отсутствует изначальный замысел по распоряжению.

Случайности могут рассматриваться как разновидности ранее не познанной закономерности социальной жизнедеятельности субъекта преступления в посткриминальный период, либо как многообразие ситуаций посткриминального периода, ситуаций субсеквентной преступной деятельности, ситуаций уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности. Реальная возможность, как проявление свободы в действиях и поступках субъекта преступления, предполагает возникновение будущих ситуаций пользования и распоряжения имуществом, заранее добытого преступным путем. Ситуативность раскрытия и расследования

преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ, проявляется в типичности исходных ситуаций, обусловленных распоряжением имуществом как субъекта первичной преступной деятельности и связанных с ним лиц (в случае сбыта), так и субъекта субсеквентного преступления, изучаемого нами (в случае приобретения). Реальная возможность характеризует последовательность действий при совершении краж, грабежей, мошенничеств и ряда других преступлений, момент их окончания и начало возможных действий и поступков по совершению преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, и ряда других.

Пользование имуществом, добытого в ходе кражи, грабежа и по ряду других преступлений, предполагает, по нашему мнению, как правило, действия, связанные с личным извлечением полезных свойств такого имущества (пользоваться – извлекать полезные свойства, употреблять с пользой, применение, управление чем-то, использовать по своему назначению) в процессе деятельности субъекта преступления, тогда как распоряжение таким имуществом связано с определением его судьбы по передаче и получению гражданам и юридическим лицам в дальнейшее владение, пользование и распоряжение на возмездной или безвозмездной основе. Распоряжение имуществом, добытого преступным путем, ничто иное, как действия, связанные с составом преступления, предусмотренным ст. 175 УК РФ. То есть возможность (как условие окончания кражи, грабежа и ряда других преступлений) приобретения или сбыта (по сути, изменения судьбы имущества в процессе приобретения или передачи) выступает условием окончания таких преступлений и реализации общественно опасных действий, предусмотренных ст. 175 УК РФ.

Словосочетание «по своему усмотрению» следует рассматривать с точки зрения деятельностного и ситуационных подходов: а) с точки зрения деятельностного подхода есть поступок (определенный «акт выбора»[5]); с точки зрения ситуационного подхода – действительно существующая обстановка (внешняя, а не внутренний характер), представляющая окончание преступной деятельности и начало посткриминальной действительности, дающей свободу виновному в принятии и исполнении решений по личному пользованию и определению судьбы имущества (распоряжению– сбыта).

Таким образом, рассмотрим содержание понятий «пользование» и «распоряжение» имуществом, заведомо добытого преступным путем.

Посткриминальное пользование имуществом, заранее добытого преступным путем, представляет совокупность действий, основанных на собственном решении (заключении, мнении) виновного, связанных с извлечением полезных свойств вещей, денег и иного имущества сообразно их свойствам и назначению в условиях жизнедеятельности таких субъектов после совершения преступления, что особо влияет на содержание оперативно-розыскных мероприятий [6].

Посткриминальное противоправное распоряжение имуществом, заранее добытого преступным путем, – вид субсеквентной преступной деятельности, основанной на едином замысле с предшествующим преступлением и входящей в единый механизм преступной деятельности либо самостоятельный механизм по передаче или получению такого имущества на возмездной или безвозмездной основе физическим или юридическим лицам.

Понятия приобретение или сбыт имущества, заранее добытого преступным (ст. 175 УК РФ), – достаточно устоявшиеся в уголовно-правовых науках. Так, под таким «приобретением» понимается возмездное или безвозмездное получение имущества любым способом (покупка, обмен, получение в дар и т.п.); а под «сбытом» понимается любая форма возмездной или безвозмездной передачи его третьим лицам (продажа, передача в счет долга, дарение, мена, передача в качестве залога, на прокат и т.п.)»¹.

---

¹ Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства: утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4 // СПС «КонсультантПлюс».

Данные о способах приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, являются важнейшим элементом разработанной нами криминалистической характеристики преступлений, как и многих связанных с ними [7–8].

В деятельность по совершению предшествующего преступления, в ходе которого добывалось имущество, впоследствии приобретенное или сбытое, включалось 2 этапа способа совершения, а именно: подготовка – совершение преступления, совершение – сокрытие преступления либо носило полноструктурный способ преступления (подготовка – совершение – сокрытие) – 91,3 %. То есть заранее подготовленное предшествующее преступление с использованием различных способов сокрытия и ухищрений субъектом преступления позволяет не только их совершить и не быть задержанным, но и создает условия к свободному сбыту и приобретению в дальнейшем такого имущества.

Выбор способа приобретения или сбыта определяется наличием имущества, заранее добытого преступным путем, у субъекта совершенного ранее преступления и связанных с ним лиц. Сбытчик, как субъект ранее совершенного преступления, выбирает способ передачи имущества на возмездной или безвозмездной основе.

Сбыт или приобретение таких вещей и иного имущества, заранее добытого преступным путем, препятствует торговой политике органов власти (государственных, органов местного самоуправления) и хозяйствующих субъектов.

Сбыт или приобретение представляет (по подготовке) собой:

- ситуативное действие, поступок (то есть отсутствует подготовка, например, дарение похищенного имущества сожительнице);
- совокупность взаимосвязанных элементов, обеспечивающих процесс движения от сбытчика к потребителю объектов гражданского регулирования, добытых заранее в ходе предшествующей преступной деятельности.

Сбыт и/или приобретение может выражаться (по объему) как:

- единичное получение/передача (одна или несколько вещей или часть денег, добытых преступным путем);
- оптовое получение/передача (несколько вещей или частей денежных средств, добытых преступным путем).

По нашему мнению, в криминалистическом понимании сбыт – это умышленные действия сбытчика по передаче (включающей приготовление и сокрытие) физическим или юридическим лицам вещей, денег и иного имущества, добытого в предшествующем преступлении в целях получения выгоды (возмездной или безвозмездной) и созданию условий, воспрепятствующих их раскрытию и расследованию.

В случае сбыта эксклюзивного или редкого товара, изделия (продукции), не подходящей по сезону (например, зимние атрибуты – летом), виновным используется стоковый магазин или секонд-хенд.

По исследованным нами делам выявлено, что приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, имело место в 37,8 % случаев (91 у.д.), сбыт же имел место в 55 % случаев (112 у.д.), в 6,6 % (38) случаев имело место приобретение и последующий сбыт такого имущества. Таким образом, в каждом 3 и более случаев имеет место приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, сбыт же имеет место в более половины исследованных нами дел. Проведенное исследование показало, что приобретение с целью дальнейшего сбыта (и осуществление такового) проявилось в каждом 17 случае.

В уголовно-правовом значении такое приобретение и сбыт выступают отдельными составами преступлений, а поскольку в криминалистическом аспекте способ преступления рассматривается нами шире, нежели чем теоретиками уголовного права, то такое приобретение нами рассматривается как часть подготовки к сбыту.

В большинстве случаев изученные нами дела являются одноэпизодными (195 у.д. или 80,9 %). Двухэпизодные уголовные дела составили 36 дел – 14,9 %. 3 и более эпизода – 10 дел (4,2 %).

В уголовных делах, изученных нами, содержится, как правило, один эпизод приобретения и/или сбыта, что характеризует не только специфику осуществляемой преступной деятельности субсеквентного характера, но и имеющиеся недостатки в криминалистическом обеспечении раскрытия, расследования преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ.

Отметим, что приобретение имущества, заведомого добытого преступным путем, преобладает по одноэпизодным уголовным делам (чуть менее половины), тогда как по двухэпизодным и более делам количество сбыта такого имущества составляет менее 2/3.

Общее количество эпизодов преступной деятельности по приобретению или сбыту имущества, заведомо добытого преступным путем, составило 304 эпизода, то есть на одно уголовное дело приходится 1/26 эпизода приобретения или сбыта.

Добыча имущества преступным путем в криминальной и посткриминальной фазе, как правило, носила благоприятный характер для субъектов преступления к ее завладению (98%): по способу, времени, месту, оставленным следам. К примеру, большинство способов завладения такого имущества носили беспрепятственный характер либо жертва в силу быстротечности события преступления не смогла оказывать сопротивление (например, рывок телефона при грабеже).

Подготовку совершения сокрытия таких предшествующих преступлений пронизывают различные приемы сокрытия. К наиболее распространенным относятся утаивание, обман и злоупотребление, маскировка внешности, уничтожение оставленных материальных следов, неоднократное перемещение с целью утаивания такого имущества, а также использование для этого специальных помещений и зданий. По сути, такие приемы сокрытия взаимосвязаны между собой и имеют цель дальнейшей беспрепятственной продажи, обмена имущества. Такие приемы нацелены на максимально и скрытый от правоохранителей и владельцев имущества приобретение или сбыт. Выбор способов сокрытия, предшествующих приобретению и/или сбыту имущества, зависит от вида и тяжести преступления, а также свойств и характеристик имущества (немаловажное значение имеет цена). При этом замысел субъекта преступления и связанных с ним лиц объединен сокрытием предшествующего преступления и нацелен на дальнейшее приобретение или сбыт такого имущества.

Способы приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, имеют определенную криминалистическую специфику.

Действия по подготовке к совершению приобретения или сбыта имеют статистические различия. Так, по делам о приобретении какая-либо подготовка осуществляется достаточно редко (15–20 %), тогда как при сбыте действия по подготовке включали более 75% от изученных нами уголовных дел. Наиболее часто подготовка осуществляется в случае приобретения и дальнейшего сбыта, изучаемого нами имущества (86%).

К способам сокрытия приобретения или сбыта имущества относится:

- приобретение или сбыт дистанционным способом;
- умышленное изменение имени (клички) сбытчика или приобретателя;
- тайники;
- перемещение имущества.

Отметим, что вопрос о сокрытии приобретения или сбыта имущества, заранее добытого преступным путем, крайне скудно отражается в изученных материалах уголовных дел. Для этого нами изучено отдельно 300 приговоров, посвященных данной проблематике.

В целом, полноструктурных способов по ст. 175 УК РФ (подготовка – совершение – сокрытие) выявлено 9,1 %. Указанное обусловлено рядом обстоятельств:

- а) местом и связью с предшествующей преступной деятельностью и единостью замысла;

б) отсутствие сокрытия информации о преступном пути имущества от сбытчика или для приобретателя.

Получение денежных средств и иных выгод выступает одним из звеньев изучаемой преступной деятельности. Отметим, что в ряде случаев приобретения и дальнейшего сбыта способы сокрытия, перечисленные выше, не принимаются вообще, а, напротив, создаются группы в мессенджерах, социальных сетях и др. для продажи такого имущества (например, осетр, черная икра, краб и т.д.) под видом якобы законной предпринимательской деятельности [9].

Отметим, что одной из задач нашего исследования было выявление цифровых приемов и действий при подготовке к совершению и сокрытию рассматриваемого нами преступления. Были получены следующие данные. Для сбытчиков имущества одним из основных действий подготовки к совершению преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, выступило приискание покупателей и согласования цены с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Такое приискание происходит путем опубликования объявления о продаже. В ходе общения с потенциальными покупателями отправляются фотографии имущества, в том числе с использованием электронной почты.

Приобретение нефти связано с изучением сайтов о продаже на различных Интернет-ресурсах по заниженной цене. В ходе такого приискания определяется место встречи и цена имущества.

Для создания объявлений субъекты сбыта используют специально созданный аккаунт. В ряде случаев для создания таких объявлений субъекты сбыта обращаются с просьбой к знакомым о размещении такой информации в сети Интернет.

Сбыт или приобретение имущества, добытого преступным путем, могут быть осуществлены при личном контакте сбытчика и приобретателя, дистанционно, иметь многоходовой характер.

Дистанционный [10] сбыт или приобретение имущества проявляется как:

- 1) сбыт – приобретение в Интернет-пространстве;
- 2) использование цифровых возможностей и ресурсов Интернета для сбыта.

I. Дистанционный/многоходовый способ сбыта проявляется:

1.1. приискание покупателей имущества, заведомо добытого преступным путем, с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

1.2. фальсификация аккаунтов для подачи объявления;

1.3. подача объявления лично либо через знакомых (с занижением цены либо без указания таковой);

1.4. создание в мессенджерах каналов по продаже товаров, изделий (продукции) имущества, заранее добытого преступным путем.

2. обмен информацией и согласование условий купли-продажи такого имущества:

2.1. отправление фото, видео имущества, указанного в объявлении;

2.2. обсуждение цены, природы продаваемого имущества, условий и места встречи (осуществляется, как правило, в ВКонтакте, WhatsApp, Телеграмм).

3.1. звонки и переписка перед куплей-продажей для согласования места:

– ранее согласованного;

– преднамеренно измененного.

II. Использование цифровых возможностей использования ресурсов Интернет для сбыта. Среди таких действий следует выделить:

1. определение вероятной стоимости имущества, добытого преступным путем;

2. изучение товаров и цен товаров, изделий (продукции), продаваемых частным лицом или организацией;

3. предварительные звонки или текстовая переписка о стоимости имущества с организацией или частным лицом, занимающимся куплей-продажей;

4. пересылка фото, видео имущества;

5. приискание места сбыта имущества с использованием сети Интернет:

– выбор организации, поиск адреса и времени работы организации, частных лиц, осуществляющих куплю-продажу товаров, изделий (продукции);

– определение оптимальных маршрутов в адрес организации или место нахождения частного лица для сбыта такого имущества и последующего отхода.

При исследовании уголовных дел нами выявлена такая закономерность, что для способов приобретения в целях последующего сбыта имущества, добытого преступным путем, характерно дистанционное приобретение в сети Интернет в каждом 4 случае. Поэтому считаем важным следующий вывод о том, что в случае сбыта и/или приобретения имущества, заранее добытого преступным путем, с использованием сети Интернет, отдельной следовой картиной является история посещения приобретателем/сбытчиком или связанным с ним лицом ресурсов сети Интернет, а также связанные с ней файлы, фото, видео, графические, текстовые, аудиозаписи и их архивы. Указанная следовая картина позволит установить не только все этапы подготовки, совершения, сокрытия расследуемого преступления, но и выявить скрываемые эпизоды преступной деятельности, а также тайники с хранящимся имуществом, добытым преступным путем.

Дистанционное приобретение и сбыт похищенного является относительно новым явлением, которое исключает возможность личного ознакомления с товаром и изделием покупателем. Дистанционный сбыт такого имущества может исключать контакт с покупателем полностью или частично. При дистанционном способе сбыта субъект преступления (ст. 175 УК РФ) подготавливает описание товара в объявлении, фото, видео таких объектов.

Приобретение или сбыт вещей, включая деньги и иное имущество, выступает определенным процессом, в который входит комплекс последовательных действий по подготовке, совершению и сокрытию данного преступления, обеспечивающих движение их при получении или передаче.

Список источников

1. Варданян А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 785–794.

2. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

3. Варданян А. В. Типичные способы краж нефти и нефтепродуктов при осуществлении их хранения и транспортировки в контексте учения о криминалистической характеристике преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 7–11.

4. Аюпова Г. Ш. Особенности квалификации приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем // Право и практика. 2021. № 4. С. 92–99.

5. Марков П. В. Право и усмотрение: правовое и неправовое усмотрение // Труды Института государства и права РАН. 2011. №2. С. 34–41.

6. Варданян А. В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 7–13.

7. Варданян А. В., Варданян Г. А. Специфика обстановки совершения преступлений в сфере земельных правоотношений и ее влияние на производство допросов подозреваемых, обвиняемых // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1 (58). С. 49–56.

8. Варданян А. В., Плясов К. А. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Юристы-Правоведъ. 2022. № 1 (100). С. 94–99.

9. Андреев А. С. Групповая посткриминальная деятельность и ее криминалистическое значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Философия права. 2022. №1 (100). С. 125–131.

10. Давыдов В. О. Несколько тезисов к вопросу о проблематике практики рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с дистанционным хищением денежных средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 32–38.

References

1. Vardanyan A.V., Andreev A. S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality. *All-Russian Criminological Journal*. 2018;12(6):785–794. (In Russ.)

2. Bessonov A. A. *Private theory of forensic characteristics*: abstract. diss. ...Dr. Jurid. Moscow; 2017. (In Russ.)

3. Vardanyan A. V. Typical methods of theft of oil and petroleum products during their storage and transportation in the context of the doctrine of criminalistic characteristics of crimes. *Jurist-Pravoved*. 2022;4(103):7–11. (In Russ.)

4. Ayupova G. Sh. Peculiarities of qualification of acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means. *Pravo i praktika*. 2021;(4):92–99. (In Russ.)

5. Markov P. V. Law and discretion: legal and non-legal discretion. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2011;(2):34–41. (In Russ.)

6. Vardanyan A. V. The problem of systematization of digital methods of operational investigative activities used in the fight against remote theft, and their criminalistic significance. *Jurist-Pravoved*. 2022;2(101):7–13. (In Russ.)

7. Vardanyan A.V., Vardanyan G. A. Specifics of the crime scene in the field of land relations and its impact on the interrogation of suspects, accused. *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;1(58):49–56. (In Russ.)

8. Vardanyan A. V., Plyasov K. A. Operational investigative support for the prevention, disclosure and investigation of crimes in the field of foreign economic activity. *Jurist-Pravoved*. 2022;1(100):94–99. (In Russ.)

9. Andreev A. S. Group post-criminal activity and its criminalistic significance for the disclosure, investigation and prevention of crimes. *Philosophy of Law*. 2022;1(100):125–131. (In Russ.)

10. Davydov V. O. Several theses on the issue of the problematic practice of reviewing reports and investigating criminal cases of crimes related to remote theft of funds. *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2022;(1):32–38. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Шевченко – заместитель начальника отдела – начальник отделения № 1 по борьбе с преступлениями в сфере налогообложения отдела по борьбе с налоговыми преступлениями и защите бюджетных средств ГУ МВД России по Ростовской области, адъюнкт ФКГОУ ВО РЮИ МВД России.

Information about the author

A. V. Shevchenko – Deputy Head of Department – Head of Department No. 1 for Combating Crimes in the Field of Taxation, Department for Combating Tax Crimes and Protecting Budgetary Funds of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Rostov Region, Adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 14.02.2024.

Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия терроризму

Валерий Валерьевич Носко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, Valery9891@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2104-1684>

Аннотация. В статье анализируется современное состояние уголовно-правового и криминологического обеспечения противодействия терроризму. Отмечается высокая степень проработанности соответствующего понятийного аппарата в нормативных актах. Акцентируется внимание на необходимости дальнейшего научного осмысления и развития содержания нормативных правовых актов, обеспечивающих противодействие терроризму. В отношении уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму отмечается тенденция к дифференциации преступлений террористической направленности и её позитивный характер. Формулируется рекомендация по включению в содержание Уголовного кодекса РФ норм, коррелирующих с содержанием статьи 22 Федерального закона «О противодействии терроризму». Отмечается необходимость последовательной работы в части недопущения распространения террористической идеологии посредством современных информационных технологий и вовлечения с их помощью в террористическую деятельность молодёжи. Формулируются рекомендации по дальнейшему развитию контринформационной деятельности в целях обеспечения противодействия терроризму.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, противодействие терроризму, противодействие экстремизму, уголовная политика, уголовное право, криминология

Для цитирования: Носко В. В. Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия терроризму // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 150–157. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-150-157>. EDN RHVEVW

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

Criminal and criminological support for countering terrorism

Valery V. Nosko

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Valery9891@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2104-1684>

Abstract. This article analyzes the current state of criminal and criminological support for countering terrorism. It notes the high degree of elaboration of the corresponding conceptual apparatus in regulatory acts. Attention is focused on the need for further scientific understanding and development of the content of regulatory legal acts that ensure the counteraction to terrorism. As for the criminal-legal support for countering terrorism, there is a tendency to differentiate crimes of a terrorist nature and its positive character. A recommendation is made to include in the content of the Criminal Code

of the Russian Federation norms that correlate with the content of Article 22 of the Federal Law "On Countering Terrorism". The necessity of systematic work to prevent the spread of terrorist ideology through modern information technologies and their involvement in the terrorist activities of young people is noted. Recommendations are made for further development of counter-information activities in order to ensure counteraction to terrorism.

Keywords: terrorism, terrorist act, counterterrorism, countering extremism, criminal policy, criminal law, criminology

For citation: Nosko V. V. Criminal and criminological support for countering terrorism. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):150–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-150-157>. EDN RHVEVW

Терроризм, согласно общепринятому мнению, является одной из глобальных проблем современности. Несмотря на осуществление противодействия террористической деятельности многими государствами современного мира, говорить о преодолении этой проблемы ещё не приходится. К сожалению, не обошла она стороной и наше государство.

Осознание чрезвычайной опасности терроризма для всех сфер общественной жизни в России привело к разработке национальной политики по противодействию этому явлению. В наиболее общем виде эта политика нашла своё выражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Благодаря реализации Стратегии в последние годы «...существенно снижен уровень террористической активности»¹, что свидетельствует об эффективности принимаемых мер.

Однако угроза нашей стране сохраняется; появляются новые направления террористической деятельности (кибертерроризм и т.п.), осуществляются попытки вовлечь в террористическую деятельность российскую молодёжь, к противодействию государственной политике России присоединились страны коллективного Запада, регулярно предпринимающие попытки совершения террористических актов в России руками украинских националистов. В связи с этим целесообразно рассмотрение уголовно-правового и криминологического обеспечения противодействия терроризму, в том числе и в новых его формах и проявлениях.

В первую очередь следует определить, является ли существующий в нормативных актах и юридической литературе подход к определению содержания понятия «терроризм» соответствующим современным реалиям. Легальная дефиниция понятия «терроризм» содержится в пункте 1 статьи 3 ФЗ «О противодействии терроризму»: «Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»².

Некоторыми авторами легальное определение понятия оценивается положительно. Так, например, Батчаева А. А. отмечает, что законодатель правильно разграничивает понятия «терроризм» и «террористический акт» как общее и частное. Она пишет, что «...указанное понимание терроризма наиболее соответствует и понятию международного терроризма, под которым, как известно, понимается совокупность конкретных террористических деяний (преступлений), в которых он может проявляться» [1, с. 91]. С нею соглашаются и некоторые другие исследователи, например, Черемисин А. С. [2], Латыпов В. Ф. [3] и др.

Другие авторы отмечают, что легальная дефиниция понятия «терроризм» с течением времени будет нуждаться в уточнении и корректировании. Например, Самиулина Я. В. пишет,

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351. СПС «Гарант».

² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 11. Ст. 1146. СПС «Гарант».

что «современная дефиниция ... пока не идеальна и продолжает требовать к себе внимания со стороны исследователей и законодателя с целью корректировки терминологии» [4, с. 88].

Последнее мнение представляется более обоснованным, поскольку, ввиду присущей общественной жизни динамики, любые социальные явления, в том числе и негативные, постепенно изменяются. Терроризм как «идеология и практика» в настоящее время также претерпевает изменения: меняются мотивы и цели деятельности преступников, возникают новые методы осуществления террористической деятельности. В частности, развивается такое явление, как кибертерроризм [5], биологический терроризм [6]; повышается опасность ядерного терроризма; изменяются технологии подготовки террористов [7]. Всё это требует совершенствования мер противодействия терроризму, корректирования уголовно-правовой политики государства.

В свете этих негативных явлений вполне обоснованным является разграничение понятий «терроризм» и «террористический акт» по объёму. Как справедливо отмечает Королёв С. В., переход законодателя от более узкого по объёму понятия «террористический акт» к понятию «терроризм» позволяет более полно реализовать уголовную политику государства и «...использовать все предусмотренные УК РФ юридические механизмы, связанные с пресечением терроризма как многосоставного преступного посягательства» [8, с. 43]. Это связано с тем, что предлагаемый законодателем подход позволяет углубить анализ отдельных проявлений терроризма, сконцентрировать внимание как научного сообщества, так и правоохранительных органов на различных разновидностях этого преступного поведения. Кроме того, понимание терроризма в том числе и как «идеологии» позволяет построить концепцию идеологического противостояния.

Под террористическим актом в российском уголовном праве понимается, согласно диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса РФ, «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями»¹. Как видно из приведённого выше определения, оно даётся через признаки объективной стороны преступления. Дефиниция перечисляет различные формы деяний, в совершении которых может выражаться террористическая деятельность. Кроме того, законодатель предусмотрел и специальную цель таких деяний – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями. Дефиниция уголовного кодекса в этом аспекте полностью согласуется с дефиницией терроризма, содержащейся в ФЗ «О противодействии терроризму».

Названная выше цель является обязательным признаком террористического акта, на что обращает внимание Верховный Суд РФ в пункте 1 Постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Ещё одним обязательным признаком террористического акта Верховный Суд в пункте 2 того же постановления называет последствие деяния - устрашение населения; действия признаются устрашающими население, если они в силу объективных причин способны «...вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества»².

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954. СПС «Гарант».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. январь 2017. № 1.

Помимо собственно террористического акта Уголовный кодекс выделяет и иные преступления террористической направленности – содействие террористической деятельности, организацию террористического сообщества или террористической организации и т.п. Тенденция к дифференциации различных преступлений террористической направленности сформировалась уже после вступления в силу Уголовного кодекса РФ и свидетельствует о проделанной научным сообществом и правоохранительными органами большой работе. Многообразие проявлений терроризма является свидетельством последовательного повышения уровня террористической угрозы и выражает его динамизм, отмеченный выше. Всё это подтверждает необходимость постоянного совершенствования уголовно-правовой политики в отношении таких преступлений.

Дифференциация деяний террористической направленности свидетельствует и о выполнении Россией принятых на себя международно-правовых обязательств в данной сфере. Как отмечала Организация объединённых наций ещё в 2009 г., «Государства-участники должны предусмотреть в своем внутреннем законодательстве уголовную ответственность за ряд деяний, признанных преступлениями согласно конвенциям и протоколам о борьбе с терроризмом и другими видами преступной деятельности. Они обязаны установить соразмерные наказания за такие преступления с учетом их тяжести. Им следует определить объективные и субъективные элементы таких преступлений в соответствии с общими нормами уголовного права»¹. Названные меры, как видно из приведенных выше рассуждений, реализованы Россией в достаточном объеме.

Существуют мнения о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму. Так, Ерохин Д. В. отмечает, что «... требуется корректировка как руководящих постановлений Верховного Суда РФ, так и законодательной базы с тем, чтобы обеспечить сбалансированную защиту всего спектра общественных отношений в соответствии с их иерархией» [9, с. 206]. Такая корректировка, между тем, заложена в Концепции противодействия терроризму, подпункт «а» пункта 26 которой говорит, что нормативно-правовая база противодействия терроризму должна «...гибко и адекватно реагировать на постоянные изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности»².

В этой части Российская Федерация достаточно оперативно реагирует на новые угрозы. Так, в конце апреля внесённые в Уголовный кодекс РФ поправки усилили уголовную ответственность за ряд преступлений террористической направленности. Было изменено содержание статьи 205 Уголовного кодекса РФ: она была дополнена положением, «... устанавливающим уголовную ответственность за деяния, сопряженные с посягательством на потенциально опасные биологические объекты либо с использованием патогенных биологических агентов»³. Данное изменение стало реакцией Российской Федерации на возросшую опасность со стороны недружественных стран, в частности, Украины; как отметил Президент РФ В. В. Путин в марте 2022 г., «На Украине действовала и сеть из десятков лабораторий, где под руководством и при финансовой поддержке Пентагона проводились военно-биологические программы. В том числе эксперименты с образцами коронавируса, сибирской язвы, африканской чумы свиней и других смертоносных заболеваний»⁴.

¹ Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму / Управление Организации объединённых наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк: Организация объединённых наций, 2009. С. 36.

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.). // Российская газета. 2009. 20 октября. № 198. СПС «Гарант».

³ Усиlena ответственность за терроризм и преступления против основ конституционного строя. Официальный интернет-портал Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/news/144460/> (дата обращения: 25.11.2023)

⁴ Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов. 16 марта 2022 г. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67996> (дата обращения: 25.11.2023)

Достижению целей уголовно-правовой политики РФ в части противодействия терроризму служит также статья 22 Федерального закона «О противодействии терроризму». Она провозглашает правомерность лишения жизни лица, совершающего террористический акт и может толковаться в совокупности с нормами Уголовного кодекса РФ, устанавливающими обстоятельства, исключающие преступность деяния. Приоритет при оценке правомерности лишения жизни террориста, однако, должен отдаваться нормам уголовного права, поскольку единственным его источником является Уголовный кодекс РФ. С этим согласны и некоторые исследователи. В частности, Худoley К. М. и Худoley Д. М. отмечают, что «...при коллизии норм антитеррористического законодательства и норм Уголовного кодекса РФ приоритет должен отдаваться именно нормам уголовного законодательства. Они должны являться единственным мериллом поведения лиц, предотвращающих теракт. Именно так можно обеспечить баланс таких конституционных ценностей, как национальная безопасность и право граждан на жизнь, не прибегая к изменению уголовного закона» [10, с. 62]. Такой подход в полной мере реализуется в России, поэтому нельзя утверждать, будто у правоохранительных органов «развязаны руки» в отношении террористов: их истребление осуществляется исключительно в рамках закона, но целью деятельности таких органов является не уничтожение террористов, а предотвращение угрозы, исходящей от них. Во многих случаях террористов удаётся задержать и предать суду, что было бы невозможно при стремлении только к уничтожению таких преступников.

Исходя из представленного выше определения терроризма можно выделить и основные направления криминологического обеспечения противодействия этому негативному явлению.

Первым направлением криминологического обеспечения противодействия терроризму должно стать пресечение вовлечения граждан, особенно молодёжи, в террористическую деятельность посредством современных технологий. Факт их использования в последние годы отмечается исследователями: «Достижения в сфере электронных телекоммуникаций позволяют вербовщикам организовать удаленное общение с кандидатом для вовлечения его в террористическую организацию. Деятельность вербовщика направлена на отыскание соответствующего контакта в виртуальном пространстве. Наибольшая активность отмечается в социальных сетях» [11, с. 103].

Противодействие этой деятельности целесообразно строить путём сочетания ограничительных мер и информационного просвещения. Ограничительные меры должны применяться для предотвращения распространения информации о деятельности террористических организаций, позитивного освещения их идеологии и целей деятельности. В данном направлении в России уже предпринят ряд решительных мер: приняты нормативные правовые акты, защищающие детей от информации, вредящей их здоровью и развитию; ведётся реестр экстремистских материалов; обеспечивается ограничение доступа к информационным материалам экстремистского характера. Однако распространение мессенджеров, влияние на работу которых со стороны правоохранительных органов не может быть значительным (например, Телеграм), снижает эффективность названных мер.

В части информационного просвещения возможна организация дополнительных занятий со школьниками и студентами. В ходе таких занятий необходимо раскрытие причин и опасных последствий террористической деятельности, обучение распознаванию потенциально ложной информации («фейков»), способов противодействия информационному воздействию. Такие занятия можно включить в школе в курс обществознания (в рамках этого курса рассматривается международный терроризм как одна из глобальных проблем современности), а в университетах – в курс «Основы российской государственности».

Кроме того, противодействие идеологической обработке невозможно без формирования иной, здоровой идеологии. Эта идеология может основываться на ценностях, провозглашаемых

Конституцией РФ, в числе которых – безусловное признание высшей ценностью прав и свобод человека. Формирование идеологии российского школьника и студента должно строиться как на получении информации о важнейших общественных ценностях, так и практической деятельности по реальному воплощению этих ценностей в жизни. Практические занятия могут включать в себя волонтерство, творческую активность, разрешение спорных ситуаций и т.п. Не лишним будет и проведение встреч с сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом. Последние могут рассказать о реальных опасных последствиях этой деятельности, основных направлениях идеологической работы вербовщиков, способах противодействия вербовке и т.п.

Вторым направлением криминологического обеспечения является контринформационная деятельность. В настоящее время она посвящена в основном борьбе с ложной и искажённой информацией преимущественно о Специальной военной операции Вооружённых Сил РФ, о политике нашего государства и т.п. Отлично зарекомендовал себя портал «объясняем.рф». В нём объединены как материалы, разоблачающие ложную информацию, так и полезные в повседневной жизни статьи – о получении льгот, о прохождении военной службы, о способах поддержки детей в трудных ситуациях. Вопросы освещения распространяемой террористическими организациями дезинформации, её разоблачение такого внимания не получают. Вероятно, целесообразным является выделение ложной информации, распространяемой террористами, в отдельный блок на интернет-портале «объясняем.рф». В этом информационном блоке «... в ответ на тематические провоцирующие фотографии, видео и иные способы оказания преступного воздействия нужно создавать разоблачающие, разъясняющие фото- и видеоматериалы такой же ёмкой, легко воспринимаемой формы» [12, с. 243].

Как показывает проведённый анализ, в России в настоящее время существует достаточно объёмная нормативная база, на основе которой осуществляется противодействие терроризму. В части уголовно-правового обеспечения этой деятельности наблюдается тенденция к дифференциации деяний террористической направленности, совершенствование норм уголовного права в связи с реальными изменениями методов и направлений террористической активности. Однако развитие форм и методов террористической деятельности продолжается, поэтому в части уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму целесообразно продолжение дифференциации видов преступных деяний. Усиление уголовной ответственности за террористические преступления, происходящее в последнее время, вполне соответствует характеру и степени их общественной опасности. В части обеспечения правомерности деятельности сотрудников правоохранительных органов, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом, следует обратить внимание на развитие норм уголовного права, характеризующих обстоятельства, исключающие преступность деяния. Вероятно, Уголовный кодекс РФ следует дополнить нормой, напрямую коррелирующей с содержанием нормы статьи 22 Федерального закона о противодействии терроризму.

В части криминологического обеспечения противодействия терроризму в России отмечается необходимость научного и практического осмысления возрастания роли социальных сетей и современных технологий в вербовке членов террористических организаций. Существующие интерактивные сервисы можно и нужно использовать не только для разоблачения дезинформации, но и для контринформационной деятельности. Вероятно, можно использовать для этого уже существующую платформу «объясняем.рф». Заслуживает внимания и обеспечение работы с молодёжью. Необходимо не ужесточение запретов и ограничительных мер, но более последовательная информационная работа с целью формирования информационной грамотности подростков, формирования умений по выявлению деструктивной информации, противодействия её влиянию. Работа в сфере формирования идеологии, основанной на конституционных ценностях и нормах, также позволит снизить степень вовлечённости подрастающего поколения в террористическую деятельность. Актуальными остаются и вопросы

криминологического портрета террориста, индивидуальная работа с отдельными правонарушителями, профилактика экстремистской деятельности в различных сферах общественной жизни, однако все они являются предметом отдельного исследования.

Наконец, положительно можно охарактеризовать вовлечённость сотрудников правоохранительных органов, практиков, в научное осмысление проблем терроризма и борьбы с ним. Эта вовлечённость подтверждается в списке использованной литературы к настоящей статье: более трети научных работ написаны сотрудниками правоохранительных органов. Вероятно, следует обратить внимание на создание условий для научной работы сотрудников соответствующих органов, регулярно привлекать их в качестве экспертов на научные мероприятия, посвящённые осмыслению проблемы терроризма.

Список источников

1. Батчаева А. А. К вопросу о законодательном определении понятия «терроризм» // *Право и практика*. 2018. № 4. С. 86–92.
2. Черемисин А. С. Понятие «терроризм»: методологические подходы // *Вестник науки*. 2023. № 10 (67). С. 203–209.
3. Латыпов В. Ф. К вопросу об определении понятия терроризм // *Мировая наука*. 2021. №11 (56). С. 69–72.
4. Самиулина Я. В. Исторические этапы становления понятия «терроризм» по национальному законодательству России // *Вестник Самарского юридического института*. 2021. № 1. С. 84–88.
5. Черкесов А. Ю., Сабилов И. Ф. Признаки и цели терроризма в киберпространстве // *Журнал прикладных исследований*. 2023. № 4. С. 142–146.
6. Киреев М. П. Биологический терроризм: новая реальность и новые угрозы. // *Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала "Современная коммуникативистика", профессора Оскара Яковлевича Гойхмана*. Калининград, 2021.
7. Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. Современное состояние терроризма в условиях нарастающей политической нестабильности // *E-Scio*. 2023. № 7.
8. Королев С. В. Терроризм и террористическая деятельность: теоретический аспект // *Правда и закон*. 2018. № 4(6). С. 37–43.
9. Ерохин Д. В. Уголовно-правовое регулирование противодействия терроризму // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2019. Т. 16. № 1. С. 203–208.
10. Худолей К. М., Худолей Д. М. Некоторые коллизии антитеррористического и уголовного законодательства // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2019. № 4. С. 54–63.
11. Сумина Е. А., Рыков А. А. Социально-психологические механизмы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // *Академическая мысль*. 2019. № 2 (7). С. 101–105.
12. Суслов Ю. Е. Распространение экстремизма в молодёжной среде по причине информационного инфантилизма // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 1 (97). С. 238–244.

References

1. Batchaeva A. A. On the issue of the legislative definition of the concept of "terrorism". *Law and practice*. 2018;(4):86–92. (In Russ.)
2. Cheremisin A. S. The concept of "terrorism": methodological approaches. *Bulletin of Science*. 2023;10 (67):203–209. (In Russ.)
3. Latypov V. F. On the question of defining the concept of terrorism. *World Science*. 2021;11(56):69–72. (In Russ.)

4. Samiulina Ya. V. Historical stages of the formation of the concept of "terrorism" according to the national legislation of Russia. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2021;(1):84–88. (In Russ.)
5. Cherkesov A. Yu., Sabirov I. F. Signs and objectives of terrorism in cyberspace. *Journal of Applied Research*. 2023;(4):142–146. (In Russ.)
6. Kireev M. P. Biological terrorism: a new reality and new threats. In: *Humanitarian technologies in the modern world*. Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference. In memory of the Doctor of Pedagogical Sciences, editor-in-chief of the scientific journal "Modern Communication Studies", Professor Oscar Yakovlevich Goikhman. Kaliningrad; 2021. (In Russ.)
7. Aseev I. A., Karimov R. R., Karimova G. Y. The current state of terrorism in conditions of increasing political instability. *E-Scio*. 2023;(7). (In Russ.)
8. Korolev S. V. Terrorism and terrorist activity: a theoretical aspect. *The truth and the law*. 2018;4(6):37–43. (In Russ.)
9. Erokhin D. V. Criminal law regulation of counter-terrorism. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*. 2019;16(1):203–208. (In Russ.)
10. Khudoley K. M., Khudoley D. M. Some conflicts of anti-terrorist and criminal legislation. *Electronic supplement to the Russian Law Journal*. 2019;(4):54–63. (In Russ.)
11. Sumina E. A., Rykov A. A. Socio-psychological mechanisms of youth involvement in terrorist and extremist activities. *Academic thought*. 2019;2(7):101–105. (In Russ.)
13. Suslov Yu. E. The spread of extremism among young people due to information infantilism. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;1(97):238–244. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Носко – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

V. V. Nosko – Postgraduate Student, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

ЗОЛОТАЯ ПРОПОРЦИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ, ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 158–168
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(1):158–168

Золотая пропорция в юриспруденции, законодательстве
и практике его применения, юридическом образовании

Научная статья
УДК 338+349.6
<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-158-168>

EDN XPTXAX

Ассимиляционный потенциал природы и территорий: нетривиальные следствия управления устойчивым эколого-экономическим развитием

Александр Васильевич Кокин

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия,
alex@avkokin.ru

Аннотация. Эколого-экономические системы, находящиеся в состоянии неустойчивого динамического равновесия под влиянием естественных и антропогенных факторов, стремятся к устойчивости в случае, если хозяйственная деятельность человека способна поддерживать ассимиляционный потенциал на уровне воспроизводства природных ресурсов и качества окружающей среды путём отчисления части доходов на экологическую повестку. В рамках закона сбалансированного природопользования $T=1,618 t$ устойчивое эколого-экономическое развитие достигается отчислением средств на уровне (t) от темпов прироста ВВП (T) на экологическую повестку для регионов. Значение коэффициента экологической ситуации $(КЭС)$ в законе сбалансированного природопользования для РФ варьируется вблизи золотых чисел 0,618, 1,618, 2, 618 в зависимости от уровня развития экономики в условиях биосферы, искусственного поддержания качества среды в ней, а также в условиях будущей возможности терраформирования планет Солнечной системы. Показателем устойчивого, гармоничного эколого-экономического развития является линейная зависимость между ассимиляционным потенциалом (a) и $КЭС$ на уровне золотых чисел 0,618, 1,618, 2,618. В этом случае устойчивого эколого-экономического развития можно достигнуть в любых состояниях окружающей среды лишь бы соблюдался баланс между темпами экономического роста и отчислениями средств на восстановление ассимиляционной функции природы. Но они должны направляться на экологическую повестку в строгом соответствии с золотой пропорцией относительно основных направлений природоохранной деятельности даже в условиях трансформированной (превращённой) природы, а в недалёком будущем и в условиях терраформирования. Однако тогда все затраты развития пойдут исключительно на поддержание среды обитания кратно золотым числам 1,618 и 2,618 в коэффициенте закона сбалансированного природопользования.

Ключевые слова: устойчивое эколого-экономическое развитие, ассимиляционный потенциал, коэффициент экологической ситуации, закон сбалансированного природопользования, золотые числа

Для цитирования: Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал природы и территорий: нетривиальные следствия управления устойчивым эколого-экономическим развитием // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 158–168. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-158-168>. EDN XPTXAX

Original article

Assimilation potential of nature and territories: non-trivial consequences of managing sustainable environmental and economic development

Alexander V. Kokin

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, alex@avkokin.ru

Abstract. Ecological-economic systems, which are in a state of unstable dynamic equilibrium under the influence of natural and anthropogenic factors, strive for sustainability if human economic activity is able to maintain the assimilation potential at the level of reproduction of natural resources and environmental quality by devoting part of the income to the environmental agenda. Within the framework of the law of balanced environmental management $T=1.618 \cdot t \cdot a$, sustainable environmental and economic development is achieved by allocating funds at the level (t) of the GDP growth rate (T) to the environmental agenda for the regions. The value of the ecological situation coefficient (ESC) in the law of balanced environmental management for the Russian Federation varies around the golden numbers 0.618, 1.618, 2.618, depending on the level of economic development in the biosphere, artificial maintenance of the quality of the environment in it, as well as in the future possibility of terraforming the solar planets systems. An indicator of sustainable, harmonious environmental and economic development is a linear relationship between the assimilation potential (a) and the EES at the level of golden numbers 0.618, 1.618, 2.618. In this case, sustainable environmental and economic development can be achieved in any environmental condition as long as balance is maintained between the rate of economic growth and allocations of funds for the restoration of the assimilation function of nature. But they must be directed to the environmental agenda in strict accordance with the golden proportion relative to the main directions of environmental activities, even in conditions of transformed (converted) nature, and in the near future, in conditions of terraforming. However, then all development costs will go exclusively to maintaining the habitat in multiples of the golden numbers of 1.618 and 2.618 in the coefficient of the law of balanced environmental management.

Keywords: sustainable environmental and economic development, assimilation potential, ecological situation coefficient, law of balanced environmental management, golden numbers

For citation: Kokin A. V. Assimilation potential of nature and territories: non-trivial consequences of managing sustainable environmental and economic development. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):156–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-156-168>. EDN XPTXAX

Введение. Формула устойчивого эколого-экономического развития обычно представляется как достижение такого состояния общества, когда хозяйственная деятельность и современные поколения людей не ставят под угрозу существования будущих поколений и человеческой популяции в целом [1–4]. В этой связи показателем устойчивости развития должен выступать **ассимиляционный потенциал природы (природно-хозяйственного комплекса регионов)**, как способность восстанавливать свои качества и количества по поддержанию жизни на Земле **в рамках естественных обменных процессов во всех средах** (в атмосфере, гидросфере, литосфере).

Выбор модели исследования. Существует несколько моделей, которые позволяют каким-то образом сбалансировать воспроизводство природных ресурсов и качество окружающей среды путём взимания платежей с природопользователей. За рубежом нормирование платежей опирается на модель экологического следа¹. В РФ в рамках ФЗ² и постановления

¹ Экологический след – мера воздействия человека на среду обитания, которая позволяет рассчитать размеры прилегающей территории, необходимой для производства потребляемых нами экологических ресурсов и поглощения отходов.

² Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ в редакции 26 декабря 2001 г.

Правительства РФ¹ воспроизводство качества окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов определяется *коэффициентом экологической ситуации (КЭС)*^{2,3}. В зависимости от состояния окружающей среды территорий РФ КЭС варьируется от 1 до 2,0 при средневзвешенном (с учётом загрязнения территорий по регионам РФ) его значении, равным 1,520.

Примечание: Поскольку КЭС природоохранные органы **могут увеличивать** для: природопользователей, расположенных в зонах экологического бедствия; районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера; на территориях национальных парков; особо охраняемых и заповедных территориях; эколого-курортных регионах, а также на территориях, включенных в международные конвенции – **до 2 раз**; для природопользователей, осуществляющих выбросы загрязняющих веществ в атмосферу городов и крупных промышленных центров ещё **на 20 % выше**.

Таким образом, с учётом площадей загрязнения водных бассейнов, почвы и атмосферного воздуха по территории РФ средневзвешенное значение КЭС близко к величине **1,591**^{4,5}. Т.е. для РФ, имеющей площадь равную 17 100 000 км² с населением в среднем 143,4 миллиона человек (плотность населения 8,38 на км²), значение КЭС в совокупном загрязнении атмосферного воздуха, почвы, водных ресурсов приближается к золотому числу ($\Phi=1,618$) или золотой пропорции. Биоэнергетический смысл такого состояния заключается в достижении устойчивого динамического равновесия между способностью природы восстанавливать свою ассимиляционную функцию и возможностью природопользователей поддержать её состояние, вкладывая средства из своих доходов на воспроизводство возобновляемых природных ресурсов и качество окружающей среды.

На самом деле любые развивающиеся социоприродные экосистемы всегда находятся в состоянии неустойчивого динамического равновесия в силу инерционности самой природы восстанавливать свои качества (для этого требуется время) и способностью природопользователей вкладываться в поддержание её ассимиляционной функции. Поэтому показателем устойчивости или не устойчивости эколого-экономического развития регионов является отклонение сравниваемых параметров развития от $\Phi=1,618$. Удивительно близкие средневзвешенные значения КЭС к числу Φ показывают, что *случайная* система их расчётов, принятая в РФ, отвечает естественной пропорциональной зависимости природы восстанавливать свой потенциал на уровне вложений средств природопользователей по поддержанию её ассимиляционной функции.

По сути дела КЭС выступает в качестве коэффициента, учитывающего не только уровень антропогенного давления на окружающую среду, но и **необходимость кратно коэффициенту КЭС тратить средства природопользователями на то, чтобы состояние возобновляемых природных ресурсов и качество окружающей среды (ОС) находились в состоянии устойчивого динамического равновесия в естественных обменных процессах биосферы или конкретной территории (региона)**. Подчеркнём – в целом биосферы, поскольку её структура и функция нивелирует (хотя и с разной скоростью) территориальные антропогенные нагрузки. В этом смысле нивелирующая (естественная) функция биосферы может рассматриваться как естественный биоэнергетический потенциал воспроизводства её состояния.

¹ Приложение N 2 к постановлению Правительства РФ от 12 июня 2003 г. N 344 (с изменениями от 24 декабря 2014 г.).

² https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1681/d211ab4d1cad498a63e9d969b5e84e6385a5262d/

³ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1681/c4d01c78a1462b5bef3d1d316dd5c60b1fe4fe5d/

⁴ Коэффициенты экологической ситуации. В открытом доступе:27.09.2023.

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1681/d211ab4d1cad498a63e9d969b5e84e6385a5262d/

⁵ Базовые нормативы платы за выбросы, сбросы загрязняющих веществ в окружающую природную среду и размещение отходов. Коэффициенты, учитывающие экологические факторы (утв. Минприроды РФ 27.11.1992) (ред. от 18.08.1993).

А поскольку в регионах существует различие уровня антропогенного давления, то каждый из них в отдельности может характеризоваться своим (территориальным) ассимиляционным потенциалом [5], на восстановление которого и должны направляться средства путём отчислений платежей в рамках КЭС. В этом смысле ассимиляционный потенциал (**a**) природы (биосферы) должен определяться средневзвешенным значением площадей территориальных ассимиляционных потенциалов от **a1, a2...**, до **an**, как:

$$a = \frac{a_1 + a_2 + \dots + a_n}{N}$$

Подчеркнём, что **сущность ассимиляционного потенциала** в отличие от существующих представлений о нём [6–8] **должна заключаться в способности природы и отдельных территорий восстанавливать свои качества воспроизводством природных ресурсов (почвы, растительности, животного мира (его биообразия), микроорганизмов, воды) и качества окружающей среды.** Другими словами природопользователи должны вкладываться в биоэнергетический потенциал региона для достижения динамического равновесия между естественным и антропогенным состоянием территорий. При этом величина ассимиляционного потенциала в условиях биосферы может варьироваться только в пределах **a < 0 до 1,0**. В условиях **a = 0**, природа полностью изменена человеком и представляет собой превращённую природу (искусственную среду, на поддержание которой должны направляться средства для поддержания жизни человеческой популяции). В условиях **a = 1,0** природа является не нарушенной в рамках её естественного состояния даже в случае равенства площадей находящихся под антропогенной нагрузкой и естественной средой обитания многообразия живых организмов. А поскольку обменные процессы в природе и регионах могут идти с разной скоростью, то возникает необходимость также вводить понятие инерционности ассимиляционной функции территорий, включая биосферного ассимиляционного потенциала.

Обсуждение результатов исследования. Если объединить представления об ассимиляционном потенциале территорий, принятыми в Европе и КЭС в РФ, то механизм расчёта его величины для конкретного региона в первом приближении может определяться как отношение площади урбанизации территории занятой под населёнными пунктами, дорогами, инфраструктурой и т.д. к общей площади региона. За пределами урбанизированных ландшафтов природа может восстанавливать ресурсы и качество окружающей среды быстрее, чем в урбанизированных системах, поскольку на воспроизводство ресурсов и среды требуется разное время. А бесхозные урбанизированные системы с течением времени постепенно под влиянием естественных обменных процессов в биосфере могут переходить в лоно естественных (восстановленных) экосистем. В воспроизводство качества земельных и водных ресурсов, сохранения биоразнообразия человек должен вкладывать средства от доли прироста валового внутреннего продукта (ВВП) с использованием КЭС.

Поскольку в РФ средневзвешенная величина КЭС близка к значению $\Phi = 1,618$, то на долю воспроизводства возобновляемых природных ресурсов КЭС принимается равным 1,0, а на долю затрат по воспроизводству качества среды конкретной территории (региона) – 0,618. Справедливость подобного отчисления средств на воспроизводство воспроизводимых ресурсов и качества окружающей среды достигается гармоничным отношением расходов (1,0:0,618=1,618), отвечающим устойчивому эколого-экономическому развитию регионов в рамках золотой пропорции.

В ранней версии закона сбалансированного природопользования [9–11] цена воспроизводства природных ресурсов приравнивалась к цене воспроизводства качества среды в рамках биоэнергетического единства обменных процессов в биосфере [12]. Поэтому значение коэффициента на воспроизводство природных ресурсов и качества окружающей среды в рамках сбалансированного природопользования принималось за 2,0. В современном виде формула закона сбалансированного природопользования выглядит как:

$$T=1,618 \cdot t \cdot a,$$

где T – темпы (%) экономического роста (% прироста ВВП относительно предыдущего года); t – отчисления на воспроизводство возобновляемых природных ресурсов и качество окружающей среды в (%) от доли прироста ВВП, a – ассимиляционный потенциал территории (региона).

Для демонстрации подобного соотношения параметров дадим анализ эколого-экономической ситуации в РФ в 2021г. По данным Всемирного банка темпы экономического роста в 2021 г. составили 4,7%¹. Валовой внутренний продукт достиг 1,779 триллиона USD или 131,023 трлн руб. (при среднем курсе рубля 73,65 руб. за доллар на это время), а в 2022 г – 153,425 трлн руб. Т.е. прирост в денежном выражении составил 153,425-131,023=22,402 трлн. р. В рамках закона сбалансированного природопользования 4,7 % от 22,402 трлн. р. составит 1,053 трлн руб. (эта сумма должна пойти целиком на зелёную повестку). И действительно впервые за всю современную историю экономики в РФ на экологию в 2022 г были направлены около 1,1 трлн. р. Таким образом, расчётом подтверждается, что экономика РФ в 2021–2022 гг. находилась в состоянии устойчивого эколого-экономического развития. Вопрос в том, дошли ли эти деньги по назначению? Но это уже другая история, которую рассмотрим ниже.

Эколого-экономическое состояние РФ будет описываться зависимостью:

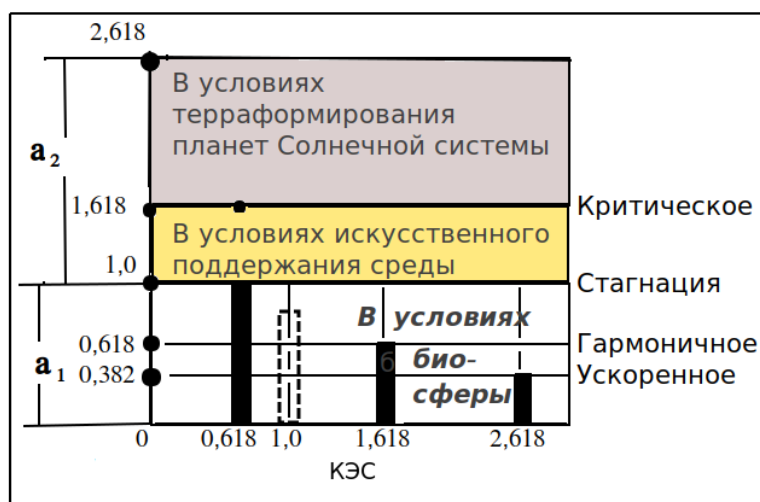
4,7 = 1,618·4,7· a . Отсюда a = 0,618. Т.е. a точно отвечает значению одного из золотых чисел. Другими словами независимым методом подтверждается тезис о том, что в 2021–2022 гг. РФ практически находилась в состоянии устойчивого эколого-экономического развития. А в рамках закона сбалансированного природопользования при ассимиляционном потенциале равным 0,618 эколого-экономическое развитие будет устойчивым при любых темпах прироста ВВП. Однако платежи природопользователей будут исключительно зависеть о состоянии ассимиляционного потенциала природы регионов, рассчитанного по вышеприведённой формуле: $a = \frac{a_1+a_2+\dots+a_n}{N}$.

Но если, например, a = 1,0 (не нарушенное равновесие между антропогенной нагрузкой и способностью природы восстанавливать ресурсы и качество среды), то отчисления в рамках КЭС будет уже соответствовать значению: 4,7=1,618· t · a . Отсюда t = 2,90 % от темпов прироста ВВП 4,7%. Т.е. меньше в 1,62 раза, чем в первом случае. А отчисления будут практически соответствовать нормативным. В случае же a = 0,1 и при тех же темпах экономического роста в 4,7% уравнение будет иметь вид: 4,7=1,618· t ·0,1. Платежи (t) составят уже 29,05 % от темпов прироста ВВП в 4,7%. Т.е. в 10 раз больше. Отсюда, чем меньшее значение ассимиляционного потенциала тем выше платежи природопользователей для достижения устойчивого эколого-экономического развития. А зависимость платежей природопользователей от ассимиляционной функции природы (природно-хозяйственного комплекса) прямо пропорциональна (рис. 1), что даёт возможность оценки достижения устойчивого эколого-экономического развития в разных экономических, социальных, политических условиях с сохранением достигнутой ассимиляционной функции территорий.

Устойчивое и гармоничное эколого-экономическое развитие возможно только в условиях сохранения функции биосферы по поддержанию жизни на Земле и в рамках существующих обменных процессов между атмосферой, гидросферой и литосферой. Как видно из рис. 1, ассимиляционная функция природы в условиях хозяйственной деятельности человека может варьироваться в пределах $a < 0$ до $a = 1,0$, т.е. в точках $a = 1,0$; 0,618; 1,618. А в условиях ускоренного эколого-экономического развития устойчивое динамическое равновесие между темпами экономического роста может быть достигнуто даже при значении $a = 0,382$.

В условиях $a = 1,0$, динамическое равновесие достигается в условиях стагнации экономики при значении $a < 0$ до 1,0.

¹<https://www.google.com/search?q=%D0%B2%D0%B2%D0%BF+%D1%80%D1%84+2021&oq=%D0%B2%D0%B2%D0%BF+%D1%80%D1%84&aqs=chrome.3.69i57j0i512l2j69i59j0i512l6.11673j1j7&sourceid=chrome&ie=UTF->

Рис. 1. Возможность достижения устойчивого эколого-экономического развития в разных условиях с сохранением ассимиляционной функции в биосфере и за её пределами, в том числе в рамках терраформирования территорий. Здесь: a_1 – значения ассимиляционного потенциала ($a \geq 0 - 1,0$) в пределах биосферы и в рамках закона сбалансированного природопользования (достижения устойчивого динамического равновесия между темпами экономического роста и величиной отчислений средств на воспроизводство возобновляемых природных ресурсов и качества окружающей среды); a_2 – значения ассимиляционного потенциала ($a > 1,0$ до $1,618$) в условиях искусственного поддержания качества окружающей среды в условиях терраформирования планет Солнечной системы. А ассимиляционный коэффициент (a) находится в пределах значений $1,618-2,618$; КЭС – коэффициент экологической ситуации при расчёте затрат средств на отчисление воспроизводства природных ресурсов в биосфере, приведённого к золотым пропорциям ($0,618$; $1,618$ и $2,618$) в зависимости от ускоренного, гармоничного развития, стагнации экономики или критического развития в условиях необходимости искусственного поддержания среды обитания.

Fig. 1. The possibility of achieving sustainable ecological and economic development in different conditions while maintaining the assimilation function in the biosphere and beyond, including within the framework of terraforming territories

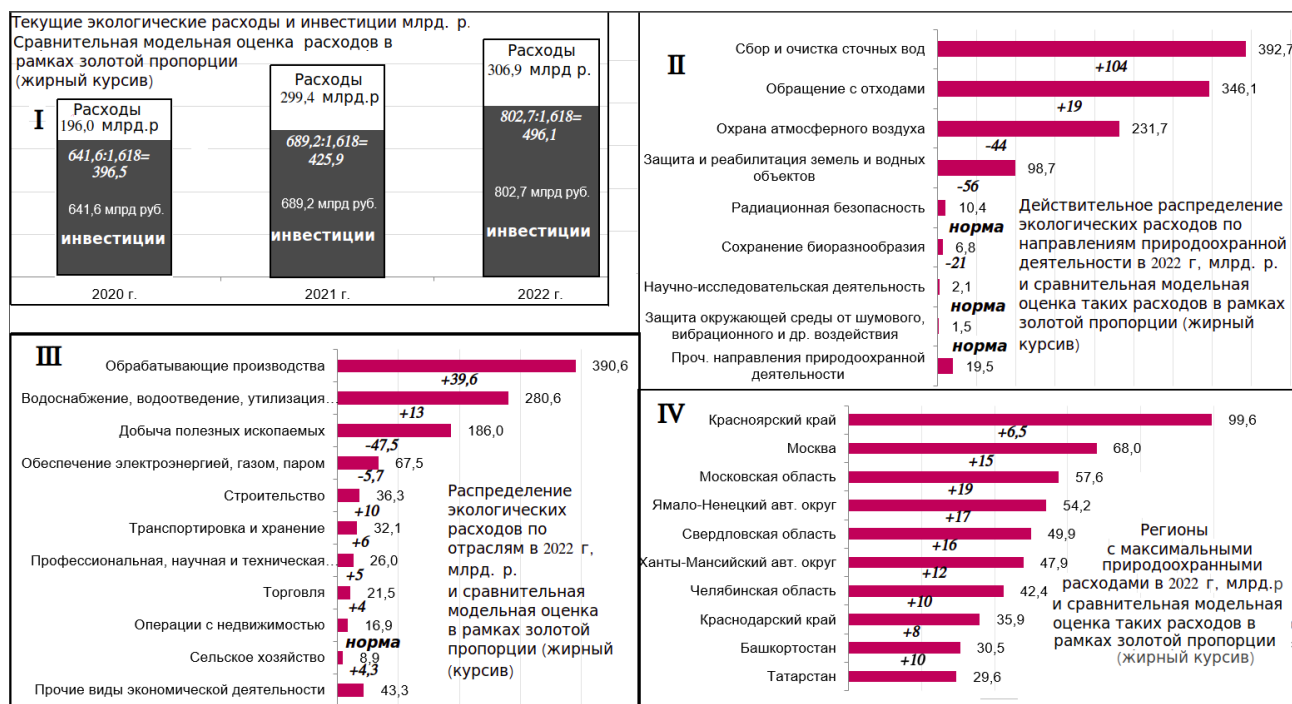
Возникает тривиальный вопрос. Может ли человек достигать устойчивого эколого-экономического развития в условиях превращённой природы под влиянием хозяйственной деятельности человека? Может, но в условиях искусственного поддержания качества окружающей среды при a от $1,0$ до $1,618$. Так называемая область критического развития, когда весь прирост ВВП пойдёт на поддержание качества окружающей среды и существующего биоразнообразия. Такое положение можно определить как состояние критических условий развития человеческой популяции в условиях искусственного поддержания самой функции биосферы по поддержанию жизни на Земле в Солнечной системе.

В условиях терраформирования планет человек будет вынужден создавать искусственную среду обитания с эквивалентными затратами на поддержание жизнедеятельности при $a > 1,0$. А в точках $a = 1,618$; $2,618$ может достигнуть устойчивого развития по формированию искусственной биосферы путём постепенного запуска обменных процессов, способных формировать механизм по искусственному существованию биологического разнообразия, например, на Марсе.

Теперь дадим анализ самих отчислений на природоохранную деятельность, выделенных Правительством РФ в 2021-2022 гг. Для этого обратимся к рис. 2, где дана сравнительная модельная оценка расходов в 2022 г (млрд. руб.) в рамках золотой пропорции по сравнению с действительными расходами на зелёную повестку по отраслям производства и регионам РФ. На природоохранную деятельность Правительство РФ выделила 1 трлн 56 млрд руб. Посмотрим,

как эти расходы были распределены. Подчиняются ли они золотой пропорции подобных отчислений на природно-охранную деятельность?

Действительные значения расходов должны браться по отношению к коэффициенту 1,618 с тем, чтобы показать уровень сбалансированности или не сбалансированности расходов и доходов (включая инвестиции) в рамках условий, при которых ассимиляционный потенциал природы оставался бы не нарушенным, а природоохранная деятельность соответствовала бы закону сбалансированного природопользования.

Рис. 2. Сравнительная модельная оценка расходов в 2022 г. (млрд руб.) в рамках золотой пропорции: I – расходы относительно инвестиций; II – расходы по направлениям природоохранной деятельности; III – расходы по отраслям деятельности; IV – расходы по регионам РФ по данным¹.

Fig. 2. Comparative model estimate of expenses in 2022 (billion rubles) within the framework of the golden portion: I – expenses relative to investments; II – expenses in areas of environmental protection; III – expenses by industry; IV – expenses by regions of the Russian Federation

По сравнению с инвестициями в природоохранную деятельность (рис. 2-I) действительные расходы оказались меньшими: в 2020 г на (641,6-396,5) 245,1 млрд. руб., в 2021 г на (689,2-425,9) 263,3 млрд руб., в 2022 г на (802,7-496,1) 306,6 млрд руб. Т.е. значительная часть инвестиций на зелёную повестку могла использоваться не по целевому назначению, в то время, как эколого-экономическое развитие РФ находилось в условиях близких соблюдению закона сбалансированного природопользования.

Приоритетная последовательность расходов на зелёную повестку (рис. 2-II) определяется природоохранными органами. А каждое последующее вложение средств от предыдущего года в рамках золотой пропорции уменьшается в 1,618 раз. Превышение уровня расходов от золотой пропорции (здесь и на рис. 2-III, IV) соответствуют численному значению со знаком (+) в (млрд руб.). Соответственно недофинансирование – числом со знаком (-), а расходы в рамках соответствия золотой пропорции на рисунке показаны как норма. Таким образом, превышение расходов на зелёную повестку пошли на: обращение с отходами; охрану атмосферного воздуха. На самом деле они не должны превышать законодательно установленные

¹ <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/rash-biz-na-ekolog/> в открытом доступе 5.10.2023.

нормативы производства отходов на единицу продукции. Так как отчисление средств на решение проблем управления отходами производства и коммунального хозяйства базируется на нормативах с учётом КЭС. В том числе для загрязнений атмосферного воздуха для каждого региона. А перерасход средств на зелёную повестку может быть связан: с плохим или полным отсутствием мониторинга окружающей среды со стороны природоохранных органов субъектов РФ; с некачественными технологическими системами управления отходами; с избыточным производством отходов на производство единицы продукции (использовались не наилучшие современные технологии – НСТ); с отсутствием системы управления отходами на предприятиях (дезинтеграция, хранение, транспортировка, переработка, утилизация, захоронение).

Недофинансирование касается защиты и реабилитации земель и водных объектов, радиационной безопасности и научно-исследовательской деятельности. Остальные позиции экологических расходов соответствуют не только нормативам качества, но и золотой пропорции в распределении средств на природоохранные мероприятия.

Сравнительная оценка экологических расходов по отраслям производства (рис. 2-III) в 2022 г. даёт возможность показать, что относительно золотой пропорции они превышены практически по всем отраслям, кроме отчислений на сельское хозяйство (отчисления на уровне золотой пропорции), но с дефицитом расходов по обеспечению электричеством, газом, паром и строительства. Явно превышены расходы на так называемые «прочие виды экономической деятельности» относительно предыдущих расходов (они в своей сущности не раскрыты, что позволяет предположить также о возможности использования средств не по назначению).

Регионы с максимальным загрязнением окружающей среды (рис. 2-IV) характеризуются превышением экологических расходов относительно золотой пропорции. Причина в том, что: во-первых, каждый субъект РФ стремится улучшить экологическое состояние территорий за счёт других; во-вторых, как было показано выше, выделение средств на зелёную повестку не означает, что они пойдут по своему назначению; в-третьих система управления природоохранной деятельностью должна не только понимать сущность устойчивости развития, но и направлять расходы на технологии ресурсосбережения и воспроизводство качества среды.

Таким образом, сравнительная модельная оценка расходов на решение экологических проблем РФ в рамках золотой пропорции позволяет вскрыть дисбаланс между действительным их распределением и требованиями закона сбалансированного природопользования в достижении целей устойчивого эколого-экономического развития. В том числе выявить узкие места в управлении природоохранной деятельностью. А именно: в регионах с максимальными нагрузками на окружающую среду внедрять в производство НСТ или новейшие доступные технологии (НДТ) по управлению производством, отходами производства, их утилизации, переработки и захоронения отходов. А инвестиции и средства, превышающие модельные расходы, перенаправить на решение не дофинансированных экологических проблем с целью восстановления ассимиляционного потенциала природы (природно-хозяйственных комплексов) территорий РФ.

Устойчивое развитие экономики не должно рассматриваться, как некое постоянство прироста темпов экономического роста. Возникают различные состояния, при которых субъекты экономической деятельности пытаются пойти по ускоренному развитию (рис. 1).

Закон сбалансированного природопользования и модель золотого сечения (пропорции) в условиях крайней необходимости (например в современной реальности жёстких экономических, финансовых, технологических санкций со стороны Запада) может принимать вид, при котором можно достичь условий устойчивого развития, но за счёт снижения ассимиляционного потенциала природы (рис. 1):

$$T = 2,618ta$$

То есть вместо коэффициента *1,618* в законе сбалансированного природопользования используется выводимое из него же отношение, равное коэффициенту *2,618*. В таком случае при темпах экономического роста в 4,7% в год платежи за природоохранные мероприятия уже

составят: $4,7=4,7 \times 2,618=12,3a$. Отсюда $a=0,382$. Т.е. платежи возрастают в 2,618 раз и составляют 12,3% от прироста ВВП. А ассимиляционный потенциал уменьшается, что приведёт к необходимости ещё больше увеличивать расходы на природоохранные мероприятия. Например, при темпах экономического роста в 10% платежи уже составят 26,8% от прироста экономики. Но при этом a опять-таки будет определяться значением **равным 0,382** также при любых темпах экономического роста с соблюдаться устойчивого развития, но в условиях значительно больших отчислений средств на природоохранные мероприятия и за счёт снижения расходов на решение социальных проблем.

В условиях $T = ta$ и при темпах экономического роста в 4,7% платежи должны составить 4,7% от темпов прироста экономики при $a=1,0$. Такое состояние возможно при условии нормативных отчислений, гарантирующих воспроизводство ресурсов и качества среды в рамках «нетронутой» или дикой природы с её естественным ассимиляционным потенциалом. Т.е. в условиях сознания производителями и системы государственного управления необходимость соблюдения зелёной повестки.

Отчисления на зелёную повестку ниже $a=1,0$ неизбежно приведёт к условиям деградации естественного состояния природы, поскольку ассимиляционный потенциал не может иметь значение меньше 1,0 в условиях современной биосферы. Такая ситуация может характеризовать экономику исключительно в условиях непрерывного расхода природных ресурсов в искусственной среде обитания.

В критических условиях состояния природной среды, закон сбалансированного природопользования и устойчивого развития приобретает вид:

$$T = 0,618ta$$

В этом случае ассимиляционный потенциал природы сводится к золотому числу 1,618 при любых темпах экономического роста. В условиях Земли это не возможно, поскольку ассимиляционный потенциал не может быть больше 1,0. Это возможно только в условиях, например, терраформирования планетных систем¹, на которых создаются искусственные условия по поддержанию жизни при непрерывном расходовании ресурсов. А все затраты от хозяйственной деятельности пойдут исключительно на поддержание искусственной среды обитания.

Выводы

1. Эколого-экономические системы, находящиеся в состоянии неустойчивого динамического равновесия под влиянием естественных и антропогенных факторов, стремятся к устойчивости в случае, если хозяйственная деятельность человека способна поддерживать ассимиляционный потенциал на уровне воспроизводства природных ресурсов и качества окружающей среды путём отчисления части доходов на экологическую повестку. Достижение условий устойчивого эколого-экономического развития должны сопровождаться не только гармоничным (сбалансированным) отчислением средств на зелёную повестку от прироста ВВП, но и направлять их на достижение конкретных текущих экологических расходов в рамках золотой пропорции относительно конкретного состояния качества окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов.

2. Любые эволюционные системы могут быть описаны в рамках модели золотого сечения [13] (пропорции) и закона сбалансированного природопользования. Модель позволяет оценить не только в каком (устойчивом или не устойчивом) состоянии находятся объекты управления (исследования), но даёт возможность выйти на управляющие параметры устойчивости развития и вскрыть причины отклонения от него.

¹ *Терраформирование* – целенаправленное изменение климатических условий, атмосферы, температуры, топографии или экологии планеты, спутника или же иного космического тела для приведения атмосферы, температуры и экологических условий в состояние, пригодное для существования жизни.

3. В рамках гармоничного и устойчивого развития экономики управляющие параметры эколого-экономических систем определяются границей золотых чисел (отношений критериев состояния объектов) и законом сбалансированного природопользования с коэффициентом 1,618 ($T=1,618 \cdot t \cdot a$) при $a=0,618$ и любых темпах экономического роста. Но при условии взимания платежей на воспроизводство природных ресурсов и качества окружающей среды в рамках установленных нормативов и целевого расходования средств на зелёную повестку.

4. В условиях необходимости ускоренного развития экономики устойчивость состояния исследуемых эколого-экономических систем определяется золотым числом 2,618 в коэффициенте уравнения закона сбалансированного природопользования: $T=2,618 \cdot t \cdot a$) при $a=0,382$ для любых темпов экономического роста при тех же условиях взимания и расходования платежей на зелёную повестку.

5. Критически возможное достижение устойчивого развития ($T=0,618 \cdot t \cdot a$) возможно исключительно в условиях искусственной среды обитания и непрерывного расходования природных ресурсов при $a=1,618$. Т.е. в условиях трансформированной (превращённой, переработанной человеком) природы или в условиях терраформирования планетных систем посредством целенаправленного изменения климатических условий, атмосферы, температуры, топографии или экологии планеты, спутника или же иного космического тела для приведения условий в состояние, пригодное для обитания земных животных и растений. При этом основные расходы будут связаны исключительно с поддержанием среды обитания.

В целом хозяйственная деятельность человека, как и все естественные явления в природе вписывается в принцип трансляции подобия её развития на любом уровне организации, включая управленческую и хозяйственную деятельность в том числе [13]. Устойчивого эколого-экономического развития можно достигнуть в любых состояниях окружающей среды лишь бы соблюдался баланс между темпами экономического роста и отчислениями средств на восстановление ассимиляционной функции природы. Но они должны направляться на экологическую повестку в строгом соответствии с золотой пропорцией относительно основных направлений природоохранной деятельности даже в условиях трансформированной природы, а в недалёком будущем и в условиях терраформирования. Однако тогда все затраты развития пойдут исключительно на поддержание среды обитания кратно золотым числам 1,618 и 2,618 в коэффициенте закона сбалансированного природопользования.

Человек в своей хозяйственной деятельности неизбежно стремится к гармонии (устойчивому динамическому равновесию) между возможностью достижения целей эколого-экономического (устойчивого) развития и средствами в его распоряжении. Мера (или граница) состояния подобной устойчивости определяется золотой пропорцией достигнутого результата и возможностью платить за этот результат.

Список источников

1. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: методология и методики измерения. М.: Экономика, 2011. 358 с.
2. Вострикова В. В. Устойчивое развитие России в меняющемся мире: угрозы и перспективы. М.: Русайнс, 2014. 30 с.
3. Марфенин Н. Н. Устойчивое развитие человечества. М.: МГУ, 2007. 624 с.
4. Ягодин Г. А., Пуртова Е. Е. Устойчивое развитие. Человек и биосфера. М.: Бином, 2015. 109 с.
5. Кокин А. В., Садовникова Ю. Ю. Экологические заблуждения и ассимиляционный потенциал природы : [монография]. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУФ РАНХиГС, 2013. 88 с. ISBN 978-5-89546-723-7.
6. Безгубов В. А., Часовников С. Н. К вопросу об экологической емкости территории и способам ее оценки // Фундаментальные исследования. 2015. № 12–4. С. 751–754.
7. Коржнев М. Н., Курило М. М., Захарий Н. В. Ресурсные и экологические критерии определения ассимиляционного потенциала геологической среды на примере горнодобывающих районов Украины // Вестник Томского государственного университета. – Томск: Национальный исследовательский Томский Государственный университет, 2014. № 387. С. 243–252.

8. Янаев Э.М. Описание подхода к определению ассимиляционного потенциала как показателя экологической оценки городских территорий // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2012. С. 607–616.

9. Кокин А. В., Батурич Л. А. Экономика природопользования в условиях устойчивого развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. СКАГС. 2001. № 4. С. 14–19.

10. Игнатов В. Г., Кокин А. В. Концепция природоохранного и природоресурсного регулирования в новых экономических условиях // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. С. 14–22.

11. Игнатов В. Г., Бутов В. И., Кокин А. В. Устойчивое развитие региона: природно-ресурсный фактор (на материалах Южного федерального округа). Ростов-на-Дону: СКАГС, 2003. 60 с.

12. Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал биосферы. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. 186 с.

13. Кокин А. В., Кокин А. А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции). М.: ООО «Информ-Право», 2022. 232 с.

References

1. Bobylev S. N. *Sustainable development: methodology and measurement techniques*. Moscow: Ekonomika; 2011. 358 p. (In Russ.)

2. Vostrikova V. V. *Sustainable development of Russia in a changing world: threats and prospects*. Moscow: Rusains; 2014. 30 p. (In Russ.)

3. Marfenin N. N. *Sustainable development of mankind*. Moscow: Moscow State University; 2007. 624 p. (In Russ.)

4. Yagodin G. A., Purtova E. E. *Sustainable development. Man and the biosphere*. Moscow: Binom; 2015. 109 p. (In Russ.)

5. Kokin A.V., Sadovnikova Yu. Yu. *Ecological misconceptions and the assimilation potential of nature* : [monograph]. Rostov-on-Don; 2013. 88 p. ISBN 978-5-89546-723-7. (In Russ.)

6. Bezgubov V. A., Chasovnikov S. N. On the issue of the ecological capacity of the territory and methods of its assessment. *Fundamental research*. 2015;12-4:751–754. (In Russ.)

7. Korzhnev M. N., Kurilo M. M., Zakhariy N. V. Resource and environmental criteria for determining the assimilation potential of the geological environment on the example of mining regions of Ukraine. *Bulletin of Tomsk State University*. 2014;(387):243–252. (In Russ.)

8. Yanaev E. M. Description of the approach to the definition of assimilation potential as an indicator of environmental assessment of urban areas. In: *Polythematic network electronic scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*. Krasnodar: Kuban State Agrarian University; 2012: 607–616. (In Russ.)

9. Kokin A.V., Baturin L. A. Economics of environmental management in conditions of sustainable development. *State and Municipal Management. Scholar Notes of SKAGGS*. 2001;(4):14–19. (In Russ.)

10. Ignatov V. G., Kokin A.V. The concept of environmental and natural resource regulation in new economic conditions. *North Caucasus Legal Vestnik*. 1998;(1):14–22. (In Russ.)

11. Ignatov V. G., Butov V. I., Kokin A.V. *Sustainable development of the region: a natural resource factor (based on the materials of the Southern Federal District)*. Rostov-on-Don: SKAGGS; 2003. 60 p. (In Russ.)

12. Kokin A. V. *Assimilation potential of the biosphere*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2005. 186 p. (In Russ.)

13. Kokin A. V., Kokin A. A. *The Golden section and evolution (introduction to the general theory of nonlocal evolution)*. Moscow: Inform-Pravo LLC; 2022. 232 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Кокин – доктор геолого-минералогических наук, профессор ЮРИУ РАНХГС.

Information about the author

A. V. Kokin – Dr. Sci. (Geolog.-Mineral.), Professor, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

«Искусство науки» в массы, или Новая научная школа профессора А. И. Бойко

19 февраля 2024 г. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС была организована публичная лекция доктора юридических наук, профессора **Александра Ивановича Бойко «Искусство науки»**, посвященная поиску возможностей очеловечивания и обеспечения эстетической привлекательности юридической науки, принуждённой обслуживать шаблонное право как «заведомо равной меры к заведомо неравным людям и обстоятельствам» – с опорой на искусство.

Лекция проводилась в смешанной очно-дистанционной форме. В аудитории и эфире присутствовали сотрудники и студенты различных форм обучения, аспиранты нашей академии, Юго-Западного университета (г. Курск), Академии управления МВД России (г. Москва), Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (г. Новосибирск).

С приветственным словом выступила декан юридического факультета **Елена Анатольевна Пащенко**, которая отметила новаторский академический проект – новую научную школу кафедры уголовно-правовых дисциплин под руководством профессора Александра Ивановича Бойко – ученого с уникальным мышлением, сумевшего нешаблонно продемонстрировать сплетение науки и искусства. Сама открытая лекция профессора явилась логическим продолжением уже состоявшихся научных дискуссий о «Языке уголовного закона» (30.09.2022 г.), «Личности в науке» (25.11.2022 г.) и «Уголовном праве как феномене культуры» (19.05.2023 г.), модератором и основным спикером которых выступил А. И. Бойко.

В своей лекции Александр Иванович дал пояснения по поводу содержания и особенностей искусства и науки; обосновал допустимость рассуждений о столь высокой материи представителем частной отрасли знаний, обслуживающей самые утилитарные потребности общежития; обозначил эволюцию замысла об обеспечении смычки юриспруденции с искусством и возможное организационное оформление данной инициативы в будущем. Студенты академии принимали активное участие в подготовке презентационных материалов, а также «разбавили» выступление профессора стихами.

Ожидаемо, тематика лекции вызвала интерес слушателей, подключившихся к обсуждению тех вопросов, которые были обозначены лектором. Доктор юридических наук, профессор Юго-Западного университета **Геннадий Васильевич Назаренко** обратил внимание на этимологию слова «ученый», отметив, что криминалисты XIX в. именовали себя писателями и никак иначе, а слова «ученый» не было.

Доктор юридических наук **Роман Николаевич Боровских** искренне признался, что всем коллективом слушали лекцию Александра Ивановича, студентов освободил от занятий, чтобы они могли хотя бы дистанционно присутствовать на данном мероприятии. Роман Николаевич передал вопрос от студенческого коллектива: «Если есть искусство науки, то должна быть и муза. Какая же муза у Вас, Александр Иванович?». Лектор приоткрыл тайну того, как творит или (как сам иронично говорит) «вытворяет» в жанре литературного эссе.

Доктор юридических наук **Стешич Елена Сергеевна** выступила со словами благодарности к А. И. Бойко: «С удовольствием слушали стихи и рассматривали картины через призму видения Александра Ивановича и его картину мира».

В завершении дискуссии выступил почетный гость – директор центра правовых исследований, руководитель школы правового мышления, ЮРИУ РАНХиГС, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Дамир Юсуфович Шапсугов**, подчеркнувший, что все присутствовали при выдающемся событии юридической науки и юридического образования, поскольку эксклюзивность темы свидетельствует о ее неисчерпаемости, а заинтересованность слушателей – об ожидании продолжения подобных встреч. Обосновывая идею синтеза науки и искусства, возможного, по его мнению, через культуру творчества, он обратил внимание на, хотя и благородные по цели, но рассудочные по способу мышления попытки «внедрить» искусство в науку, не учитывающие обобщающий характер культуры творчества как выражение единства юриспруденции, законодательства и практики его применения. В качестве конкретной меры, направленной на реализацию этой идеи им было внесено предложение о подготовке к изданию коллективной монографии или сборника научных статей по данной тематике.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС
Н. Ю. Лазарева*

80 лет

**Рыцарю науки и искусства,
Гражданину и патриоту России!
Шапсугову Д.Ю.**

Человек эпохи.

Человек – эпоха.

Глубокоуважаемый и высокочтимый Дамир Юсуфович!

Дорогой коллега по призванию и роду деятельности, счастлив сказать Вам в День Вашего 80-летия слова благодарности судьбе, которая свела нас с Вами на прихотливых перекрестках истории России, Донского края, Адыгеи, научной работы.

Ваш жизненный путь, Дорогой Дамир Юсуфович, Вы прошли вместе со страной, оставаясь на всех ее путях и перепутьях правофланговым, активным, созидательным, заряженным на позитив и успех. Все в Вашей состоявшейся судьбе, Дамир Юсуфович, отмечено печатью истории, печатью таланта, упорства, многогранности натуры. На это указывают все Ваши годы жизни.

Ваша безупречная биография, Ваша научная судьба, Ваше служение общественным наукам, как главному делу всей Вашей содержательной жизни, достойны восхищения и глубочайшего уважения. Свою судьбу Вы навсегда связали с судьбой своей большой и малой родины, родной Адыгеи и Великим камнем на реке Псеуапсе. В Вас, Дамир Юсуфович, продолжает бродить родовая закваска, учительская выучка, упоение трудом, жизнью, будущим.

Пусть же все Ваши дни будут наполнены позитивной умиротворенностью, теплыми впечатлениями, новыми озарениями, приятными путешествиями и убедительными победами мудрости. Все жизненные перемены желаю воспринимать как любопытные круизы, которые обязательно окончатся счастливо и принесут только радость и удачное разрешение трудностей.

Дорогому человеку острого ума и щедрой души желаю Здоровья, Здоровья, Здоровья!

Памятуя о том, что в жизни самые сложные – первые 100 лет, желаю Вам долголетия, реализации всего задуманного в ближайшие 25 лет, оставаться всегда нравственно верным Другом, патриотом России!

*С Любовью и Уважением, Всегда Ваш А. В. Понделков,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и этнополитики
ЮРИУ РАНХиГС*

1 августа 2023 г.

В. Ф. Коток – выдающийся деятель творческой юриспруденции СССР XX века

Опыт государственно-правового развития в период существования советской власти в СССР и его обобщение вызывают разные оценки от резко негативных до ностальгических переживаний о его серьезной значимости в современных условиях. Настала пора его

Виктор Фомич Коток

(13 сентября 1911 г. – 9 февраля 1974 г.)

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РСФСР,
вице-президент

Ассоциации политической науки СССР,
заведующий сектором
конституционных проблем ИГП АН СССР

конкретного анализа, доходящего до анализа конкретных институтов государственности и права, возникших и развивавшихся в названный период. Сегодня можно выделить ряд ученых, которые обратили внимание на выдвинутые в ходе социалистической революции новые принципы государственного управления и правового строительства, обладавшие огромным позитивным политико-правовым потенциалом и нравственным содержанием и пытавшиеся открыть простор для их развития в новом, развивающемся обществе.

К их числу относилась идея поголовного участия трудящихся масс в осуществлении государственного управления, сущность которого была сформулирована в кратком положении В. И. Ленина: «Государство сильно сознательностью масс...».

Сегодня достаточно очевидно, что эта идея обладала мощным потенциалом, способным мобилизовать широкие массы населения на решение судьбоносных задач социалистического строительства. Одновременно, ее практическое решение означало перемещение центра тяжести в осуществлении публичной власти к широким массам населения, ранее полностью устраненного от ее осуществления. Появилась потребность в научном анализе этой идеи, выявлении и исчерпывающем анализе в интересах трудящихся творческих возможностей советской публичной власти.

Важно подчеркнуть, что постановка проблемы в такой плоскости исключала возможность конфронтации науки и нового политического строя, крайне нуждавшегося в разработке немедленных практических способов осуществления советской публичной власти, призванных обеспечить эффективную мобилизацию населения на активное участие в построении нового общества.

Творчество выдающегося российского ученого Виктора Фомича Котока можно сказать целиком было посвящено решению этой задачи. Уже его кандидатская диссертация,

защищенная в 1943 году, «Понятие Акта советского государственного управления», являлась теоретическим выражением этой позиции, опиравшейся на почти десятилетний опыт работы автора в высших органах советской государственной власти СССР и РСФСР. Сам перечень его основных научных работ убедительно свидетельствует о его последовательно осуществляемом научном анализе основных институтов советской власти, характеризующих прямую и представительную формы советской демократии: участие личности в осуществлении прямой демократии, собрания (сходы), съезды и совещания трудящихся, институт выборов, народных обсуждений, наказы избирателей, отзыв депутата, референдум, объединяемые общей темой «Проблемы развития непосредственной демократии в советском государстве» – теме его докторской диссертации.

Опубликование монографии «СССР – общенародное социалистическое государство трудящихся» (1973 год) в соавторстве с профессором Н. П. Фарберовым на четыре года опередило закрепление этой политико-правовой конструкции в Конституции СССР 1977 года. Весьма значителен его вклад в развитие системы отраслей советского права, выделение конституционного и административного права, обоснование новой структуры государственного права, создание первых и новых учебников по государственному праву зарубежных, социалистических стран, стран народной демократии. Большое место в его научной деятельности занимала подготовка научно-педагогических кадров для всех союзных республик. Совершенно закономерно, что к его научному творчеству периодически возвращаются многие современные ученые юристы (см. об этом проф. *Редкоус В. М.* «Профессор Виктор Фомич Коток (13. 09. 1911 – 09.02. 1974 г.): Современные взгляды на научное наследие (конституционно-правовой и административно-правовой аспекты) // Правовая политика и правовая жизнь. 3.1.2021. № 44; *Лукьянчикова А. В.* Проблема развития народовластия в советской политической системе // Проблемы права. 2011. Вып. 28; *Макарцев А. А.* Развитие институтов прямой демократии в СССР в 1935-1937 гг.: на материалах сельских районов Западно-Сибирского края: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Ом. гос. ун-т. Новосибирск, 2006).

Как мне стало известно впоследствии, период нашего общения, начавшегося в июне 1971 года, совпал со сложным этапом в его жизни. Тем не менее, я имел возможность видеть душевного и духовно богатого человека, твердо идущего к своей цели своим достойным путем, светлая память о котором тепло и позитивно сопровождает меня уже более 50 лет. Убежден не одного меня, а очень многих людей, разбросанных по всей территории бывшего СССР. Мир человеческий держится на таких выдающихся личностях.

Дамир Юсуфович Шапсугов

(младший друг и почитатель таланта
Виктора Фомича Котока)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержимое.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть

указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

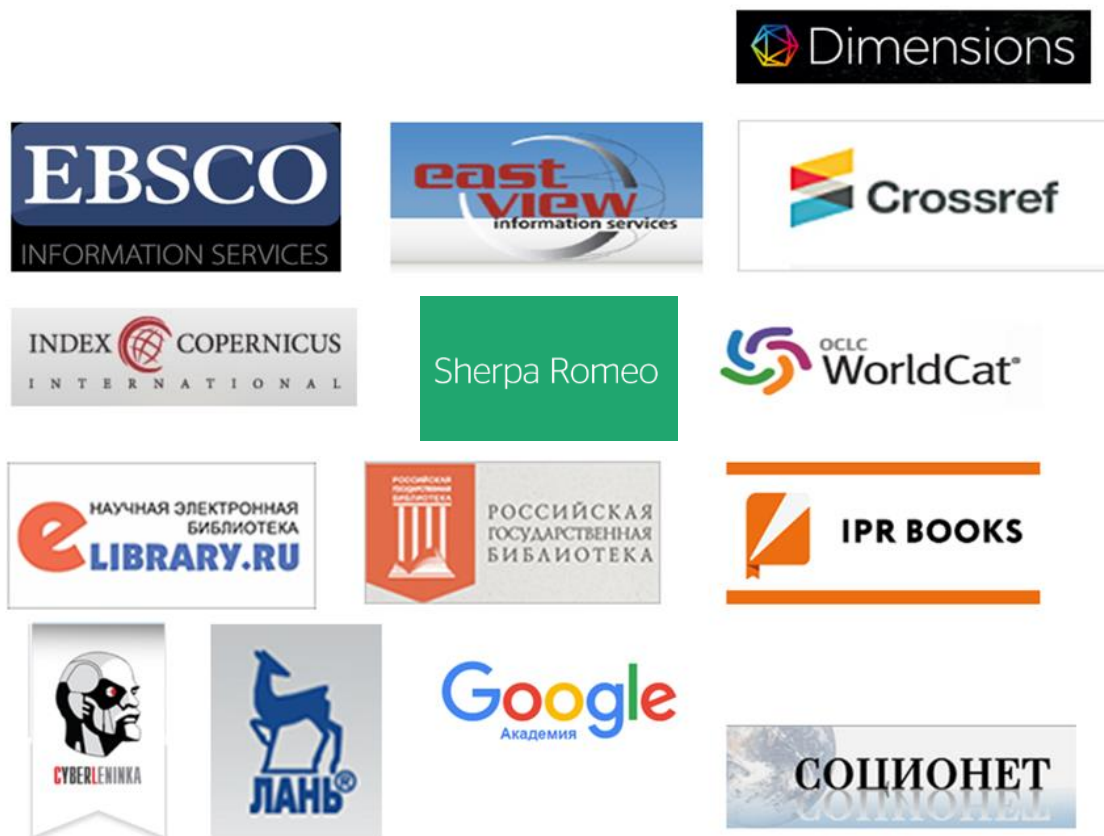
4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но и не пропагандируем!

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1, 2024

Выход в свет 29.03.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1412-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru